РОССИЯ ДЕРЖАВНАЯ

ОЛЕГ ИГНАТЬЕВ

ПЕКИНСКИЙ УЗЕЛ

Олег Геннадьевич Игнатьев
Пекинский узел
Серия «Россия державная»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50636451
Пекинский узел: Вече; Москва; 2019
ISBN 978-5-4484-8110-9

Аннотация

Вторая половина XIX века. В разгар очередной «опиумной» войны двадцатишестилетний генерал Николай Игнатьев направлен в Пекин – город чудес, где смешались современные веяния и седая древность, технический прогресс и вера в магию. Официальная цель визита – ратификация договоров, позволяющих провести чёткую линию российско-китайской границы и наладить торговые связи, но главная задача молодого дипломата – вырвать Китай из-под влияния Запада и сделать союзником России на десятилетия вперёд.

Увы, мыслями императора Поднебесной империи всецело владеет кровожадная фаворитка Цы Си, и ему нет дела до политики, а китайские вельможи не видят выгоды от союза. Чтобы убедить их, нужно освоить древнюю игру в слова, а меж тем Англия и Франция уже готовы свергнуть императора, и времени на игры остаётся всё меньше.

Содержание

Предисловие автора 5
Часть первая. Оскал тигра 7
Глава I 7
Глава II 16
Глава III 28
Глава IV 42
Глава V 55
Глава VI 67
Глава VII 83
Глава VIII 96
Глава IX 102
Глава X 107
Глава XI 113
Глава XII 125
Глава XIII 138
Глава XIV 149
Глава XV 158
Глава XVI 172
Глава XVII 184
Глава XVIII 196
Глава XIX 211
Конец ознакомительного фрагмента. 220

Олег Игнатьев
Пекинский узел

© Игнатьев О.Г., 2019
© ООО «Издательство «Вече», 2019
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019
Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Реши вопрос неразрешимый!
Е. Боратынский

Предисловие автора

Чем глубже входишь в реку времени, тем ощутимей костоломный холод её вод, уносящих в бездну инобытия замыслы и подвиги людей, чьи жизни, судьбы, имена должны светить нам путеводными огнями. В течение многих десятилетий, неподъёмно спрессовавшихся в довольно тяжкий пласт русской и мировой истории, у нас безжалостно уничтожалась память о тех выдающихся, самобытных личностях, которые прилагали неимоверные усилия, дабы удержать Российскую державу на её святых земных путях. Под несправедливый гнёт забвения попало и замечательное имя выдающегося деятеля царской России Николая Павловича Игнатьева. В истории нашего государства есть несколько древних родов, чьи представители из поколения в поколение служили делу укрепления Отечества и являли собой живую ветвь умнейших мужей Московской Руси, цельных, прозорливых, неподкупных, твёрдо знающих, в чём крепость русского народа, где его истинная польза и благо. К их числу принадлежит и род графов Игнатьевых, одним из пращуров которых был святитель Русской православной церкви митрополит Алексий. Главный герой моего романа Николай Павлович Игнатьев родился 17 января 1832 года в Санкт-Петербурге. С отличием окончив Пажеский корпус, а затем Академию Генерального штаба, он столь успешно приступил к го-

сударственной службе, что его имя в скором времени стало известно не только в родном отечестве, но и во всём мире. Но зачем и с какой секретной миссией генерал Николай Игнатьев был направлен в Пекин в самый разгар очередной «опиумной» войны, которую навязали нашему дальневосточному соседу Англия и Франция во второй половине XIX века? Об этом читатель узнает из романа, работа над которым заняла у меня почти пять лет, поскольку история человечества трудно расстаётся со своими тайнами, а история военной дипломатии делает это ещё неохотней. Тем не менее хочется думать, что творческое воображение позволило мне приоткрыть завесу времени, показать трагические события, происходящие в жизни героев, и выявить хитросплетения кровавой интриги, в которую они были вовлечены яростной борьбой противостоящих друг другу сторон. Выводя на авансцену давно минувших лет тот или иной вымышленный персонаж, я прежде всего стремился воссоздать завораживающую силу характеров и зримые образы реально действовавших лиц.

Часть первая. Оскал тигра

Глава I

В Рождество 1858 года двадцатишестилетний полковник Николай Игнатьев был произведен в генерал-майоры свиты его величества, награжден крестом Святой Анны II степени с короной и спустя две недели вызван к государю императору для аудиенции.

Александр II принял его стоя, похвалил за успешную дипломатическую деятельность в Хиве и Бухаре, укрепившую позиции России в Средней Азии, и сообщил о том, что особый комитет поручает ему новое ответственное дело.

– Выручай. Ты молод, энергичен, подготовлен, прекрасно знаешь языки, знаком с политикой Европы на Востоке. – Во взгляде императора было больше просьбы, нежели приказа. – Все члены комитета: великий князь Константин Николаевич, князь Горчаков, генерал Ковалевский – единогласно утверждают, что в Пекине нужен ты.

– Царь что лук, а стрелы – что посланнички, – улыбнулся Николай, польщенный новым поручением.

– Весь фокус в том, – добавил государь, – что посланник должен быть военным, генштабистом. Надо отправить китайцам оружие, передать им пятьдесят крепостных пушек и

осуществлять руководство офицерами-инструкторами непосредственно в столице Поднебесной.

– Мы вооружаем Китай?

– Граф Путятин обещал маньчжурскому правительству безвозмездно десять тысяч ружей и полсотни артиллерийских стволов.

– Я не совсем здоров, – предупредил Игнатьев. – Ночами лихорадит.

– Ничего, – заверил его Александр II, – я позабочусь о твоем лечении. Надеюсь, с Божьей помощью ты восстановишь силы, отдохнешь. А там, в начале марта, и поедешь.

Молодой генерал преклонился перед царской волей, составил по приказу государя план будущих действий России в Средней Азии и поехал в Министерство иностранных дел.

Глава ведомства князь Горчаков принял его в своем просторном кабинете и, усадив в кресло напротив себя, сразу предупредил, что «лично он отправку оружия в Китай не одобряет».

– Это может быть расценено как наше прямое вмешательство во внутренние дела Поднебесной империи и демонстрация противоборства с Англией и Францией на Дальнем Востоке.

– Но ведь у нас с Китаем давние добрососедские отношения, – не столько утверждая, сколько вопрошая, заговорил Игнатьев. – И кто нас упрекнет за нашу действенную по-

мощь? Я не понимаю, ваша светлость.

Министр не дал ему договорить.

– Видите ли, Николай Павлович, хороший дипломат, отвечая на политические запросы времени, должен ещё и предугадывать то, чего не видят другие, предупреждать и предостерегать. – Он строго посмотрел сквозь очки в тонкой золотой оправе и продолжил: – Помните: стихию самой безумной конфронтации и непримиримой вражды можно укротить здравым смыслом взаимных уступок. Надеюсь, что, приступая к руководству возложенной на вас миссии, вы сделаете все от вас зависящее, чтобы ни директор Азиатского департамента Егор Петрович Ковалевский, ни Министерство иностранных дел не разочаровались в своих ожиданиях на ваш счет.

Николай несколько смутился и озадаченно потер лоб.

– В силу своей неопытности я в самом деле боюсь наломать дров, хотя, признаюсь, мне не хотелось бы попасть в ряд тех политиков, которые не видят опасностей, угрожающих России.

– Мы снабдим вас соответствующими инструкциями, дадим хороших переводчиков, обеспечим с вами переписку, но, – сказал Горчаков, – не в этом закавыка. Там, где европейская дипломатия прибегает к громогласным заявлениям и ажиотации публики, мы стараемся действовать сосредоточенно и… как бы это правильней сказать, без лишних аффектаций. Из груды сваленных в кучу вещей мы выбираем

только те, что нам принадлежат по праву. – Убедившись в том, что его слушают самым внимательным образом, светлейший князь продолжил свою мысль: – В условиях деспотического правления, которое имеет место в Китае, действенность дипломата определяется не его политическими убеждениями, а способностью игнорировать чуждые ему постулаты. – Он помолчал и неожиданно спросил: – Я, наверное, кажусь вам циником?

– Нисколько.

– Ну что ж, – самодовольно улыбнулся князь и встал из-за стола. – Будем думать, что вы меня поняли. Не забывайте: требовать своё – задача не из легких. Это не каждому дано. Искусство дипломатии является средоточием евангельских слов: «Иди и веруй». Каковы будут наши границы с Китаем сегодня, таковы будут завтрашние условия добрососедства между двумя великими народами. Помните о пользе Отечества, – напутствовал он. – Как говорили древние, не все выгодное полезно, но все полезное выгодно.

Егор Петрович Ковалевский, директор Азиатского департамента, крепкий жилистый старик с гладко выбритым подбородком и пышными усами-бакенбардами, был не столь многословен, как князь Горчаков, и в нескольких фразах заключил то, что считал необходимым сказать.

– В Китае идет самая настоящая опиумная война. Англичане и французы захватывают все порты и внутренние рынки. Несмотря на сопротивление маньчжурского прави-

тельства и строжайший запрет богдыхана торговать пагубным зельем на территории Поднебесной империи, объединенные силы европейцев готовы предпринять поход на Пекин и, угрожая свержением правящей династии Цинов, принудить маньчжуров к рабской покорности. Англия колонизировала Индию, прибрала к рукам Гонконг и теперь ставит на колени Китай. Торговля опиумом приносит баснословные доходы.

– Что потребуется от меня? – спросил Игнатьев.

– В сущности, одно: пока не начались активные боевые действия, успеть добраться до Пекина и представить в Трибунал внешних сношений ратифицированный нами Тяньцзиньский договор, подписанный в прошлом году графом Путятиным. Заодно обговорите вероятность утверждения китайской стороной Айгунского трактата, учрежденного генерал-губернатором Восточной Сибири графом Муравьевым и командующим Хилу-Индзянским пограничным округом генералом И Шанем.

– Трактат я получу на руки?

– Да. Получите и ознакомитесь. Полагаю, – после видимого замешательства сказал Ковалевский, – ваша миссия займет немного времени: от силы три-четыре месяца, не больше. Вряд ли в сложившейся обстановке Китай захочет ссориться с Россией. Оружие, я думаю, маньчжуры заберут, тем более что за него платить не надо: это наша помощь. Безвозмездная. – Он позвонил в колокольчик и велел вызвать

драгомана Татаринова. – Александр Алексеевич по образованию врач, опытнейший переводчик, знает почти все наречия Китая, – не без гордости за своего сотрудника сказал глава Азиатского департамента, и вскоре Николай познакомился со своим будущим помощником.

Это был милый, хорошо воспитанный человек с ясным проницательным взглядом. Говорил он вдумчиво, несколько нараспев и не преминул заметить, что Тяньцзиньский договор был подписан и утвержден всего за три дня благодаря крайней скромности русского правительства. Одновременно с Тяньцзиньским торговым договором граф Муравьев и комиссар И Шань заключили соглашение о новой русско-китайской границе по Амуру.

– Не имея торгового флота, – сказал Татаринов, – Россия практически не может воспользоваться выгодой из тех прав и преимуществ, которые дает Тяньцзиньский договор, в отличие от Англии и Франции. Даже американцы в большем выигрыше.

– А кто подготовил Айгунский трактат? – спросил Игнатьев. – Для чего он нужен?

– Вышло так, что, заключая договор в Тяньцзине, граф Путятин выпустил из виду нечеткое разграничение сухопутной территории между Россией и Китаем на огромном протяжении. Автором дополнительного договора стал генерал-губернатор Восточной Сибири граф Муравьев, помогал ему кяхтинский градоначальник Деспот-Зенович. Вы с ним

познакомитесь, когда мы приедем в Кяхту.

– Это южнее Верхнеудинска?

– Да, на границе с Монголией, – пояснил драгоман. – Тщательно изучив Тяньцзиньский договор, Муравьев пришел к выводу, что прежде, чем утверждать его, к нему стоило бы прибавить несколько дополнительных статей, которые закрепили бы за Россией права сухопутной торговли по новой границе.

– Думаю, – воодушевился Николай, – это чрезвычайно важно для развития Сибири.

– Ещё бы! – воскликнул Татаринов. – Мы могли бы освоить Дальний Восток, открыть порты и выйти в Тихий океан. Между тем добрейший Евфимий Васильевич удовлетворился результатом переговоров и вознамерился укрепить китайскую армию русским оружием, чтобы иметь влияние в Пекине.

– И как отнеслись китайцы к его заявлению?

– Они поблагодарили его за проявленную заботу и выразили согласие принять русское оружие.

– Ну что же, будем собираться в путь.

Перед отъездом он знакомился с бумагами. Читал и перечитывал Айгунский трактат, запоминал его статьи и положения, вникал в суть недомолвок и представлял себе все трудности возложенной на него миссии. Необходимо утвердить два договора: Тяньцзиньский и Айгунский, обменяться с китайским правительством ратификационными грамо-

тами. Николай понимал, что на одном дыхании такого дела не осилить. Это вам не гриб на вилку наколоть, как говорит его камердинер Дмитрий Скачков.

Текст Айгунского трактата гласил, что Амурская область и Уссурийский край с такого-то числа и такого-то года становятся неотъемлемой частью России, естественной и как бы данной Богом.

Свернув лощеную бумагу в трубку, Игнатьев аккуратно, дабы не помять, втолкнул её в футляр, обтянутый малиновым бархатом и, покачав его в ладонях на весу – приятнейшая тяжесть! – упрятал ценный груз в сундук такого же, как и футляр, малинового жара. Пространство, закрепленное за Россией в тексте трактата, вместившегося в небольшой, словно подарочный, футляр, равнялось территории Германии и Франции, взятых в совокупности. Не шутка.

Николай щелкнул потайным замком и передал сундук секретарю Вульфу: «Под вашу личную ответственность».

Спустя полчаса к нему прибыли офицеры военной миссии.

– Гвардии капитан конной артиллерии Баллюзек!

– Поручик Лишин!

С минутным опозданием прибыл топограф – юный прапорщик Шимкович. Тотчас получил выговор.

Уяснив свою роль и действия в порученном им деле, офицеры испросили дозволения проститься с близкими.

– Сутки на сборы, – объявил Игнатьев и встал из-за стола.

Ему хватило бы и часа.

Глава II

Март выдался солнечным, и шестого числа он выехал из Петербурга. Вместе с ним отправились командированные офицеры. Через Москву, Владимир и Пермь до Томска они добрались довольно скоро, но дальнейший путь потребовал и сил, и времени, и настоящего упорства. Сибирские реки стали выходить из берегов: весна была ранней, стремительной.

Пересаживаясь с розвальней на брички, с бричек на коней, путники добрались до Иркутска. Дом губернатора они нашли легко, стоял он в центре города, недалеко от храма.

– Рад, очень рад видеть вас, – распахнул руки граф Муравьев и крепко обнял Игнатьева, – Таким я и представлял себе посланника в Китай: статным, молодым, красивым.

Через минуту они входили в просторный, освещенный многоярусными люстрами зал торжественных собраний.

– Прошу любить и жаловать, – обратился граф ко всем собравшимся, – Игнатьев Николай Павлович, надежда нашей дипломатии, самый молодой генерал России! – Тут он так лукаво восхищенно указал присутствующим на парадный мундир гостя, что все уставились на его новенькие аксельбанты и погоны.

– Браво! – выкрикнул кто-то звонким голосом.

Николаю показалось, что добрейший хозяин Восточной

Сибири столь щедр на похвалу и хлебосолен оттого, что, коль случится утвердить пограничный трактат, подписанный им и маньчжуром И Шанем, войдёт граф Муравьёв в отечественную историю не только как администратор, но и как собиратель земли русской, и пожалован будет ему благозвучный титул: граф Амурский, а доведётся, так и князем нарекут. Подумать только! Князь Муравьёв-Амурский, ваша светлость. Останется вот столько до величества. Эх, только б утвердили договор!..

Живо представив себе честолюбивую картинку, Игнатьев скромно улыбнулся и поднял бокал с шампанским.

После ужина хозяин дома и его гость уединились в просторном светлом кабинете с высокими потолками и богатой библиотекой.

– Курите? – поинтересовался граф Муравьёв, предлагая дорогие сигары в полированном ящике с серебряными уголками.

– Нет, – отказался Николай. – У нас в роду никто не курит.

– Похвально, – сказал хозяин кабинета и оставил сигары открытыми. – Я сам, если по совести, курю больше для форсу. Император наш, вы знаете, любитель подымить, да и великие князья ему под стать, так невольно втянешься, привыкнешь: что-то вроде мужской солидарности, – быстро заговорил Муравьёв, не скрывая оправдывающегося тона. – Общение требует жертв.

Игнатьев сделал жест рукой: мол, что поделаешь! – и

улыбнулся:

– Не самый страшный грех. Куда страшнее зависть и гордыня.

– Да ещё глупость, потакающая им, – оживился граф, найдя в предложенной для разговора теме широкий стратегический простор. – Говоря о своеобразии человеческих типов, можно признать, что русак – босяк, а китаец что заяц: петлять петляет, а новой дороги боится. Китаец сызмала уверен: раньше было лучше. Правящая династия маньчжуров придерживается политики самоизоляции и самовосхваления. Исторического целомудрия.

– Я полагаю, – со свойственной ему запальчивостью сказал Николай и порывисто захлопнул крышку сигарного ящичка, – Лондон лишит их невинности. Столь же быстро и столь же однозначно, как я, простите, закрыл эту безделицу. – Он бережно приподнял крышку и вернул её ровно в то положение, которое он столь резко нарушил. – Английский парламент циничен до мозга костей, а успех королевских войск в союзничестве с турками и французами одержавших верх над нами в Крымскую кампанию, окончательно развязал ему руки. Лондон просто распоясался, наглеет на глазах.

– Наглеет, – заложил ногу на ногу граф Муравьев. – Рыщет по миру, мира не зная. В ходе минувшей Крымской войны англо-французская эскадра предприняла ряд нападений на русские поселения Охотского побережья и даже на самой

Камчатке. Чтобы предотвратить их вторжение в Приамурье, мне пришлось направить туда наши войска, предварительно договорившись с китайцами. – Он помолчал и добавил: – Тогда-то я и сошелся с пограничным комиссаром И Шанем, убедил, что лучше иметь в соседях Россию, чем каких-то хищников с большой дороги.

– Очень мудро, ваше сиятельство, предельно своевременно. Я сам видел английскую эскадру недалеко от Нарвы, когда английской королеве захотелось отхватить кусок нашего Севера вместе с Архангельском.

– Губа не дура.

– Да только пушки нашей береговой охраны тоже себе на уме, – засмеялся Игнатьев. – Насыпали англичанам перцу под хвост! Те и пустились наутёк, прикрывшись дымовой завесой.

– Разбойники во фраках, – жёлчно заметил Муравьев, – проходимцы. Спасибо князю Горчакову, знает, с кем имеет дело, не даёт бесчинствовать Европе. Да и Егор Петрович Ковалевский говаривал мне, что всячески противодействует Великобритании, как в Центральной Азии, так и на Дальнем Востоке.

Игнатьев улыбнулся. Если чему и противодействовал чересчур доверчивый блюститель порядка в Азиатском регионе Егор Петрович Ковалевский, так это росту своих карточных долгов. Человек честный, мужественно-стойкий, он в то же время был азартным игроком. Картам отдавал всё свое

время, как личное, так зачастую и служебное, но вот удача что-то не давалась ему в руки: манить манила, а обнять его и приголубить медлила.

– Страсть к перемене мест и путешествиям – в крови у европейцев, – сказал Николай собеседнику. – Они обожают перемены, верят в их необходимость и не представляют жизни без новшеств. Я побывал в Англии, пожил в Париже, поколесил по Австро-Венгрии и поразился, как устроен европеец. Хлеба и зрелищ. Больше ничего ему не нужно. Послушать о том, что творится в мире, ему на роду написано. Самый ленивый итальянский босяк, привыкший спать в лодке, свесив ноги в воду, самый нахальный парижский гулякa, не пропускающий ни одной девицы без откровенной скабрезности, да что там говорить, даже московский прощелыга, живущий милостыней и чем Бог пошлет, – любой из них с восторгом сопереживания будет слушать вздор и чепуху о незнакомых странах. Они самозабвенно будут нести околесицу об обычаях и нравах тамошних аборигенов, обо всем, что происходит и не происходит. О последнем даже с большим интересом, но на китайцев, как указывает граф Путятин в своей отчетной докладной записке, на китайцев, – он с благодарностью принял из рук хозяина бокал с клюквенным морсом, утолил жажду, промокнул усы льняной салфеткой с фамильным вензелем и продолжил прерванную мысль, – на всех, почти без исключения, китайцев даже намёк о дальних странствиях и переменах в жизни наводит такой страх

и вызывает такое отвращение, что любая идея нововведения кажется им не чем иным, как шагом к пропасти и низвержением в бездну.

– А что Путятин пишет об их вооружении? – Муравьев позвонил в колокольчик и велел прислуге «заварить китайский лист», не преминув добавить: «Как всегда, с жасмином».

– Путятин пишет, что вооружение маньчжурской армии отвратное. В техническом оснащении войск, как пехоты, так и артиллерии, Китай отстаёт от Англии и Франции наверно лет на сто. Не исключаю, что Евфимий Васильевич сгустил краски, но, судя по тому, как безцеремонно ведут себя союзники в Китайском море, в главном он не ошибся: армию Китая надо перевооружать. Учить её вести освободительные войны. – Он намеренно подчеркнул характер той войны, которую, по его мнению, будет вести Китай в ближайшие пятнадцать – двадцать лет.

– А что, если перевооруженной и заново обученной армии Цинов взбредёт в голову повести войну иную, не освободительную, как теперь, а самую что ни на есть захватническую, со всем напором и агрессией подобных войн? – озабоченно нахмурился хозяин кабинета. – Что тогда?

Он взял сигару, провел ею по усам, шумно втянул воздух. Было видно, что запах табака доставляет ему наслаждение, а может, просто успокаивает или отвлекает.

– Да вы курите, ваше сиятельство, – подался вперед Николай. – Право, мне весьма неловко смущать и стеснять вас

в собственном доме.

– Любезность ваша столь великодушна…

– Полноте, Николай Павлович! Это я так, сомнение взяло: а вдруг?

– Китай натравят на Россию?

– Да, – не выпуская сигары, подтвердил свои опасения граф Муравьев, и в его голосе послышалась тревога.

– С Англии станется, но вряд ли в скором будущем, – откинулся на спинку кресла Игнатьев. – Она как минимум полвека будет переваривать всё то, что заглотила. Англия напоминает мне питона или удава, я не очень разбираюсь в этих гадах, но уверен: с аналогией я не ошибся. Англия сильна своим гипнозом, гипнозом своего могущества. Кто поддался этому губительному наваждению, тот обречён на скорое съедение, причем живьём, со всеми потрохами, простите за натурализм, но это так.

В это время отворилась дверь – вошла прислуга: синеокая красавица в кокошнике, с румянцем на щеках и пухлыми губами. Опуская поднос с чайным прибором на столик, она с кротким любопытством посмотрела на Игнатьева и тихо удалилась. Николай поймал себя на мысли, что сила женской красоты действительно способна вызвать бурю чувств: порой цари женились на дворовых девках, возводили их на трон.

– Хороша? – с лукавым прищуром спросил Муравьев и кивнул в сторону двери, за которой скрылась красавица.

– Мила, – согласился Игнатьев.

Муравьев взял чашку с чаем и посоветовал:

– Отведайте.

Николай сделал несколько глотков и восхищенно признался:

– Вкуснее не пробовал.

Так хорошо заваривали чай, пожалуй, только в Лондоне, в российском посольстве. То, что подавали в городских кафе и ресторанах, претенциозно именуя чаем, иначе, как бурдой и ополосками, назвать было нельзя.

После чаепития вернулись к разговору о вооружении Китая.

– Подписав Тяньцзиньский договор, – сказал Николай, – Путятин решил ступить на новый, весьма рискованный и скользкий путь сотрудничества с Китаем. Ему показалось уместным взбодрить военные силы маньчжуров за счет русского оружия. Он полагал, что после этого мы навсегда станем добросердечными соседями, а военная мощь Поднебесной империи будет направляться исключительно против Англии и Франции. Обрадованный своим замыслом, он тут же пообещал предоставить в распоряжение богдыхана русских офицеров-инструкторов и доставить в течение этого года полсотни орудий и десять тысяч ружей.

– Широк Евфимий Васильевич, – неодобрительно отозвался Муравьев. – А кораблей военных не пообещал?

– Думаю, попридержал. Ему их жалко.

– Всё же адмирал.

– Душой болеет за российский флот.

– Уже похвально. – Хозяин дома вынул из книжного шкафа объемистый справочник артиллерийских и пехотных войск, открыл главу: вооружение. Какое-то время изучал, пролистывал страницы, нервно теребил усы и, наконец, передал книгу Игнатьеву. – Неужели Петербург пошёл на это? – Он недоуменно развел руками, и ещё вчера родной и близкий город со всеми его правительственными учреждениями показался Николаю далёким, скучным и внезапно почужевшим. Он даже не нашелся что ответить.

– Князь Горчаков против инициации Путятина, но для выигрыша времени решено произвести ратификацию Айгунского трактата, произвести обмен ратификаций Тяньцзиньского трактата, а руководство офицерами-инструкторами поручили мне.

Игнатьев захлопнул справочник вооружений и сказал, что идею усовершенствования китайской армии он разделяет только при одном условии.

– При каком? – живо поинтересовался Муравьев.

– Сначала происходит утверждение договоров и обмен ратификационными грамотами, затем идет обустройство пограничных укреплений по левому берегу Амура, отправка поселенцев и служивых казаков в далекий Уссурийский край, закрепление по мере сил на новых землях, а уж затем добрососедская акция по вооружению Китая.

Хозяин дома аккуратно втиснул толстый справочник на

полку книжного шкафа, прикрыл массивную красного дерева дверцу. В её стеклянных проймах дрогнула и раздвоилась люстра. Посмотрев на часы, Муравьёв погрозил кому-то пальцем:

– Эко, засиделись! Ать, и спать.

Полусонный дворецкий проводил Игнатьева до выделенных ему покоев.

Губернаторский дом погрузился во тьму.

– Матери твоей чёрт! – послышался утром сдавленный окрик Дмитрия Скачкова. – П-шла, тырса! Ах ты…

Грохот и возня в передней, чертыхания камердинера, отнюдь не склонного к ругательствам, тем паче на заре нового дня в гостеприимном губернаторском доме, озадачили Николая и заставили выйти на шум.

– С кем это ты? Разбудил, – не скрывая недовольства, строгим голосом спросил он верного оруженосца и прикрыл форточку. – Ещё и сырости развёл – откуда эти пятна на паркете?

– Виноват, – далеко не извиняющимся тоном ответил Дмитрий. – Стервенция прибилась: шасть и прямиком туда, под рукомойник. – Он пнул ногой невидимую тварь и, выговаривая своё право на решительные действия, презрительно добавил: – Блохастая, верно.

– Крыса? – гадливо поморщился Игнатьев и с опаской глянул в угол туалетной комнаты. Загнанный зверь опасен.

– Кошка, – с нотками успокоения в голосе пояснил Скачков и, опережая возможный вопрос, уточнил: – Не хозяйская. Тощая и шипит. Приблуда.

– И?.. – с непонятным самому себе раздражением, словно увидел в происшествии недобрый знак, сдвинул брови Игнатьев.

– Спровадил, – махнул рукой Дмитрий, будто поймал в кулак муху. – Я её – тыц! а она – вон! коленку сгрызла, – задрал штанину камердинер, – кровь текёт, шкелета без хвоста…

Он явно ожидал сочувствия.

– Смажь йодоформом, – приказал Николай и похлопал себя по губам, давя зевоту. – У кошек под ногтями трупный яд, рана может нагноиться.

– Конешно, – дёрнул плечом Дмитрий и, нарочно кривясь, стал наливать воду в рукомойник. – И так, как на собаке… заживёт.

«Есть люди, которые делают, не думая, и есть такие, которые думают, но не делают», – быстро умылся Игнатьев и принял из рук своего камердинера ломкий от крахмала утиральник.

– Спровадил, говоришь, «стервенцию»? – в тон Скачкову спросил он вслух и глянул в зеркало: надо побриться.

– В окошко кинул.

– В окошко, значит, – неодобрительно хмыкнул Николай. – А завтра по всему Иркутску пойдет гулять новость: ки-

дался генерал Игнатьев в граждан Российской империи дохлыми кошками, будучи пьян до полусмерти. А там, глядишь, и до Китая долетит: кидался он из окон губернаторского дома, славнейшего и хлебосольного графа Муравьева, с которым, по всей видимости, и наклюкались в зюзю. А газетчики распишут: граф и его гость швырялись кошками, гуляли…

У Дмитрия отяжелели руки, враз повисли. Большие синие глаза расширились: шуткует барин или как? Не зная, что ответить, насупился.

– Какие граждане? Там караул казачий.

– А караул, по-твоему, не люди? Сам посуди: стоишь ты на часах, а сверху кошка – хвать! – и всеми четырьмя тебе на голову – курьёз! Что ты подумаешь, что ты об этом скажешь? – Видя, что внушение подействовало, отходчиво добавил: – Или барышня какая подошла: спросить-узнать, откуда казаки конвоя? не из того ли славного полка, где и её любимый службу правит?

– По уставу нипочём, – отрезал Скачков. – Запрещено конвойному ответы отвечать. Это она, значит, по другому делу подошла.

– Это по какому же ещё другому? – доставая бритвенный прибор, покосился Игнатьев.

– Цыганить или на распутство потрафлять, – объяснил камердинер. – А коли так, ещё и мало будет кошки из окна! Ведра помойного не жаль.

Глава III

Оставив в Иркутском казначействе пятьсот тысяч рублей, выделенных правительством для обустройства посольства в Пекине, Игнатьев выехал в Кяхту. По пути он заехал в Верхнеудинск и осмотрел оружие, собранное для китайцев. Арсенал выглядел весьма внушительным обозом и насчитывал триста восемьдесят подвод. Чтобы не разбить на горных дорогах Монголии крепостные пушки, предназначенные в дар Пекину, Николай решил переправить их морем, а самому добраться до Китая «малым штабом».

Чем меньше штаб, тем легче выиграть сражение.

Девятнадцатого апреля он со своим отрядом въехал в Кяхту: отсюда до границы с Монголией рукой подать.

Кяхтинский градоначальник Деспот-Зенович выехал ему навстречу и после приветственных слов, нахмурился:

– Вчера из Урги вернулся пограничный комиссар Карпов. Он сообщил, что монгольский амбань отказывает вам в проезде в Пекин.

– Он что, белены объелся?

– Гороха, – мрачно пошутил Деспот-Зенович. – Все они жулики, живут обманом.

Расположившись в отведенном ему доме со скрипучими полами, Николай тотчас написал запрос в Трибунал внешних сношений Китая: на каком основании его, посланника

русского царя, местный монгольский невежда держит на границе? В этой своей обвинительной ноте он заявил, что будет ждать ответа в течение двух недель, поскольку торопится передать китайскому правительству оружие и офицеров-инструкторов. В противном случае он оставляет за собой право следовать в Пекин согласно Кяхтинскому договору.

Когда конверт был засургучен и отправлен, Татаринов постарался успокоить Игнатьева.

– Не вы первый, ваше превосходительство, оказываетесь в столь нелепом положении. В прошлом году мы с графом Путятиным, назначенным в Китай посланником и полномочным министром, точно так же сидели в Кяхте.

– И чем это кончилось? – нервно побарабанил пальцами по столу.

Николай и отшвырнул от себя письмо монгольского чинуши.

– Тем, – ответил драгоман, – что мы вынуждены были отказаться от сухопутной экспедиции и, не дождавшись ответа на свою жалобу в Трибунал, добрались до Амура, пересели на пароход «Америка» и лишь таким образом добрались до Печелийского залива.

– В Японию?

– Да.

– Печально.

– А до этого, – вступил в разговор секретарь Вульф и поправил на носу очки, – такая же неудача постигла посольство

графа Головкина. Прибыв в Ургу, он так и не дождался визита к нему ургинских чиновников, и только через год ему удалось подписать российско-китайский договор.

– Выходит, что маньчжурское правительство в третий раз оскорбляет Россию, – пристукнул кулаком по столу Игнатьев и возмущенно посмотрел на своего секретаря Вульфа, как будто в том была его вина. – Не понимаю, отчего мы с этим миримся?

– С Китаем нельзя говорить языком ультиматумов, – мягко заметил Татаринов. – Китай – это туманные намёки, велеречивая двусмысленность, очаровательные недомолвки и тотальная подозрительность. Это признание простоты жизни через её усложненность.

– В то время как бамбук – это просто бамбук.

– Всё так, но несколько иначе, – сомкнул ладони драгоман. – Европейцы считают, что есть белое и черное. Китайцы же утверждают, что нет чисто белого и нет чисто черного.

– Язычники, – скривился Вульф. – Их быт пронизан суеверием.

– Но есть ведь среди них и христиане? – поинтересовался Николай, все ещё не привыкший к мысли, что китайцы более строптивы, чем он думал.

– Есть, – ответил Татаринов. – И православные, и католики, и даже протестанты. Но христианство китайцев окрашено в буддийские тона. Их вера, а точнее, суеверие основано на страхе наказания всесильным богдыханом. От его недрем-

лющего ока никто не спасется, никто не укроется. Если чего китаец и боится, так это нарушить указ императора. Поэтому китайцы знают все законы.

– Все? – изумился Игнатьев. – У нас, например, свыше десяти тысяч законов, а народ помнит лишь несколько, да и те не исполняет.

– Представьте себе, – сцепил пальцы Александр Алексеевич и тут же их расслабил. – Впрочем, почти так же хорошо они помнят свои любимые стихи и песни, а их китайцы за свои тысячелетия сочинили бессчётно!

– Надо же, – с большей почтительностью в голосе отозвался о китайцах Вульф, – так вы нас убедите, что китайцы великая нация.

– Кто живёт прошлым, будет жить в будущем, – раздумчиво сказал Николай и полюбопытствовал: – Сколько лет Китаю?

– Свыше пяти тысяч, – ответил драгоман.

– Старожилы, – раскрыл перочинный ножик Вульф и стал затачивать карандаши.

– Старожилы, – подтвердил Татаринов. – И вместе с тем китайцы ужасающе бедны. В Китае шагу не ступить, чтобы не столкнуться с побирушкой. Нищета повальная, извечная. Невозможно в это поверить, но в портовых городах матери торгуют дочерями и сразу же платят налог с этих продаж. Рыбаки, строители, торговцы, чистильщики улиц и ночные сторожа, оросители выгребных ям, слуги и господа втянуты

в круговорот поборов, взяток, подношений. Есть недельная мзда, есть месячная, есть годовая. Все платят денно, нощно, регулярно. Все имеют свою долю и все делятся.

– Ассенизаторы тоже? – полюбовался остро заточенным карандашом Вульф и принялся за следующий.

– Все, – встряхнул головой Александр Алексеевич и пригладил свои темные густые волосы. – Тяжелее всего тем, кто зарабатывает собственным трудом, кому никто ничего не дает. Река – рыбы, земля – урожая. А подати надо платить, иначе не уйти от наказания.

– Какого?

– Тому, кто не платит, грозит разорение. Отбирают последнее, гонят на улицу.

– Страшно.

– Конечно. Поэтому каждый пытается сжульничать и прикопить. А лучше – продать. Один продает ребенка, другой – его увечье, третий – собственное уродство. Вместо извести вам продадут мел, вместо муки – известь. Все привыкли к обману и обманом живут и даже улыбаются при этом. В Китае все учтивы и благопристойны.

– Все? Всегда? – не поверил секретарь.

– Пока на них смотрят, – засмеялся Татаринов. – Отвернешься, рожи корчат.

– Лицемеры, – недовольно скривил губы Николай. – Мздоимцы.

Вульф внимательно посмотрел на него и задумчиво пока-

тал карандаш по столу.

– Может, монгольский амбань ждет от нас взятки?

– Не дождется, – отрезал Игнатьев.

– Да нет, – возразил секретарю драгоман. – Мы ведь с вами не контрабандисты. Здесь другое: политика. Англичане и французы вновь угрожают Пекину войной, вот маньчжуры и колеблются: пускать нас, не пускать?

– Я теперь не знаю, как к ним относиться, – признался Николай. – С первого дня отношения не заладились.

– Относитесь с внутренней улыбкой. В китайцах очень много от детей: наивных и проказливых одновременно. Мужчины у них бреют лбы и носят косу, обмахиваются веерами и смеются на похоронах.

– Обмахиваются веерами? Как дамы?

– Да, – подтвердил Татаринов. – Мне, как драгоману посольства Путятина, много раз приходилось присутствовать на переговорах, и я подумал, что бамбуковые веера не просто охлаждали лица сановников. Похоже, ими пользовались при переговорах, как тайным шифром.

– А что? Вполне может быть, – отозвался Вульф. – Ведь у каждого веера свой цвет, орнамент, свой рисунок.

– А главное, иероглифы. Раскрывая веера и закрывая их, можно было не сговариваясь внешне, держаться одной линии по тем или иным вопросам.

– Плутовской народец, – сразу насторожился Николай, словно попал в общество карточных шулеров с их подлыми

замашками. Нет, сам он в карты не играл и, если честно, презирал азарт корысти, чего не мог сказать об азарте ином, охотничьего свойства: выследить, догнать и поразить намеченную цель. Тут он был неукротим.

– Китайцам нравится правой рукой чесать левое ухо и делать вид, что таким образом они желают вам благ. Вяжут руки и тут же дарят розы, а когда вы эти розы не берете, выказывают жуткую обиду.

– М-да, – вздохнул Игнатьев. – Сумасброды.

Прошло несколько дней, и его разыскал посыльный отца Гурия, главы Русской духовной миссии в Китае.

Судя по письму, которое он передал, маньчжуры признавали Тяньцзиньский договор, но категорически отказывались от Айгунского. Отказывались они и от оружия, выражая крайнее удивление по поводу прибытия нового посланника с группой офицеров.

– Ну что ты будешь делать! – сокрушенно воскликнул Николай, передавая письмо Вульфу. – Хоть поворачивай назад.

Отказ китайцев принять оружие и офицеров лишал экспедицию её основной цели: организации военного дела в Китае – и в корне менял задачу, намеченную Министерством иностранных дел.

Он ходил из угла в угол и не знал, что придумать. Как быть? Он готов ехать, готов действовать; спешил, торопился, гнал коней, а тут такая… просто грубая подножка на бегу: бац – и на плац! Лежи, сопи и нюхай землю.

Оставалось набраться терпения и ждать.

Когда вам говорят: «Сидите, ждите», нет ничего разумнее, как следовать совету.

Игнатьев понимал, что ничего не добьётся, если начнет спорить с монгольским амбанем; тот выполняет волю Пекина.

«Жаль, – озабоченно думал он, глядя в окно, – мало взяли денег. Придется затянуть пояса: неизвестно, сколько ещё ждать ответа на свое вторичное послание. Весёленькое дельце – ничего не делать! Хоть садись и стишки сочиняй: «Сидели в Кяхте казаки, а с ними генерал».

На улице слепило солнце. Зацветали абрикосы. Земля быстро покрывалась мшистой травкой, лопушистой зеленью, иван-чаем и луговым мятликом.

На припеках появились одуванчики.

Командир казачьего конвоя, хорунжий Чурилин, сухопарый, мрачный, с покоробленным левым погоном и распущенной портупеей, бездумно охлёстывал нагайкой прошлогодний репейник и даже не глянул на козырнувшего ему гвардии капитана Баллюзека.

– А у вас, хорунжий, что, рука отсохла? – неожиданно придержал шаг и повернулся к нему всем корпусом артиллерист.

– Рука? – сдвинул на затылок папаху Чурилин. – Это с какого рожна?

– А с такого, – басовито заговорил капитан, – что млад-

ший, действуя согласно устава, обязан приветствовать старшего по званию отданием воинской чести, о чем вы, господин хорунжий, постоянно забываете.

Лев Фёдорович Баллюзек – высокий, широкоплечий гвардеец с пышными усами и чистым приятным лицом, пышущим отвагой и здоровьем, – относился к тому типу военных людей, которые привыкли подчиняться, действовать назло врагу, не отступать и в случае нужды легко принимают на себя командование, проявляя далеко не заурядные способности политиков и полководцев.

– Ну, – вызывающим тоном произнёс Чурилин, – не заметил.

Он вскинул руку и демонстративно долго не отрывал её от виска, надменно вытянувшись в струнку.

– Не подобострастно, – заметил Баллюзек. – Вы отдаёте честь не мне, а славе русского оружия, мундиру русского солдата.

– Вольно. – Чурилин бросил руку вниз. – Вам ясно?

– Так точно!

– Постарайтесь меня понять, господин хорунжий.

– Постараюсь, господин капитан.

Чурилин откровенно ревновал Баллюзека к Игнатьеву. Он, командир казачьего конвоя, лично отвечает за жизнь молодого генерала перед государем императором, а тут какой-то капитанишка лезет в глаза, цепляется по пустякам, чего-то петушится. Ревность его была оправданна: Игнатьев

сразу приблизил к себе Баллюзека. Внешне они очень походили друг на друга – ростом, статью, разворотом плеч. Тёмными красивыми глазами.

В это время к Чурилину и Баллюзеку подошел Игнатьев. После приветствия распорядился построить казаков. Хотелось познакомиться с каждым поближе. Кое-кого он помнил по Хиве и Бухаре, но многих видел впервые.

Когда казаки построились, ровно двенадцать человек с хорунжим, он залюбовался «своей гвардией». Больше всего ему нравились уральцы: их песни, их выносливость и храбрость. Он шел вдоль строя, пожимал широкие мозольной твердости ладони, узнавал лица: урядник Ерофей Стрижеусов – ладный степенный казак лет тридцати. Синие глаза, брови вразлёт. Кавалер двух солдатских Георгиев. Ходил с Игнатьевым в Хиву и Бухару. Из уральских староверов.

Рядовой Антип Курихин – сибирский казак, взятый с линии. Белесый, бойкий, прирожденный верховод. Из тех проныр и непосед, за которыми в полку, в казарме, нужен глаз да глаз: того гляди, набедокурят. Несмотря на свой небольшой рост и худоватую шею, он отличался ловкостью и силой, слыл рубакой: обладал неотразимым сабельным ударом. Курихин показательно джигитовал, но все-таки не столь безудержно и лихо, как Семён Шарпанов – казак с роскошным чёрным чубом. Шарпанова он помнил по «хивинскому походу». Он выполнял головокружительные трюки: надвинув на глаза папаху, вспрыгивал в седло бегущего коня, выхва-

тывал клинок и револьвер и начинал ими жонглировать. Бухарский хан Наср-Улла диву давался и предлагал Игнатьеву большие деньги за Шарпанова, не понимая, что казак не продаётся. В Средней Азии всему своя цена: все продаётся и всё покупается – были бы деньги. Стрелял Семён Шарпанов с обеих рук, даже на полном скаку из-под брюха коня. Из карабина плющил медную полушку со ста метров, из револьвера – с тридцати. Поговаривали, что он на спор ловил зубами пулю на излёте и на глазах у всех легко расхрупывал стекло граненого стакана. В казачьем деле умел всё. Если же чего не мог, так это отказаться от курения, милой его сердцу самокрутки. Николай не раз слышал, как он говорил: «Баба омманет, а табак – никады».

Рядовой Савельев – тоже уралец – так же был в Хиве и Бухаре. Обычный, ничем не примечательный казак, таких на свете много, но возле него всегда теснились сослуживцы, делились табаком, судачили, курили. Словно грелись у незримого огня. Его рыжая борода и глаза с добрым прищуром, пронизанные жёлтым светом, выдавали его зрелость и радушие.

«Крепкая команда», – мысленно похвалил конвой Игнатьев и пригласил офицеров отобедать вместе с ним; посольство что семья.

– Вольно, – скомандовал хорунжий, и, придерживая саблю, поспешил за Баллюзеком.

Камердинер Дмитрий Скачков пропустил его вперед и

внёс в дом кипящий самовар.

Потянулись дни ожидания.

Уже отгремели первые майские грозы, буйно цвела сирень, свистали соловьи, когда из Урги прибыл гонец – богдыхан милостиво пропускал нового посланника в Пекин.

Игнатьев понял, что его военная миссия превращается в сугубо дипломатическую, и сразу запросил Горчакова о предоставлении ему соответствующих полномочий.

Поручика Лишина пришлось отправить в Верхнеудинск, поближе к арсеналу. Чтобы оправдать присутствие офицеров, Николай назначил капитана Баллюзека своим адъютантом, а топографа Шимковича – писарем. Секретарем посольства по-прежнему числился надворный советник Вульф, а переводчиком с китайского – статский советник Татаринов. С монгольского языка должен был переводить хорунжий Чурилин. Кстати, он его неплохо знал: рос на границе.

Памятуя о том, как быстро распространяются слухи в Азии и какое здесь огромное значение имеет внешний блеск, Николай постарался обставить выезд посольства в Китай самым торжественным образом.

В заглавном соборе отслужили напутственный молебен.

Игнатьев вышел на площадь.

Его приветствовали толпы народа и специально присланные войска. Об этом позаботился наказной атаман Восточной Сибири генерал Корсаков, временно исполнявший обязанности губернатора в отсутствие графа Муравьёва, кото-

рый отбыл в Японию, а также градоначальник Деспот-Зенович. Затем воинство запылило по дороге к границе, а он отправился вслед пешком, сопровождаемый высыпавшими на улицу жителями Кяхты, Троцкосавска и окрестных сёл.

Земля просохла, день был ясным, по-весеннему тёплым.

Казаки ехали верхом.

– Ты полицмейстерскую дочку видел?

– Барышня, вопче.

– Огладистая. Видно баловство.

– А бабы, гля, слезьми текут. Жалкуют.

– Оне и плачут, што хворать не любят. Слеза – она лечит.

– Сердешная – да, а кады нарошно, тады эфто каприз.

– Вода, – зевнул Шарпанов. – По дороге сохнет.

– Будя, станишные, трепать мочало, – прицыкнул Савельев. – День он святой: Рассею покидаем.

Казаки примолкли – в самом деле.

Когда добрались до околицы: нейтральной полосы между русской Кяхтой и монгольским Маймачином, повернулись лицом к родине, к православным её храмам и церквям.

Обнажили головы.

Истово перекрестились.

– Мати скорбящая, дай возвернуться…

Игнатьев распрощался с провожающими, поблагодарил войска и сел в коляску.

Почётный конвой из трёхсот сабель, сопровождавший миссию до первой монгольской станции Гила-Нор, дружно

грянул песню.

Как ходили казаченьки на край – на границу,
Вороных коней седлали, жёнок целовали.

Под свист и гиканье удалялась русская земля.

Глава IV

Под утро Николаю снился сад – огромный куст сирени: белой-белой. Её душистые, пронизанные солнцем гроздья манили подойти, зарыться в них лицом, прижать к щеке, и он уже шагнул, решившись наломать букет, как что-то его вдруг остановило. Кротко, нежно и благословенно-властно. Кто-то исподволь следил за ним – печально, безотрывно. Он обернулся и увидел девушку с большими темными глазами. Она сидела на садовой скамье и смотрела на него так, как смотрят на догорающие угли, когда их покрывает пепел, – с ощущением утраты неповторимо-прекрасных мгновений света, тепла и любви…

Пробудившись, он долго смотрел в потолок и не мог стряхнуться с себя печальный морок. Девушку, приснившуюся ему, он раньше никогда не видел, ничего о ней не слышал, но в то же время не мог избавиться от ощущения, что знает о ней все.

Сон прошел, а горечь расставания осталась. Будь его воля, он бы не проснулся и не разлучился с той, которая умеет так смотреть.

Нехотя одевшись и выехав из Урги, где он ночевал в доме местного правителя, Игнатьев был мрачен, подавлен и пришел к мысли, что жизнью правит скука: настоящее уныло и однообразно.

Снедаемый тоской и непонятно откуда взявшейся ломотой в теле, он решил развеяться, проехаться верхом, вспомнить гусарскую юность.

Предложив хорунжему занять его место в коляске, он взялся за переднюю луку и легко очутился в седле чурилинского коня. Нетерпеливо перебиравший ногами и картинно выгибавший шею чистокровный дончак норовисто встал на дыбы – дал «свечку». Трехлетний жеребец так и кипел жизненной силой. Николай прижал его шпорами и опытной рукой кавалериста пустил легким аллюром. За ним гикнули, помчались Шарпанов с Курихиным – охрана.

Скакун легко, уверенно копытил тракт, как будто знал, что нужно седоку, и не давал настичь себя и обогнать. Он был великолепен.

Николай пригнулся к его шее и через полчаса лихой, весёлой скачки с радостью почувствовал, что от сердца отлегло; грустные мысли развеялись, и он задорно рассмеялся: «Хорошо!» Как некогда на полковых учениях в Красном Селе в присутствии государя.

Осадив жеребца и подождав отставших казаков, он пересел в коляску и заговорил с Татариновым о Китае.

– Как я понял, на политику пекинского руководства в данное время кто-то оказывает мощное давление. Я уверен, что здесь нельзя исключать влияние Англии. Англия – это та баба, которая поцелует пса, но выпорет ребенка. – Лошади бежали ходко, рессоры пружинили, думалось вольно. – Я бы

сейчас многое дал за то, чтобы приподнять завесу времени.

– К сожалению, – ответил драгоман, – завесу времени никто не приоткроет. Всё надо прожить, испытать самому. – Он помолчал и добавил: – Всё пережить.

– Меня всерьёз заботит мой статус, – признался Игнатьев. – Я не имею должных полномочий.

– Я тоже думаю об этом. Пока вы не будете иметь официальной бумаги, подтверждающей ваш дипломатический статус, рассчитывать на благосклонность господина Су Шуня не приходится.

– Он председатель Трибунала внешних сношений?

Татаринов усмехнулся:

– И Трибунала тоже.

– Влиятельная фигура?

– Чрезвычайно. Председатель всего и вся. Но прежде всего он кошелек богдыхана, золотой запас Китая.

– Министр финансов?

– Налогов.

– Понятно.

– Когда я был в Тяньцзине с Путятиным, – прикрыл рот ладонью драгоман, – простите, не выспался: клопы кусали, китайские чиновники на все лады расхваливали господина Су Шуня, восхищаясь его беспримерной мудростью. – Он тряхнул головой, как бы приходя в себя, и опустил руку. – Расхваливали с видимым наслаждением. Мне повсюду рассказывали о глубине его государственных воззрений, суда-

чили о его причудах…

– Их у него много? – интересуясь слабостями своего вероятного оппонента, спросил Николай и почувствовал тряску: свернули на каменистую дорогу.

– Немного, – ответил Александр Алексеевич. – Он любит посещать тюрьму, следит за исполнением режима, разводит золотых рыбок и неравнодушен к молоденьким девушкам.

– Весьма заурядный набор.

– Ещё меня все убеждали в его необыкновенной щепетильности и честности, но делали они это, по всей видимости, из убеждения, что любая похвала, впрочем, как и гнусные наветы, будут переданы ему без искажений. Насколько мне известно, министр налогов ценит точность. ещё государственные мужи выражали глубочайшее презрение всем тем, кто не прошел выучку под началом дашэня Су Шуня и не мог проникнуться чувством благодарности к тому, кто безкорыстно служит трону и народу, кто стал опорой Поднебесной империи и шатром радости для богдыхана.

– Дашэнь – это министр? – поинтересовался Игнатьев, начиная запоминать китайские слова.

– Высший сановник, – уточнил Татаринов и продолжил свою мысль: – Одним словом, чиновники министерства налогов и ещё очень многих министерств, включая Трибунал внешних сношений, президентом которого по совместительству является господин Су Шунь, готовы были костьми лечь за своего мудрого дашэня. Они клялись даже после своих

похорон оказывать ему своё содействие: они обожали его. На словах.

– Вероятно, – согласился драгоман. – Случалось, что кто-то из них внезапно исчезал: кого-то убивали, кому-то доводилось видеть смерть своих родных и близких, отправлять детей и жен в тюрьму – по настоянию Су Шуня, но, так или иначе, весь чиновный люд покорно склонял голову перед его железной волей. Какому-нибудь третьеразрядному писарю придворного ведомства легче было самому расстаться с жизнью, лишь бы не попасть под подозрение в измене родине.

– Это серьёзно?

– Совершенно. Господин Су Шунь умело пользовался механизмом поголовной преданности богдыхану и возвеличивал себя неимоверно. Не знаю, как сейчас, – сказал Татаринов, – но в мою бытность его имя наводило страх и ужас. Наш переводчик Попов, давно уже бытующий в Пекине как член духовной миссии, говорил мне, что министр налогов Су Шунь, маскируя личную выгоду интересами двора и нуждами народа, сколотил состояние, позволяющее ему содержать целую армию шпионов и осведомителей. Трибунал, прокурорский приказ, Палата уголовных дел и военное ведомство целиком и полностью зависят от его щедрот.

– Главнокомандующий правительственной армией Сэн Ван, дядя богдыхана, получает жалованье из рук господина Су Шуня. «Наш министр налогов сидит на мешках с золотом, но ходит в одном платье и ест обычную чумизу» – так

говорят китайцы и ещё больше преклоняются перед своим кумиром.

– Чем он руководствуется как политик? – озабоченно спросил.

– Игнатьев, все больше поражаясь осведомленности Татаринова.

– Лозунгом: «Превыше всего – дух».

– И тем, что раньше было лучше?

– Да. Он сторонник самоизоляции, самосохранения Китая.

– Интересно, есть ли у него враги?

– По всей видимости, были, – ответил драгоман. – Опытный интриган, мифотворец, до тонкости изучивший тайное искусство управления людьми, предсказатель будущего, гордый и вдохновенный льстец, краснобай и деспот, он убирает неугодных так искусно, что в глазах большинства своих друзей остаётся вне всяких подозрений – скромным, честным и миролюбивым.

– Придворным занудой, – рассмеялся Николай, прекрасно понимая, что иметь своим врагом такого «скромника» довольно неприятно: тяжко и опасно.

Попов рассказывал, что одно время ходили упорные слухи о маниакальной кровожадности Су Шуня: поговаривали о его влечении к мучительству. Он посещал камеры пыток – «оранжерею признаний» – и сам придумывал новые казни. Разумеется, эти сплетни, за распространение которых грози-

ла лютая смерть, кое-что добавляют к образу министра налогов, вызывающему поголовный страх и оголтелую любовь, которые в своей совокупности заменяют общенародную славу – символ счастья и совершенства пути.

– Весьма занятно, – произнес Игнатьев, и они надолго замолчали.

Кони мчали резво, словно упивались своей прытью, и ездовой изредка, для форсу, щёлкал над ними кнутом.

Высоко в небе заливался жаворонок, над обочинами мельтешили бабочки, цвиркали кузнечики, от колёс отскакивали длиннобудылые зелёные «кобылки».

По сторонам дороги цвёл шиповник и боярышник.

Низинки зарастали крапивой, на пригорках зацветал золототысячник, плелся мышиный горошек, и путалась в бурьяне повитель.

А впереди, насколько видел глаз, цвели тюльпаны, полыхали маки – бескрайний алый шёлк степной весны, колеблемый дыханием небес.

После полудня дорога пошла в гору.

Сначала они взбирались на каменистое плато, затем долго, со скрипом, спускались вдоль берега безымянной речки, пересекли её и круто взяли влево, втянувшись в горное ущелье, узкое и непомерно мрачное. Трудно сказать отчего, но кони тревожились больше обычного, а казаки оглядывались по сторонам, хотелось как можно скорее миновать эту угрюмую теснину островерхих каменных громад.

Татаринов сказал, что где-то здесь, в этих скалистых отрогах, добывают золото и ртуть, изумруды, сурьму и мышьяк.

Выбравшись из ущелья, остановились возле небольшого озера, окруженного гигантскими камнями и плакучими ивами.

В озере набрали рыбы: ловили ведром и руками. Загоняли гуртом в травяные мешки.

– На утрешнюю зорю бы сюда, – выжимая мокрые казачьи шаровары, проговорил хитроглазый Курихин, явно предлагая стать биваком, но Игнатьев показал на часы:

– Надо торопиться.

Насобирали хвороста и разожгли костёр. Распотрошили, почистили улов: несколько десятков окуней и щук.

Сварили уху, большими ломтями нарезали хлеб, дружно пошвыркали хлёбово.

Отварную рыбу оставили на ужин.

– Не всё сразу, – по-хозяйски распорядился Дмитрий Скачков, и хорунжий поддержал его, стряхивая с колен хлебные крошки:

– Будет что кусакать.

Капитан Баллюзек раскрыл портсигар, выудил папиросу, размял в пальцах и, фукнув в длинный картонный мундштук, зажал его зубами так, что и тому, кто никогда не курил, захотелось проделать то же самое. Щёлкнув серебряной крышкой и сунув портсигар в карман, он достал спички и, чиркнув от себя, красиво, артистично прикурил.

Хорунжий тоже окутал себя дымом.

Перекур.

– Чур моё не замай, – предупредил Стрижеусов, глядя, как Дмитрий Скачков увязывает таганок с рыбой.

Казаки захохотали.

– Евсей ты бухарский! – беззлобно ругнулся Шарпанов. – Котел-то общой!

Выкурив по цигарке и напоив коней, казаки подтянули подпруги и умялись в сёдлах.

Колёса и копыта застучали по камням.

День сменялся вечером, ночь – утром, весна осталась позади – навстречу устремилось лето. Солнце палило, жгло плечи.

– Едем по Монголии, на задах мозолии, – время от времени повторял Савельев и болезненно морщился: сапоги от жары заскорузли и отдавливали ноги.

Лица казаков обгорели, обветрились, носы шелушились.

Пустыню Гоби пересекли за десять дней – кони заметно устали.

– Чижало лошадкам, – горевал Шарпанов. – Чать, не верблюда.

Себя он жалеть не привык.

Ноги его скакуна были обсыпаны цветочным слётом, а шерсть скуржавилась и потемнела от росы.

Спали урывками, вставали в потемках, пускались в путь по холодку. Уже в дороге наблюдали, как небо бледнело, про-

яснялось, высоко над горизонтом вспыхивали и светились нежной позолотой облачка. Иногда казаки видели сторожевых монголов, явно следивших за ними. Двигались те довольно быстрой рысью, но держались на отшибе, соблюдая дистанцию: уважали. Знали, что линейные казаки «шибко хорошо стрелял».

– Говорят, что пустыня безлюдна, – обращаясь к Татаринову, сказал Игнатьев и проводил глазами очередной торговый караван. – Как же она безлюдна, если дорог не счесть и караван идет за караваном? Самый обычный проходной двор, только чересчур длинный.

– И чересчур узкий, – отвечал Александр Алексеевич, подразумевая интересы России в Средней и Восточной Азии. У него сильно обгорел нос, и он заклеивал его бумажкой.

В знойном мареве струились и дрожали очертания далеких гор. Николаю вспомнилось лето в отцовском имении, в сельце Чертолино. Мужики и бабы на покосе, аромат цветущих и скошенных трав, парные туманы в подлеске, над тихой стоячей водой; обильная роса на доннике, на лопухах, на развернувшем свои листья подорожнике. Где-то в роще гулко стучал дятел, куковала кукушка, на дорогу выскакивал заяц. И, словно догадавшись о его душевном настроении, Татаринов вздохнул:

– Сейчас бы косой побренчать, росу посмахивать с травы.

– Одним словом, – засмеялся Игнатьев, – сейчас бы до-

мой!

– Домой, – согласился Александр Алексеевич. – Туда, где косы, вилы, грабли. Шалаши косцов, родной язык, русские песни.

Услышав про песни, хорунжий гаркнул: «Запевай!» – и показал кулак Шарпанову. Тот понял. Свистнул и привстал на стременах:

Гой-да выпью рюмку, рюмку стременную,
Поклонюся родной мать-сырой земле…

С песнями, с частушками добрались до Калгана.

Пошли в мыльню.

«В Китае без воды и бани пропадешь, – предупредил Татаринов. – Завшивленность народа ужасающа».

– А руки перед едой китайцы моют? – спросил Вульф.

– Большинство – нет, – ответил драгоман, – В этом они усматривают непокорность судьбе.

– Оригинально, – скорчил гримасу брезгливости секретарь.

Через два дня отдыха, взяв необходимый запас воды и провизии, двинулись по калганской дороге в сторону Пекина.

Игнатьев заметил, что, как только они пересекли границу Китая, отношение к посольству стало более чем прохладным. Официальной встречи не было. Маньчжуры прислали

двух чиновников – проводников, но это больше напоминало надзор, нежели гостеприимство.

Если что и утешало, так это природа Китая. Она была настолько эффектна сама по себе, что местами создавала готовые парковые уголки. Их естественная живописность очаровывала с первого взгляда. Горы – самой причудливой формы, нагромождения камней у горных озер и рек – неизъяснимой фантастической окраски; обломки скальных пород сверкали вкрапленными в них самоцветами. Все виды дикой первозданной красоты встречались на пути. Между скалами и в их распадках, в суровых и таинственных расщелинах, порою на огромной высоте гнездились кусты терновника и барбариса, боярышника и кизила, изумлявшие своей яркой зеленью и радугой соцветий. То тут, то там камни и скалы смыкались в сказочные гроты, замыкали каменным кольцом уютные цветочные поляны. Встречались деревца с нежно-лиловой травчатой листвой и ярко-красными стволами. На одной лесной опушке встретились цветы, напоминающие белые фиалки. Серебристый тополь соседствовал с душистым можжевельником, с целыми его темно-сизыми зарослями с характерным пряно-смолистым запахом, бодрящим и дурманящим одновременно, как белые стебли маньчжурской конопли, обожженной летним зноем.

– Я представляю, как здесь чудно осенью, – не скрывал своего восхищения Татаринов и жалел о том, что он не живописец. – С ума можно сойти от этой красоты!

Увитые плющом стволы могучих сосен, замшелые коряги кедров и чинар, следы давнишних и недавних буреломов, остовы скал, играющие всеми гранями изломов в рассветных лучах солнца, их причудливые формы, не сравнимые ни с чем, несли на себе печать загадочных доисторических времен, каких-то фантастических событий и явлений.

Татаринов и Вульф уговорили Игнатьева остановиться и хоть на время позабыть о суете, побыть наедине с природой.

– Притомились лошадки, надо погодить, – поддержал их хорунжий.

Там, где посольство спешилось, мелкие шустрые ручейки впадали в горную речку, а та, чему-то радуясь, играя солнечными бликами, прыгала с камня на камень, а то и вовсе летела вниз, очертя голову, в объятия водопада – шумела, пела, завораживала взор.

Любуясь первозданной красотой пейзажа, Николай понял, отчего китайские монахи уходили в горы. В горах мир иной, в горах все создано для созерцания, покоя, умиротворения.

Живая благодать забвения.

Дивный сон.

Глава V

– Гля-ко! – первым увидел Пекин остроглазый Шарпанов, – Нашу церкву видать! – Чуть правее убегавшей вдаль дороги блистал на солнце православный крест.

Казаки привстали на стременах и, сдернув пропыленные папахи, истово закрестились на купола русского храма.

Прапорщик Шимкович крикнул: «Ура!», а секретарь Вульф сделал пометку в своем дневнике: «Понедельник, пятнадцатое июня. Посольство достигло Пекина».

Первая часть задачи была выполнена.

Расположились у русского кладбища, вне стен города. Пока дожидались главу духовной миссии архимандрита Гурия, уехавшего в Трибунал внешних сношений – договариваться о встрече нового посланника с кем-нибудь из членов пекинского правительства (не хотелось терять время), Татаринов представил Игнатьеву своего коллегу Попова.

– Переводчик с китайского. Знает больше, чем нужно. Даже боевые искусства.

Что такое «боевые искусства» Николай не знал, но рукопожатие Попова было приятным: лёгким и крепким одновременно. Переводчик смотрел твёрдо, смело, но не дерзко. В его тёмно-карих глазах читались ум и затаённой силы воля. Это был черноволосый крепыш с забегающими на виски бровями, прямым носом и широкими скулами. Говорил

сдержанно, негромко; обладал красивым баритоном.

– Главное в Китае, как ты выглядишь прилюдно. Поэтому я нанял вам носилки.

Игнатьев поблагодарил его за любезность и поинтересовался «политической погодой Пекина».

– Что показывает барометр?

– Бурю, – образно сказал Попов. – От богдыхана смердит. Он разлагается заживо. Китайцы знают, что Цины банкроты, и ждут не дождутся их конца. Страной фактически руководит Су Шунь.

– Министр налогов?

– Да.

Из разговора стало ясно, что в Поднебесной все друг другу улыбались, все друг другу кланялись и все враждовали – тайно, открыто или явно. Император Сянь Фэн воевал с мятежным предводителем тайпинов, бывшим сельским кузнецом, объявившим себя «царем справедливости» и создавшим «тайпинское царство». Правительственная армия готовилась дать бой союзным войскам Англии и Франции. Фаворитка богдыхана Цы Си вела тайную борьбу за власть с маньчжуром Су Шунем, а народ боролся с теми, кто ему мешает жить. И если повстанцы были на юге, то союзники грозились захватить Пекин – северную столицу Китая, которая стала ареной противоборств и разногласий: центром заговоров и убийств, интриг и провокаций, своеобразной «дырой в небе», как привыкли говорить китайцы о средоточии зла.

Нищие, бродяги, шарлатаны всех мастей, чиновники без места, слуги без господ и господа без слуг – всё это подлое и алчущее племя досаждало честным людям и бессовестно обкрадывало их.

Улыбка фортуны – это случай. Кто его не упустил, тот счастлив. Упустил – глупец. Спеши, толкайся, рви из рук – не проворонь! И не забудь при этом улыбнуться, быть учтивым.

Имя Су Шуня действительно старались произносить шепотом. Его страшились. Впрочем, имя жестокосердой Цы Си тоже не упоминали без нужды.

– Вам надо будет входить в город через западные ворота, – подсказал Попов. – Восточные – ворота народа.

– А западные? – спросил Игнатьев.

– Ворота покорности.

«Ладно, – подумал про себя Николай. – Будем покорными. Кроткие унаследуют землю».

По Пекину его несли в парадных носилках, в сопровождении казачьего конвоя и многочисленной свиты – членов Русской духовной миссии в Китае.

День был солнечным, безоблачным, слепящим. Запомнилось ярко-голубое небо, густые тени от пагод, желто-золотистый цвет столичных зданий.

Кровли императорских дворцов блистали золотом.

Одноэтажный Пекин утопал в зелени садов и парков.

Улицы были запружены народом.

Цирюльник работал прямо на улице, подвесив медный таз

на трех веревках к низкой ветке тенистой шелковицы. Здесь же стояла скамья для клиентов.

Под стеной буддийской кумирни расположилась целая артель слепцов, бродячих песнопевцев в изодранных рубищах.

Откуда-то несло кислятиной и тиной. Тухлой рыбой.

Из рассказов Попова Игнатьев узнал, что нищие и пожары – проклятие Пекина. Многие слепые видят, а безногие ходят. Имеющие костыли сдают их напрокат за сногсшибательную мзду так же, как накладные горбы и бельма. В Китае есть мастера по гриму, есть специалисты по уродствам: отделают так, что мать родная не узнает! «Безрукие» выставляют напоказ искусные протезы культяпок, а руки прячут в лохмотьях одежды. Чем больше на нищем тряпья, тем меньше ему веры.

Продвигаясь по запруженным народом улицам, Николай отметил, что в столице Поднебесной мало вьючного скота, зато много носильщиков и грузчиков.

Возле городского рынка он увидел ловца крыс. Через его плечо была перекинута палка, на которой болталась привязанная за хвост жертва.

«Ничем не брезгуют, – гадливо поморщился он и подавил приступ тошноты, закрыв глаза и глубоко вдохнув. – Представляю, что творится в их головах». Попов предупредил, что «китайцы так же верят в оборотней, как мы верим в то, что за весной приходит лето».

Жеребец хорунжего испуганно заржал, попятился назад,

пытаясь миновать ряд деревянных столбов с перекладинами, на которых висели крючья с отрубленными человеческими головами. В пустых глазницах копошились мухи.

Китайцы не обращали на эти головы никакого внимания. Их интересовала торжественная процессия с конвойными казаками.

– Кто вы? – не скрывая любопытства, громко спрашивали пекинцы и, услышав ответ, передавали друг другу сиюминутную новость: – Игэна-че-фу! Русский дашэнь…

Лица китаянок были густо замазаны белилами и ярко нарумянены. У многих – подведенные глаза и нарисованные брови. На скулах – «мушки».

Паланкин был открыт, и одна из китаянок бросила Игнатьеву желтую розу. Он поймал её на лету и с удивлением почувствовал, что колючие шипы тщательно срезаны.

Попов, ехавший рядом на низкорослом коне, объяснил, что желтая роза считается символом Пекина, а брови китаянки выщипывают, чтобы потом рисовать тушью и углем.

– Император Сянь Фэн тоже выщипывает брови? – вдыхая аромат розы, поинтересовался Николай и отметил для себя, что у столичных полицейских на головах шляпы с лисьими хвостами, а куртки с зелеными нашивками.

– Нет, – пригибаясь в седле, чтобы не зацепиться за ветку колючей акации, ответил Попов. – Император брови не выщипывает и не стрижет ногти: сохраняет себя в целости. У него в каждом усе по тридцать семь волосков. Однажды

придворный цирюльник случайно вырвал один и был тут же обезглавлен.

– Более чем поучительно, – поразился свирепости восточного тирана Игнатьев и обратил внимание на то, что улицы Пекина сплошь усыпаны листовками.

– В Китае абсолютная свобода печати, – объяснил Попов.

На многих домах были расклеены тексты неизвестных авторов и даже целые полотнища каких-то воззваний. Попов перевел одно из них: «ЗДЕСЬ ЗАПРЕЩАЕТСЯ ПРИКЛЕИВАТЬ, ЧТО БЫ ТО НИ БЫЛО» и рассмеялся:

– Китайцы – анархисты по своей природе.

В самом деле, целые библиотеки размещались прямо на улице. Подходи, читай, запоминай. Хорошее слово не пропадет – останется в сердцах.

– Мне это нравится, – сказал Николай. – Бескорыстно и мудро.

– В Китае нужны не сколько издатели, сколько переписчики, – согласился с ним Попов.

Свернув налево и пройдя по горбатому мосту через канал, процессия достигла Южного подворья. Оно производило тягостное впечатление. Каменное здание русского посольства оказалось низким, неприглядным, требующим срочного ремонта. Помещение тесное, мрачное. Обстановки – никакой. Голые стены с узенькими зарешечёнными окнами да щелястые двери. Ни столового белья, ни занавесей на окнах, ни простого умывальника. Сыро, глухо, неприглядно. Крохот-

ная печка, сложенная абы как, обшарпанный порог и плесень по углам. «На почтовых станциях уютней», – чертыхнулся Игнатьев и распорядился составить список необходимой мебели, кухонной и столовой утвари.

– Чего не найдём в Пекине, выпишем из Кяхты.

Командира конвоя хорунжего Чурилина, рядового Савельева и переводчика Попова, как старожила Пекина, он тотчас отправил на ближайший рынок:

– Купите всё, что нужно для ремонта: известь, краску, доски; будем обживаться.

Думая, что Игнатьев после дороги захочет прилечь отдохнуть, Дмитрий протёр топчан, обгрызенный мышами, застелил войлочной кошмой, подмел полы связкой полыни, которую надёргал тут же, у порога, и, сложив простынь вдвое, выгнал ею мух из комнат. Чтобы не мешать ему, Николай устроился в тени цветущих лип, усевшись в походное кресло и размышляя о предстоящих переговорах с китайцами. В руках он по-прежнему держал желтую розу. Она слегка привяла от жары, и он велел Дмитрию поставить её в воду.

– Символ Пекина, – сказал он, передавая цветок камердинеру, но тот лишь пожал плечами: дескать, мы не местные и этих тонкостей не понимаем.

– Чичас бы с бреднем да по прудам соседним, – опустив черенок розы в ведро с водой, мечтательно почесал за ухом Скачков и услышал от Игнатьева, что он «не любит русский язык, коверкает его».

– Не «чичас», а сейчас. Сейчас, понимаешь? Сию минуту.

– Виноват, ваше превосходительство, – часто моргая, насупился Дмитрий. – Читаю, помню, а с языка дярёвня прёть.

– И не «дярёвня», и не «прёть», – с укоризной в голосе передразнил его Николай. – А деревня от слова «дерево» и прёт, на конце твердый знак.

– А «прёть» оно душевнее, помягше, – возразил Скачков. Упрям он был на редкость.

– Ладно, я устал тебя учить. Живи невеждой.

Игнатьева клонило в сон. Гудящие пчелиным гудом липы, их солнечно-медовый аромат, струящийся, как пламя над свечой, над маревом июньского цветения, наполнял неизъяснимой ленью, баюкал душу, завораживал и уносил – манил туда, где с гор бегут ручьи, где явно ощутимы благодать, покой и воля…

Казаки напоили лошадей, насыпали им в торбы овса и, наметив к вечеру соорудить навес, развязали кисеты.

– А девки-то в Китае, считай, мелкие, – зализывая самокрутку, произнес цыганистого вида Шарпанов. – Горох против наших, уральских.

– Наши куды, – потянул шеей Курихин. – Сисястые. На ярманке, бывалоча, идут – пот прошибат: мясные, ровно тёлки.

– К таким с подходцем надо, с уваженьем, – припалил цигарку Стрижеусов, – а как пойдут – четыре в ряд, глядеть

завидно.

– Карусель, – выдохнул дым Шарпанов.

– И на кажной по семь юбок, – скинул казачий чекмень урядник Беззубец. – Картина.

– За пазухой огонь, – цвиркнул слюной Курихин, – Сватайтесь, вопче, и благоденствуйте.

Баллюзек и Вульф планировали будущий ремонт, ходили вокруг дома, делились впечатлениями от Пекина.

– Я заметил, – сказал Вульф, – китайцы любят кланяться. Что-то находят в этом. – Он снял очки, подышал на стекла и протер их платком. – Словно укрывают свое сердце.

– Пытаются в нем сохранить любовь к другому, – подсчитывая на ходу общую площадь помещений, ответил Лев Фёдорович и расстегнул мундир. Он бы с удовольствием сбросил его, остался в одной рубахе, день был жарким, но не знал, что скажет на это Игнатьев. Всё-таки – посольство. На них смотрят жители Пекина.

– Я сам себя ловил на этой мысли, – признался Вульф, говоря о привычке китайцев кланяться и улыбаться. – Но вы же знаете, себе мы редко доверяем. Нужен кто-то, кто бы думал так же, подтвердил. – Произнеся это, он вдруг панически замахал руками и задёргал головой: – Фу, фу! – К нему приставала оса. – Да пошла ты!..

Увидев бедственное положение секретаря, Баллюзек усмехнулся и одним хлопком пришиб докучливое насекомое.

– Вы их не боитесь? – изумился Вульф и проникся к капитану особым уважением.

В четвертом часу пополудни в Южное подворье приехал глава Русской духовной миссии в Китае отец Гурий. Это был высокий дородный священник с пышной бородой и проницательным взглядом. Говорил он густым басом, держался с архипастырским достоинством, но в застолье любил пошутить и выпить чарочку-другую.

Познакомившись с членами посольства, осенив крестом «воинство христолюбивое», он сообщил, что председатель Трибунала внешних сношений господин Су Шунь и президент Палаты уголовных наказаний Жуй Чан обещали прислать двух чиновников для поздравления Игнатьева с приездом.

С собой архимандрит привёз две корзины с провизией, несколько бутылок церковного вина и четверть местной водки.

– Не хмеля ради, а пользы для, – строго предупредил он казаков, дружно помогавших накрывать посольский стол. – Чревоугодие – грех.

Усаживаясь рядом с Игнатьевым, добродушно прогудел:

– В Китае с вами может случиться всё что угодно, но чаще не происходит ничего.

Николай передал ему сердечный привет от Егора Петровича Ковалевского, с которым у главы Русской духовной миссии были давние приятельские отношения.

– Премного благодарен, – отвечал отец Гурий, намазывая горчицей баранье рёбрышко. – Егор Петрович не только добрейшей души человек, он поэт.

– Поэт? – изумился Игнатьев. – Никогда бы не подумал.

– Свой своего не познаша, – улыбнулся священник. – У меня все его книги есть. Стихотворные «Думы о Сибири», трагедия «Марфа Посадница» – он издал их в тридцать втором году.

– Я тогда только родился.

– А он уже книги писал, – обсасывая косточку, сказал отец Гурий и показал глазами: вот так, мол.

– Двадцать семь лет назад, – быстро подсчитал Баллюзек и предложил выпить за талантливых людей. – Кто бы они ни были, – с жаром сказал он, – поэты ли, художники, строители…

– Дипломаты, – вставил Вульф.

– Начальники, – засмеялся Игнатьев, и все дружно поддержали тост.

– Всё, что от Бога, Богом и воспримется.

Когда над липами умолк пчелиный гуд, а тени от сидящих за столом пересекли широкий двор, уперлись в стену каменной ограды и переломились, отец Гурий попрощался и, взяв с собой Попова, уселся в тарантас.

– Завтра известите Трибунал о том, что вы приехали, – наказал он Игнатьеву, – сообщите официально: бумагой. В Китае так: один раз поленишься, всю жизнь будешь жалеть.

Стоя в воротах Южного подворья и глядя против солнечного света на удаляющийся экипаж, Николай подумал, что был несправедлив в оценке Ковалевского, воспринимая его как заурядного служаку.

А ночью он никак не мог согреться: холод пронизывал до костей. Казалось, он лёг не на топчан, а в ледяной гроб и не в столице Поднебесной империи славном городе Бэйцзине, а в каком-то замогильном царстве. Зуб на зуб не попадал. «Не малярия ли? – страшился он и кутался в верблюжье одеяло. – Боже, спаси и помилуй! Надо вставать и одеваться, иначе в сосульку превратишься…» Но встать не было сил – окоченел. Под утро он уснул, как провалился. Снились уродства, непотребства и кошмары. В ушах стоял ненастный гул, похожий на громовые раскаты. Вспышки молний освещали то клыкастую старуху, похожую на восставшую из саркофага мумию, то большеголового карлика с маленькими ручками, который, запрокинув голову, пил из кувшина воду. Вислогубый верблюд с пыльной накипью слюны и заваленным на бок горбом презрительно схаркивал жвачку; в его тени сидел безногий нищий с гноящимися язвами в уголках рта и заунывно клянчил подаяние. По его лицу ползали мухи. Он их даже не пытался отогнать.

Глава VI

На следующий день Игнатьев официально уведомил Верховный Совет Китая о том, что он прибыл в столицу Поднебесной с намерением обсудить ряд вопросов, касающихся пользы обоих государств.

Через три дня в Южное подворье, где слышалось ширканье пилы и согласный стук молотков: строительно-ремонтные работы шли полным ходом, явились китайские чиновники и сообщили, что для ведения переговоров богдыхан назначил двух уполномоченных: министра налогов Су Шуня и председателя Палаты уголовных наказаний господина Жуй Чана. Опасаясь, как бы китайцы впоследствии не отказались от намеченных встреч, Игнатьев настоял на том, чтобы чиновники известили его письменно.

– Давайте придадим нашим переговорам официальный характер, – заявил он согнувшимся в полупоклоне чиновникам, и тем ничего не оставалось, как передать его пожелание уполномоченным.

– Правильно, – одобрил его напористость отец Гурий. – Это Восток. К китайцам в последнее время «на дикой козе не подъедешь». Все принимают в штыки. Наше влияние, которое когда-то чувствовалось в Пекине, полностью утрачено.

– Неужели на русских здесь смотрят как на врагов? – упал духом Николай. – Я понимаю ненависть к захватчикам, но

мы-то старые соседи.

– Тем не менее, – сказал архимандрит. – У меня сложилось впечатление, что на нас здесь смотрят с опаской. Монголы намного терпимее.

– Чего китайцы опасаются?

– Кто-то им внушил, что мы пойдем на них войной: уже подвозим арсеналы.

– Чушь несусветная! – возмутился Игнатьев. – Мы привезли оружие для них!

– Увы, – развел руками отец Гурий. – При всем своем корыстолюбии китайцы отказываются продавать нам свои товары.

– И как же вы живете?

– Покупки совершаем через китайских слуг, через студентов Русского училища. Очень помогает монах Бао, крещеный китаец. Кстати, он вам тоже может пригодиться. Мудрый, честный, светлый человек.

– А чем он занимается?

– Учит китайскому языку всех желающих. В том числе и членов нашей духовной миссии.

Когда в здании посольства закончили ремонт, сложили камин и две новых печи, заменили рассохшиеся двери, прорубили дополнительное окно и вставили раму со стеклами, оно преобразилось. Стало уютней и светлее. Стены обтянули шелком с нежно-голубым узором, завезли бамбуковую этажерку, два бамбуковых кресла и небольшой столик, застели-

ли его скатертью, поставили в вазе цветы, и секретарь Вульф сказал, что «можно принимать гостей».

Игнатьев пригласил уполномоченных Су Шуня и Жуй Чана в Южное подворье.

– Они ждут вас у себя, – вежливо сказали их помощники. – В Трибунале внешних сношений.

– Передайте им, что посланник русского государя рассчитывает на иное отношение, нежели посольства мелких стран, вроде Кореи, и желает принять их у себя, – настаивал Николай.

Требование было исполнено.

Двадцать восьмого июня в сопровождении многочисленной свиты в парадных носилках прибыли Су Шунь и Жуй Чан.

Внешность господина Су Шуня оказалась чрезвычайно живописна: лицо напоминало серо-желтый обмылок; бескровные, оттопыренные, как у летучей мыши, уши выглядели до неприличия огромными и ужасно волосатыми на его рахитично-узком черепе: оборотень, а не человек.

– Наш незваный гость, – после дежурного приветствия обратился Су Шунь к Игнатьеву и выразительно глянул на Татаринова, – имел несчастье прибыть в Китай в печальный год войны и смуты. Мало того, – сказал он, – пограничный комиссар И Шань и его помощник Цзи Ли Минь, принимавшие участие в заключении Айгунского трактата, лишены чинов и званий и вскоре предстанут перед судом.

– За что? – изумился Николай, понимая, что Су Шунь начал сводить переговоры к обидным препирательствам. – Он ведь только уточнил границы, показал их на карте.

Глаза Су Шуня превратились в щелки. Он никогда не питал иллюзий в отношении так называемых друзей Китая и не желал верить в добрососедские чувства пограничных государств. Их он в первую голову считал врагами Поднебесной империи, норовившими куснуть при первом удобном случае и урвать кусок пожирнее. Он знал, что соседние народы обладают достаточным запасом наглости и не страдают от недостатка алчности, благодаря которой готовы перегрызть глотку любому, кто впал в сытую дрёму или ослабел в кровопролитной войне, будь она внешней или же междоусобной. Желание пожить за чужой счет присуще всем смертным. Он давно уразумел, что самый бедный и жалкий народишко, питающийся объедками со стола Поднебесной империи и надеющийся на случайное наследство в виде неразведанных месторождений железной руды и каменного угля, народишко, копошашийся на свалке мировой истории и никогда не видевший радости в глазах своих детей, представляет собой главную опасность для цивилизованного Китая. Господин Су Шунь – министр налогов и податей – прекрасно понимал, что народы – суть людское скопище, толкучка человеческих страстей, а человек – саморастущая глина. И в этой глине таилась разрушительная сила: зависть. Его жизненный опыт изобиловал примерами того, как какой-нибудь

ничтожный отщепенец, отродясь не видавший золота иначе, как в чужих руках, зачастую добивался славы и богатств благодаря врожденной подлости и зависти, движимый дерзким притязанием на свою избранность. Вероломство и корысть помогали таким людям богатеть, увлекая за собой тысячи и тысячи голодных. Так налетает на жито прожорливая саранча, так низвергается горный поток, увлекая за собой камни. Господин Су Шунь знал: начни говорить о том, как стать богатым, и ты увидишь, как много в мире бедных. Злобных, голодных, завистливых.

Ревность порождает гнев и ярость. Беспокоит. А беспокойные люди коварны. Кто-то стремится быть похожим на себя, кто-то – на соседа. Последних – большинство.

Нацеленный на реальные блага и выгоды служения богдыхану, дашэнь Су Шунь искренне ненавидел сопредельные с Китаем государства. Они мешали жить, олицетворяли собой алчность, помноженную на корысть, раздражали суетой, а суета несправедлива. Порок назойлив, а назойливость порочна.

О том, что эти же самые качества: зависть и алчность, возвели его на вершину государственной пирамиды и окружили почётом, помогая шагать по служебной лестнице через две, а то и три ступени, Су Шунь никогда не думал и считал вполне законным свое право отбирать у людей деньги: иначе он бы не был министром налогов и податей. Он распоряжался государственными средствами и судьбами тех, чья прыткость,

по его мнению, заходила чересчур далеко.

За жизнь того, кто противоборствовал Су Шуню, здравомыслящий писарь из городской управы не дал бы и клочка гербовой бумаги.

Дашэнь Су Шунь был близким другом богдыхана, а богдыхан чтил тех, в чьих советах нуждался, на чью жесткость рассчитывал, у кого мог одолжить наличных денег безвозмездно. Недостаток золота в казне – больное место богдыхана. Как ни суди, а наличность – это роса на траве: утром есть, к обеду испарилась. А как же быть с вечерними пирами? Без них жизнь кажется угрюмой и безрадостной. Когда каждый любит свое, появляется наше. Оскопление скупостью – самая страшная казнь. А кто имеет право казнить Сына Неба? Никто!

Как ни крути, а без министра налогов и сборов не обойтись, без господина Су Шуня нужду за пояс не заткнешь. Подарками любимых не порадуешь. И богдыхан, ясноликий Сын Неба, окружал своего преданного мудрого дашэня лаской и почетом, множил его привилегии и даровал свободу действий – лишь бы казна не пустовала. И мудрый министр добывал деньги.

Верный и мудрый Су Шунь малое увеличивал, а большое делал ещё большим: служил Сянь Фэну так, как служат себе самому.

Богдыхан, умевший читать мысли – об этом упоминали все, кто с ним общался, – нередко говорил, что если его бра-

тьям, принцам крови, старшему Дун Цин Вану и младшему любимому И Цину, придётся спорить с хитрым человеком, то он предложил бы им в советники себя или дашэня Су Шуня, которому он доверял всецело.

Император ценил ум и прозорливость министра налогов, питал к нему привязанность и безоглядно пользовался его преданностью.

Умных людей много, а преданных единицы. Мало, очень мало царедворцев способно думать сперва о троне, затем о себе.

Господин Су Шунь имел право входить в покои богдыхана в любое время суток, однако ни разу этим правом не злоупотребил.

Он был один из тех редких людей, которые видят с завязанными глазами, слышат, заткнув уши, и обладают лютой хваткой, держа руки за спиной.

У него было чутьё гончего пса и ярость тигра.

Всё, что он делал, он делал чуть-чуть лучше других.

Богдыхан считал, что более подходящего министра налогов в правительстве и быть не может и лучшего уполномоченного для переговоров с соседями тоже.

Су Шунь так не считал, но соглашался.

Он видел себя императором.

Поэтому он и бросил на Игнатьева один из тех взглядов, которые лучше всяких слов дают понять любому наглецу, что жить ему отныне будет страшно.

– Итак, – воскликнул он своим слащаво-злобным тоном, – теперь наш скрытный русский господин не станет оспаривать своего намерения унизить Сына Неба, императора Сянь Фэна?

– Мне трудно уловить смысл вашего упрека, – как можно вежливее произнес Игнатьев. – О чем вы говорите?

– О вашем нежелании исполнить церемониал коленопреклонения.

– Если император Сянь Фэн отверг Айгунский договор, при чем здесь церемониал? Я отказываюсь от аудиенции.

– А богдыхан был столь любезен, что позволил вам въехать в Пекин со своей вооруженной свитой, – с ехидной укоризной в голосе развернул веер Су Шунь. – Вам надо ему поклониться. Открыться. Не прятать лицо в тень…

– Вы ошибаетесь, почтенный, – понизил голос Николай, чувствуя, что атмосфера в комнате переговоров начинает накаляться. – Я не прячу лицо в тень, но сразу объявил цель своего приезда. Во-первых, мне поручено передать китайскому правительству Тяньцзиньский договор для его утверждения и обмена ратификационными грамотами, во-вторых, предложить для рассмотрения и утверждения Айгунский трактат, касающийся наших приграничных областей, и, в-третьих, со мною прибыли военные специалисты, готовые хоть завтра начать инструктировать ваших офицеров.

Татаринов переводил быстро и четко.

– Это уловка и не больше, – обвинил его в хитрости Су

Шунь. – Если мы отказались от вашего оружия, значит, нам и ваши люди не нужны. – Он демонстративно стал обмахиваться веером, точно отгонял назойливую муху. – Чушь и вздор!

– Идея предложить российское оружие Китаю принадлежит не мне, а графу Путятину, который имел честь беседовать с вами в прошлом году.

– Забудьте об этом, – отмахнулся веером Су Шунь.

– Рад бы, но десять тысяч винтовок и более полусотни тяжелых орудий новейшего образца, отлитых на лучших заводах России, уже приготовлены для передачи Китаю. Я не знаю, по чьей воле арсенальные обозы застряли на границе.

– Если я скажу, что по моей, вас это успокоит?

– Вполне, – резко ответил Игнатьев. – Баба с возу – кобыле легче. Это можно не переводить, – подсказал он драгоману. – Но меня возмущает то, что вы намеренно выставляете меня чуть ли не самозванцем и мошенником в глазах Верховного Совета. Не я составлял Тяньцзиньский договор, не я подписывал Айгунский. Почему же вам, господин Су Шунь, взбрело в голову видеть во мне не друга, а врага китайского народа? Разве я имел в виду унизить богдыхана? Нет и тысячу раз нет, – с этими словами он достал карманные часы и посмотрел на циферблат. Говорили они битый час и все безрезультатно. – Лучшим подтверждением моих чистосердечных намерений является и то, что я отказался от аудиенции богдыхана, прекрасно сознавая, насколько он загружен госу-

дарственными делами в эти тревожные дни, когда мятежники на юге готовы захватить Шанхай, а французы и англичане пытаются навязать Китаю свою волю. И что толку занимать внимание императора своей скромной персоной, когда Айгунский трактат…

– Забудьте о нём! – перебил его Су Шунь и тотчас добавил, что человеку без статуса полномочного представителя России не подобает затрагивать вопросы дипломатического свойства. – Вы непосланник, вы начальник кучки офицеров, и будет лучше, если вы покинете Китай!

Игнатьев спрятал часы и с деланой покорностью обратился к Су Шуню:

– Если дело обстоит так, что вам нужны необходимые бумаги, подтверждающие моё право вести переговоры от имени русского царя, я предоставлю их довольно скоро, но, быть может, нам есть смысл начать переговоры заранее? И прошу вас, не теряйте самообладания. – Покидать Китай он не желал.

– А мы и не теряем, – сложил веер министр налогов. – Как вам известно, я не потерплю, чтобы кто-либо из правительства снизошел до разговора с вами, тем более по столь щепетильному и важному делу, как урезание карты Китая. Мало того, я потребую установить за вами негласный надзор и, если это будет нужно, взять под стражу, как провокатора и шантажиста! – Его голос сорвался на крик, и он снова раскрыл веер. – Справедливость моих требований очевидна:

ваша назойливость пугает.

– Смените тон, он слишком груб и неприличен. Вы можете просить меня отсрочить утверждение Тяньцзиньского договора, с этим я согласен, но я протестую против той формы, в которую ваша просьба облачена.

– В самом деле, – робко заикнулся кто-то из помощников Су Шуня, – господин Игнатьев действует не от себя и в связи с этим…

– Замолчите, – прошипел Су Шунь. – Я даже слышать не хочу о его праве на переговоры. Людей лживых надо обрывать: сами они умолкать не умеют!

Это уже было явным оскорблением. Николай проглотил обиду и начал говорить так, словно пытался загладить свою вину, не будучи в ней уверенным:

– Вы ошиблись в оценке моих слов, но это не предмет для разговора. Людям свойственно блуждать в потёмках. Надеюсь, придёт время, и вы сами задохнётесь в своей неправоте: она смердит, как выгребная яма.

Татаринову стоило труда перевести эти слова, как можно мягче, и он обошёлся иносказанием:

– Надеюсь, придёт время, и вы сами поймете, что сорные травы тоже цветут.

Видя, что фаворит богдыхана молчит, Игнатьев продолжил:

– Вы с таким же успехом могли оказаться в моём положении, направь вас император в отсталую Корею или в недо-

развитый Вьетнам.

Глаза Су Шуня потемнели.

– Вы хотите сказать, что по отношению к России Поднебесная империя столь же ничтожна, сколь ничтожны Корея и Вьетнам? Вы это хотите сказать?

Он задохнулся от гнева.

Николай возразил:

– Я хочу сказать, что вы превратно понимаете мою благонамеренность. Я человек военный и исполняю приказы. Оружие вам передаётся бескорыстно. – Он провел рукой по подлокотнику кресла, ощутил фактуру ткани, обвел пальцем узор. – Если отвергать добро, погаснет солнце.

Этот довод заставил его противника задуматься.

Разговор прервался. Воцарилось молчание.

Можно было ожидать, что беседа потечет по новому руслу с большим дружелюбием, но, к сожалению, министр налогов прищурил свои узкие глаза и, не обращая внимания на шепот помощников, жестко произнес:

– По мне, пусть лучше затмится светило, нежели будет унижено достоинство Китая. Ни о каком взаимопонимании и речи быть не может, если вы не признаете существующих границ.

Игнатьев вскинул брови:

– Кто вам сказал, что мы не признаём? Мы просим вас определить границы. Не на словах, на деле – на бумаге. Для этого и был составлен графом Муравьёвым Айгунский

пограничный трактат. Осталось лишь перенести на карту, утвердить и всё! – Он широко улыбнулся, но в ответ увидел злобную гримасу.

– Вы не глупец и должны понимать, что земля Поднебесной империи – это Срединное царство, а Россия всего-навсего окраина, – тщательно подбирая слова, проговорил Су Шунь. – Вам должно быть известно, что без причины нет следствия. Пекин никогда не допустит, чтобы хвост махал собакой.

– Вы допускаете…

– Я ничего не допускаю, – прервал его Су Шунь. – Я считаю своим долгом сохранить могущество и целостность Китая…

– А кто против?

– …и не потерплю желание унизить мой народ!

– Позвольте, – как можно спокойнее стал говорить Николай, хотя обида закипала в сердце, выплескиваюсь через край. – Всё дело в том, что это вы нещадно унижаете меня, и все мои попытки урезонить вас лишь раздражают вашу милость.

– Я убеждён, – с холодной яростью глянул Су Шунь, – что вы только затем и въехали в Пекин, чтобы отсюда помогать вредить Китаю англичанам и французам.

– Каким образом? – поразился его логике Игнатьев. – И с какой такой стати?

– Вы не понимаете?

– Нет.

– Тогда я объясню. Вы воевали с Англией и Францией и проиграли войну!

– Ну и что?

Су Шунь посмотрел на свой веер.

– А то, что с тропы войны люди сворачивают на тропу разбоя.

– Скажите это Англии и Франции. Или вы видите в русских разбойников?

– Да, – мрачно отрезал министр. – Вы потерпели поражение, значит, подчинились чуждой воле. В вашем случае Россия подчинилась Англии и Франции и, разумеется, теперь обязана всецело помогать им в их войне против Китая, против моей родины и моего народа. Злую собаку прокормишь, а соседа – нет. Может, вы и не хотите, но вас побили, а побитый помнит палку: боль имеет воспитательное значение. Теперь вы действуете по указке: требуете передачи вам части наших земель. Какая низость! – негодование вновь заклокотало в его горле. – Быть униженным и унижать другого!

– Да чем же это вдруг Россия унизила Китай? – воскликнул Николай и недоуменно развел руками. – Своим добрососедством?

– Добрые в клятвах не нуждаются, – гневно ответил Су Шунь. – Вы проиграли войну и предлагаете свою помощь нам – это ли не унижение?

– Мы предлагаем…

Фаворит богдыхана его не слушал, говорил своё.

– Мне незачем напоминать, но я напомню: подлый И Шань, подписавший Айгунский трактат, хоть завтра может предстать перед судом русского царя! Он отстранен от должности, лишен всех званий, привилегий и наград, чего вам ещё надо? Извинитесь за проявленную вами низость и спокойно живите в Пекине, ждите, когда мы договоримся с теми, кто не дает нам покоя вот уже несколько лет! – Он облизнул губы и продолжил: – Я не ищу с вами ссоры, вы для меня никто, обычный приставала, каких в Китае пруд пруди, но вот что я вам скажу: вы не увидите печать Сянь Фэна на нашей с вами пограничной карте. Определить нашу границу так же невозможно, как невозможно оседлать тигра! – Голос Су Шуня зазвенел от ярости и сорвался на крик. – Уезжайте!

Игнатьева как будто по щеке хлестнули.

– Вы мне показываете на дверь? Вы – мне? – Его почти трясло. – Слава Богу, что я не обидчив. – Он знал, что Татаринов переводит не всё, и давал выход своим чувствам. – Хотя, признаюсь, нетерпелив. – Он пригнул голову и глянул исподлобья. – Отныне я приложу все силы для того, чтобы вы утратили свою привычку злобиться по пустякам!

– По пустякам? – задохнулся от гнева министр. – Седьмая часть Китая – пустяки? Всё! Я не желаю больше говорить на эту тему. – Он свернул веер и резко поднялся. – Я научу вас считать зёрна в мере проса! – Его колючие глаза сверкали гневом. Смотреть в них не хотелось, напротив, подмывало

желание встать и выйти, лишь бы никогда их больше не видеть.

Они одновременно встали и раскланялись.

Переговоры прервались.

«Всё впустую, – обреченно вздохнул Николай перед сном. – Мне прямо указали на порог».

Глава VII

– Правитель загробного мира государь Янь не определил ещё срок вашей жизни, – сказал монах Бао Игнатьеву, когда Попов привел китайца на Южное подворье. – Вы будете носить белые одежды и сидеть по правую руку царей.

У монаха было узкое лицо, резко выпирающие скулы, ввалившиеся щеки. Небольшой нос и плотно сжатые губы придавали ему сосредоточенное выражение. Одетый в темно-лиловый халат с остроконечной шляпой на голове, на ногах – плетеные сандалии из толстой буйволиной кожи, он опирался на сучковатую кизиловую палку.

Узнав, что результаты встреч с уполномоченным Су Шунем неутешительны, Бао сказал, что этого следовало ожидать: маньчжуры празднуют победу.

– Какую? – в один голос спросили Игнатьев и Вульф.

– Победу над союзническим флотом, – ответил монах и рассказал предысторию сражения в устье реки Бэйхэ. Оказывается, в начале июня в Шанхай прибыли послы Англии и Франции, господа Фредерик Брюс, представитель её величества королевы Великобритании, и Бурбулон, направленный императором Наполеоном III в Китай с тем, чтобы произвести обмен ратификационными грамотами Тяньцзиньского договора непосредственно в Пекине при личной встрече с богдыханом. Эту же цель преследовал и Фредерик Брюс.

Прибыв в Шанхай, оба посла отвергли предложение китайских уполномоченных произвести обмен на месте, потребовав проезда в Пекин. В своих докладных записках правительству верховный комиссар Гуй Лян, тесть императора Сянь Фэна, сообщал, что остался единственный выход – обменять грамоты в столице, предложив двору отказаться от процедуры приема послов самим богдыханом.

– Почему? – спросил Николай, начиная догадываться, о чем пойдет речь.

– Послы наотрез отказались выполнять необходимый церемониал «коу-тоу», – пояснил китаец.

– Обряд коленопреклонения?

– Да.

– И что ответил богдыхан?

– Он ничего не ответил, – оперся о свой сучковатый посох старик. – А коли так, послы Англии и Франции прибыли к устью реки Бэйхэ, где уже собрались их военные суда, и выдвинули ультиматум: в три дня снять цепные заграждения, мешающие судоходству.

– Так, так, – подался вперед Вульф, заинтригованный рассказом китайца. – И что дальше?

– Пекинское правительство решило прибегнуть к хитрости: оно заявило, что цепи протянуты с одной лишь целью – помешать мятежникам-тайпинам напасть на Пекин.

– Союзники удовлетворились ответом?

– Конечно, нет, – поднял на него свои печальные глаза

китаец. – Они ужесточили ультиматум: сказали, что будут штурмовать береговую крепость Дагу. Их саперам удалось разорвать две ограничительные цепи, но тут появилось китайское патрульное судно, и заграждение было восстановлено.

– И это победа? – разочарованно протянул Вульф.

– Нет, – ответил монах. – Утром двадцать пятого июня…

– Мы в тот день вставляли раму, – заметил Татаринов.

– …подошли военные суда европейцев и стали снимать железные столбы в первой цепи заграждений. Канонерки союзников вошли в устье. Подойдя ко второму форту крепости Дагу, союзники вновь натолкнулись на железные цепи, дважды пытались прорваться через них, но безуспешно.

– Крепость молчала? – спросил Игнатьев, мысленно представляя действия китайцев.

– Молчала, – подтвердил монах Бао. – Огонь по китайским фортам открыли канонерки англичан. И когда их орудия заговорили, пушки береговой охраны им ответили. Защитники крепости потопили три военных корабля, два сильно повредили. Адмирала Хопа сильно контузило. Сброшенный с рубки взрывной волной, он сломал себе руку.

– А мы сидим тут, ничего не знаем! – негодующе воскликнул Вульф. – Как под домашним арестом.

– Поэтому Су Шунь и был столь оскорбительно высокомерен с вами, – произнес китаец. – Избалованный подобострастием окружающих, вдохновленный победой защитни-

ков Дагу над союзнической эскадрой, он возомнил себя героем и стал излишне дерзок. А быть может, наш уважаемый дашэнь злился и завидовал Сэн Вану, которого богдыхан похвалил в своем указе: наградил собольей шубой и шапкой из бобра.

– Я думаю, он ликовал и злился, – заметил Попов. – Человек он сложный, судя по всему…

– Что же нам делать? – спросил Николай примолкшего китайца. – Уезжать, как требует Су Шунь, или противиться этому?

– Сохранять лицо, – ответил Бао.

После обеда пришло донесение, что наши казачьи полки стали занимать левый берег Амура.

– Час от часу не легче, – едва не простонал Вульф. – Так и до войны недалеко.

– Не думаю, – возразил Попов. – Местное начальство смотрит на это спокойно.

– Зато в Пекине бесятся. Гонят нас взашей.

– Перетерпим. Отец Гурий просил передать, что полковник Будогосский, исследующий сейчас новую границу, шестнадцатого июня дошел до устья реки Тумын-Ула.

– Насколько я помню, – сказал Игнатьев, – там начинается территория Кореи.

– Наверно, – ответил Попов. – Я точно не знаю. Знаю только то, что полный лишений путь полковник проделал напрасно: китайские пограничники не вышли к обговоренно-

му месту.

– Это плохо.

– Конечно. Мало того, по истечении несколько дней в бухту Посьета прибыл сам Муравьев, заранее предупредив китайцев о дне своего прибытия, но и его никто не встретил. Безуспешно прождав китайцев в бухте, он пошел на пароходе «Америка» в Печелийский залив.

– Ну что ж, – сказал Николай, – будем ждать известий от него.

Вечером он написал проект дополнительных статей к Тяньцзиньскому договору с подробным разъяснением каждого пункта. Всего их было пять. Они касались восточных и западных границ, открытия сухопутной торговли внутри Китая, учреждения новых консульств в Монголии, Маньчжурии и Кашгаре, урегулирования отношений русских и китайских пограничных властей, а также выдачи беглых преступников.

На другой день он переслал проект Су Шуню.

Вернувшийся из Трибунала внешних сношений Попов, где его встретили довольно холодно, сообщил неутешительные новости: победа при Дагу настолько вскружила голову правительству Китая, что оно решило упразднить Тяньцзиньские договоренности. Заносчивость китайцев проявилась и в отношении американского уполномоченного Уарда. Не зная местных порядков, он въехал в Пекин на заказной китайской бричке, самым унизительным для посланника об-

разом. Китайцы отвели ему дом, соседей выселили, переулок загородили и выставили караул. То ли почет оказывают, то ли под стражей содержат. Понимай, как хочешь.

Требование Уарда о личной встрече с богдыханом без исполнения церемониала коленопреклонения было отвергнуто.

Игнатьев попытался навестить американца, но китайцы и ему велели «сидеть дома». Это уже было явным оскорблением. Взбешенный произволом пекинских властей, он тут же сочинил протест и отправил его в Верховный Совет. В своем послании он заявил, что если китайский правитель не согласится принять русского посланника так, как его встречает русский государь, то есть не примет его стоя и не подаст руки для пожатия, он заранее отказывается от чести быть представленным богдыхану. А самому богдыхану он отправил письмо, в котором намекнул, что русскому посланнику известно то, чего никто не знает, и может статься так, что его помощь в скором времени понадобится Сыну Неба. Главное – привлечь к себе внимание, заинтриговать.

Американец, не добившись аудиенции у богдыхана, уехал в Тяньцзинь, обменялся с верховным комиссаром Гуй Ляном ратификационными грамотами Тяньцзиньского договора, заключенного в прошлом году, и отбыл в Шанхай. Там он занимался тем, что вооружал наёмников для борьбы с повстанцами-тайпинами, помогал Цинам усидеть на троне.

В июле Николай получил карту новой пограничной ли-

нии. Её прислал граф Муравьев, находившийся в Печелийском заливе на пароходе «Америка» и ожидавший известий о ходе переговоров. Карту доставил его гонец – грузинский князь Додешкилиани, красавец гигантского роста, в казачьей папахе и с огромным кинжалом за поясом. Если бы не его воинственный вид и начальственный рык феодала, китайцы вряд ли пропустили бы его в Пекин. Они всячески мешали Игнатьеву поддерживать связь с русскими судами в Печелийском заливе – боялись дать лишний повод англичанам и французам требовать учреждения в Пекине своих постоянных представительств. Китайцы ревниво оберегали столицу от пришлых людей. Блюли её недосягаемость и неприкосновенность.

Понимая, что генерал-губернатор Восточной Сибири глубоко озабочен благополучным разрешением Амурско-Уссурийской тяжбы, связанной с его именем, Николай подробно описал ему свою встречу с неистовым Су Шунем, признался в безуспешности дальнейших переговоров с китайским правительством и прямо указал на беспросветность своего положения в Пекине. Зная, что граф Муравьёв опасается вмешательства англичан в наши дела и допускает захват ими приморских портов, он посоветовал занять все удобные высоты побережья военными постами и водрузить на них русские флаги. Иначе англичан вряд ли удержишь от разбоя. «Не могу избавиться от мысли, – писал он Муравьёву, – что переговоры союзников с маньчжурами сорваны. Война неизбеж-

на».

Поставив точку, Николай запечатал конверт и передал его гонцу.

– Скажите графу, что я не отступлюсь. Буду биться с Цинами за новую границу насмерть.

– Вах, – воскликнул князь. – Ви настоящий горец!

Проводив его, он вышел во двор. Приблудный пес, улегшийся возле ворот посольства, в холодке, спасаясь от жары, приподнял ухо, скосил глаза в его сторону и лениво зевнул – клацнул зубами: ловил мух. Жара… Тени от караульных казаков короткие – солнце в зените. Хорошо, что казаки сделали навес для лошадей, иначе скакунам пришлось бы тяжко, угорели бы на солнцепеке. Вокруг посольства, под его стенами колготились нищие, делили добычу, валтузили друг друга. Чаще колотили скопом: трое одного. Побирушки осаждали не только Южное подворье, где клянчили у казаков конский навоз и тут же продавали его местным штукатурам, подновлявшим стены глинобитных мазанок. Смешанный с глиной и половой, он хорошо «держал углы», не размокал в сезон дождей. Бездомные попрошайки осаждали все постоялые дворы, харчевни, магазины; толпились у портняжных и обувных мастерских, возле больших и малых кузниц, где изготавливались обручи для бочек, ковались подковы и гвозди. В воздухе висел угарный чад, с ним соседствовали звон наковален и чужая брань молотобойцев. Между крохотным базарчиком, примкнувшим к Южному подворью, и длинным

лабазом, забитым всякой всячиной, начиная от овечьей шерсти, сваленной в тюках, и заканчивая медом в банках, облепленных мухами, находилась лавка древностей и ювелирных украшений. Там продавались ваньки-встаньки, куклы-неваляшки и матрешки в виде толстых нарумяненных сановников и миловидных красоток с белыми лицами. С утра до вечера возле ворот посольства толпились офени и лотошники, торговавшие китайским чаем, табаком и спичками.

От рассвета до заката не смолкали голоса торговцев снедью: жареными утками, индейками и поросятами. Казакам то и дело предлагали купить «парную» телятину, от которой несло падалью, и снулую рыбу с черными жабрами. Креветки, крабы, горы яблок, пирожки и орехи, ватрушки и семечки, лущеный горох и сырые каштаны, перепелиные яйца, дыни и бутыли с мутной водкой «ханкой» – всё это возвышалось, громоздилось, рассыпалось и благоухало, продавалось и выменивалось на часы. «Щасы, щасы, – прищелкивали пальцами торговцы, – тики-таки».

Попов объяснил, что в Пекине мода на часы: повальная, безумная, неистребимая. Обладатель часов – обладатель сокровища. Нет ни одного царедворца, нет ни одного уважающего себя чиновника, которые бы по примеру богдыхана не коллекционировали часы – самых различных конструкций. Жизнь человека связана со временем. С неукротимым движением солнца и луны. «Чтобы чего-нибудь добиться, надо любить то время, в котором живешь, – говорили китайцы. –

Иначе нас полюбит смерть». Словно в подтверждение этого, время от времени мимо посольства проходила похоронная процессия. Её участники, все как один, были в красивых белых одеждах. Горестные стенания перемежались радостным смехом: покойник ушел от страданий. Буддийские монахи били в бубны и монотонно гнусавили горькие слова молитвенного песнопения – сочувствовали живым.

Игнатьев уже знал, что многое в Китае – наособицу. Вот и цвет скорби – белый, а не черный. Красный цвет – это цвет бессмертия, красная одежда – одежда господ, а синяя, темная – одежда подчиненных, слуг. Это так же неоспоримо, как и то, что маньчжуры династии Цин пришли к власти и стали управлять Китаем в 1644 году. Это так же незыблемо, как незыблемы девять почетных регалий, девять атрибутов власти, символов удельного князя: экипаж, запряженный конями, парадное платье, музыканты, красные ворота, красное крыльцо дворца, свита, лук и стрелы, топор и секира. Это так же необходимо, как необходимо каждому смертному оставить после себя цветущий сад. Помимо прочих добрых дел, помимо прочих…

Чувствуя, что солнце припекает, Николай сходил за бамбуковым креслом, умостился в тени давно отцветших лип и, раскрыв «Историю торговли», вспомнил слова монаха Бао:

– У каждой вещи свое имя. Назови свирель стрелою, и она захочет убивать.

– Если ей позволят, – возразил Игнатьев.

– Кто? – спросил монах.

– Всевышний, определяющий, кому кем быть.

– Единый во всём?

– Единый во всём.

Бао примолк, взял в руки прутик, согнул его вдвое.

– Крещёным людям легче жить.

– У всех жизнь тяжелая.

– Да нет, – задумчиво сказал монах. – Единое ведет к порядку, а порядок – это благо. Нет хаоса и нет спорных суждений. Жизнь стоит и движется одновременно. – Он снова помолчал и горестно вздохнул, словно пытался уверить себя в чем-то и не смог. Он сидел, опершись на посох, и отрешенно смотрел вдаль. Сидел так тихо, неподвижно, затаенно, что казалось, не дышал, а если и дышал, то непонятно, каким образом. Он был, и его не было. А то, что всё ещё имело его облик, служило лишь напоминанием о нем. Где был он, где блуждал, что возрождал своим духом, что умерщвлял одной лишь мыслью? Вольной волей? Не узнать. Старик был странен и загадочен необычайно. Николай подумал, что всем нам встречаются однажды люди, как бы не такие, как вокруг или мы сами. На их лицах – печать иных знаний, в глазах печаль и умиротворенность… но не наша умиротворенность, не земная, привычная, какую можно встретить в глазах благопристойно пожившего старца или древней сказительницы русских былин в окружении малых детей, а совсем особенная, поистине запредельная. Эти люди движутся в покое. И

мы это чувствуем. Чувствуем и оторопь берёт: да с нами ли жизнь наша протекает? С нами ли сбывается всё то, что происходит повседневно? Или это лишь сновидность бытия, кажущаяся реальность? Мы закрыли однажды глаза и уже никогда не откроем, а эти люди знают, что мы спим, и силятся нас разбудить, но мы ещё плотней сжимаем веки…

– Чучело репейное! – громко сказал камердинер Дмитрий Скачков рядовому Шарпанову, который помогал ему рубить дрова. – Китай-хан супротив цыськиной лютости сопля!

Игнатьев улыбнулся. Богдыхана казаки нарекли Китай-ханом, а его наложницу монголку Цы Си презрительно именовали «цыськой».

– Эфто так, – ковырнул сапогом землю Курихин. – Девка хуже пиявки. Чуть помуслишь, ан присмокталась.

– Пупок надсадишь отрывать, – взмахнул топором Шарпанов и мигом расколол чурбан.

– Не стой, Антип, ташши полешки.

– Тащи ты, а я потюкаю.

– А то ж…

– Сидьмя сидеть опупеешь. Грызь вылезет, – непонятно к кому обращаясь, проворчал хорунжий, и Николай вернулся в дом, придвинул стул к столу. Взял чистый лист бумаги, крупно вывел: «Жизнь во сне». Как говорит монах Бао, «мы – сновидение Бога». Отложив перо, он подпер щеку рукой. Если следовать логике, то не только людей, но и самого Творца Вседержителя по ночам мучают кошмары: убийства,

грабежи и войны. Он спит и видит… «Ладно, это ясно. – Игнатьев обмакнул перо в чернила и опять задумался. – А что же будет, когда Он проснётся? Будет Страшный суд, – ответил он себе. – Свершится Нечто…»

Осознав безуспешность своих переговоров с китайцами, он был разбит, подавлен. Не привык проигрывать. В голову постоянно лезли мысли о житейской суете, о бездонной глубине и хаосе Вселенной, о бессмысленности бытия и бренности человеческого существования. В таком состоянии он мог часами сидеть за столом, подперев рукой голову. Ему хотелось плюнуть на свой посольский быт, на беспросветные будни, отправиться в Бэйцан по следу грузинского князя, сесть на корабль и отправиться… куда глаза глядят, где нет Су Шуня, воплей нищих, досадного ора торговцев…

Глава VIII

Семнадцатого июля посыльный графа Муравьева князь Додешкилиани отправился в сторону Бэйцана. Сопровождаемый двумя чиновниками из Трибунала внешних сношений, он безостановочно добрался до побережья и на русском клипере отплыл в Японию, куда тем временем направился граф Муравьев. А спустя две недели Игнатьеву принесли пакет из Трибунала с жестким предписанием «впредь не посылать таких диких людей, причиняющих беспокойство местным жителям».

Какие «беспокойства» причинял грузинский князь, Николай уточнять не стал, но про себя подумал, что при всем внешнем раболепии китайцы очень пекутся о своем достоинстве. Как говорит монах Бао, «триста дворцовых покоев пройдешь, пока очутишься в тронном зале». Старик давал уроки китайского языка, его пекинского наречия, и вскоре Игнатьев научился писать иероглифы «небо», «ветер», «дерево, «огонь». Он уже знал, что «хуан» – это «желтый», «сюань» – «черный», «су» – «белый», а «чи» – «красный». Слово «хэ» означает «река», «хай» – «море», «бэй» – «север». «Хорошо, – нахваливал его монах Бао. – Кто знает девять знаков, уже ученый человек». Он же поведал ему о пяти буддийских запретах: не убивать, не красть, не прелюбодействовать, не лгать, не пить вина. «В сущности, – добавил он, – это

заповеди Христовы, разве что немного упрощенные». Старик принял христианство сердцем и любил порассуждать на темы благочестия.

– Не бегите за временем, – внушал он Игнатьеву, – и оно остановится.

– Мне кажется, – признавался ему Николай, – что оно и впрямь остановилось. Мои переговоры с вашим правительством зашли в тупик.

– Ничего, – подбадривал его китаец. – Пришло время помолчать. Сосредоточьтесь. Учитель царей божественный Кун-цзы говорил так: «Безмолствуй, но помни: в основе мира лежит иероглиф «взаимность». – Он взял ручку, тюкнул пером чернильницу и показал, как пишется вечное слово. Знак был простым и сложным. Николай исчеркал целый лист бумаги, пока дождался похвалы.

– Весьма изящно. – Старик растянул губы в улыбке. – Это слово – ключ судьбы: с ним вы добьетесь успеха.

«Претерпевший же до конца спасется», – вспомнил Игнатьев Евангельское слово Иисуса Христа и подумал, что если в течение осени ему не удастся сдвинуть дело с мертвой точки, то придется продать казачьих лошадей: во-первых, нет теплых зимних денников, а во-вторых, их просто не на что будет кормить. Ведь никто не скажет, сколько ещё сидеть в Пекине. Может оказаться так, что проволочки китайцев станут в копеечку, и немалую. Он понимал, что ему во что бы то ни стало необходимо преодолеть враждебное отношение

к себе всесильного Су Шуня. Иногда ему казалось, что он нашел его слабую струнку, но сыграть на ней не удавалось. Министр налогов, словно почувствовав это, всячески избегал встреч с ним. Казалось, старый лис умел читать чужие мысли: не давался в руки. Вообще, маньчжуры после победы над союзниками лишились способности трезво оценивать ситуацию. Оставалось одно: ждать, когда к устью реки Бэйхэ подойдет морская армада союзников и начнется полномасштабная война. Тогда, вероятно, китайцы станут сговорчивей.

В конце августа пришло письмо от графа Муравьева: «С первых чисел октября буду ждать в Благовещенске ваших известий, сообразно с которыми сделаю на Амуре должные распоряжения». Но ничего утешительного сообщить было нельзя. Присланные графом Муравьевым карты пограничной линии были приняты китайцами в штыки. Су Шунь презрительно швырнул их на стол: «Они меня не убеждают. Можете забрать себе». При этом он добавил, что «пустота рождает пустоту».

– Я же вам советовал не дергать тигра за усы. Вы что, глухой?

Игнатьев резко встал и произнес срывающимся голосом:

– Вы забываетесь!

– То есть? – ядовито осклабился Су Шунь, и его большие уши побелели.

– Вы непочтительно относитесь к международным актам.

Я прерываю с вами отношения. Мне ничего не остается делать, как просить Верховный Совет о назначении других уполномоченных, которые умели бы себя вести и знали этикет!

Кровь бросилась в лицо министра. Его задели за живое, попали в больную точку опытного царедворца: нет большего позора для маньчжурского чиновника, как обвинение его в незнании этикета.

Не прошло и трех дней, как Игнатьеву пришел ответ на его жалобу. Верховный Совет всячески выгораживал дашэня Су Шуня и обещал более тщательно изучить представленные Россией трактаты. Отписка была вежливой, ничего не решающей, но вместе с тем в ней не отрицалось существование Айгунского трактата, что само по себе уже было неплохо.

«Взаимность, взаимность и ещё раз взаимность», – мысленно повторял Николай, когда шестого октября к нему приехали Су Шунь и Жуй Чан, подчеркнуто учтивые и молчаливые. Позиция их оставалась неизменной: утвердить Айгунский трактат и новую границу так же невозможно, как невозможно оседлать тигра.

В один из томительных пасмурных дней, чтобы хоть както отвлечь Игнатьева от грустных мыслей, переводчик Попов, с позволения отца Гурия, провел «инициацию гипноза», и камердинер Дмитрий Скачков, косая сажень в плечах, стал изображать из себя пятилетнего огольца, жалобно гундеть, что «…папанька почём зря чихвостит мамку. Забижаить».

Хорунжему Чурилину Попов приказал стать «железным», и тот окаменел: никто не смог согнуть его руку. Казаки нарочно тыкали хорунжего в живот – палец упирался в твёрдое, будто в стену. Секретаря Вульфа он «заморозил» так, что бедняга часа три потом торчал на солнцепеке: никак не мог согреться. Одним словом, фурор был полный. Почёт и слава были обеспечены Попову на всю жизнь.

Провел он и показательный бой – один пошёл на пятерых казаков, вооруженных палками, и ни один не смог его «огреть». Зато все насобирали синяков и шишек.

– Вот и подправь такому носопырь, – с уважением отзывался о Попове задиристый Курихин, потирая ушибленную поясницу. – Хрена тёртого.

Игнатьев готов был возобновить переписку с Верховным Советом Китая, но необходимые ему полномочия посланника все ещё находились в Петербурге. Князь Горчаков как бы намеренно затягивал их пересылку, да и директор Азиатского департамента Егор Петрович Ковалевский не отвечал на письма. Приходилось уединяться с книгой и терпеливо ждать новых инструкций.

Тёплая осень сменилось ненастным предзимьем. Воровatый барышник с серьгой в левом ухе свёл со двора посольства казачьих лошадей: дал полцены. Казаки тяжело переживали разлуку со своими скакунами и не скрывали слез: трудно расставаться с теми, кто стал частью жизни.

– Поди-ка, отсидим зады, – томился возле коновязи хо-

рунжий Чурилин. – В сёдла не залезем.

– Сёдла они што, – грустно вздохнул Шарпанов. – Коников таких уже не сыщешь.

Глава IX

Флаг русского посольства трепал ветер. Гулкий, шквалистый, сырой. Беспутный и настырный.

В такие дни Игнатьев позволял себе уединяться: никуда не выходил, читал поэзию Китая в переводах Татаринова, «историю китайских княжеств» и летопись Богдойского царства, основанного маньчжурской династией Цин, переведенные французскими миссионерами. Прилежно изучал пекинский диалект и учился писать иероглифы. Вел дневниковые записи. Перечитывал их и дополнял. Что-то вычеркивал, но в основном дописывал, поверяя памятные даты и свои впечатления бумаге. «Нет худа без добра, – писал он в своём дневнике. – Проволочка переговоров позволила прапорщику Шимковичу произвести топографическую съёмку китайской столицы и составить её подробный план».

Перед сном, по заведённому ещё с отроческих лет порядку, раскрывал Евангелие на любой странице, проникался Божьим Словом, соотносил свою жизнь с апостольскими посланиями. Выходило, что до святости ему как до Луны, а то и дальше. «Много дальше», – упрекал он себя за ту или иную мысль, за тот или иной проступок и становился на колени перед образом Спасителя.

– Господи, да оправдает вера моя дела мои!

Утром он выходил во двор посольства и видел то, что на-

блюдал уже не раз: осеннее стылое небо, подёрнутую индевью траву, озябших караульных казаков. На душе было тоскливо.

Секретарь Вульф целыми днями играл на гитаре. Он обладал приятным тенором, имел хороший слух. Казалось, что половина романсов, которые он исполнял, написаны в Пекине. Раньше Николай их никогда не слышал. Уж на что капитан Баллюзек равнодушен к музыке, но и он порой мурлыкал полюбившийся припев:

Он смотрел в глаза Елене,
Воспевал хмельное счастье
Обнимать её колени,
Целовать её запястья.

Попов и Шимкович по вечерам играли в шахматы, к ним время от времени присоединялся Татаринов, любивший не столько двигать фигуры, сколько подсказывать со стороны, выслушивая шиканья в свой адрес.

Казаки, свободные от караула, стучали костяшками домино, смолили табак, судачили «за жисть». У хорунжего Чурилина прорезался талант: он научился делать кукол, ловко вырезал бумажные цветы, из глины мастерил свистки и даже клеил разноцветные фонарики. Всё сделанное собирал в плетёный короб.

– Приеду, чать, из короба Китай достану.

Размышляя о характере людей, с которыми пришлось

проделать путь в Пекин, делить и кров и пищу, Игнатьев приходил к выводу, что, в общем, команда у него достойная. Капитан Баллюзек сразу взвалил на себя хлопотные обязанности коменданта их маленького гарнизона, секретарь Вульф исправно ведет канцелярию и бухгалтерию, прекрасно анализирует статьи, публикуемые в официальной газете китайского правительства, верно комментирует все внутриполитические события Китая, хотя не очень понимает тонкое искусство блефа, к которому Игнатьев далеко не равнодушен.

– Грешен, люблю блефовать, – признался он как-то отцу Гурию на исповеди. – По сути, я – авантюрист.

– Да простятся нам грехи наши по богатству благодати Его, – перекрестил его архимандрит и спустя какое-то время сказал: – Не к лицу нам, христианам, уподобляться в поступках своих и помыслах своих чадам лукавым, как это делают многие.

«Среди этих многих все политики», – подумалось Николаю.

В первых числах декабря он возобновил свою переписку с Верховным Советом Китая, настаивая на смене уполномоченных. В ответ на его жалобы и требования Трибунал внешних сношений решил привлечь к переговорам ещё одного сановника – Хуа Шана, который принимал непосредственное участие в разработке Тяньцзиньских договоров. Что ему наплел Су Шунь, чем пригрозил, неизвестно, но только после

встречи с министром налогов Хуа Шан решил, что император Сянь Фэн видит в нем одного из виновников произошедших в отношениях с Россией недоразумений. Не зная, как теперь исправить положение, новый уполномоченный лишил себя жизни: пришел домой, собрал свою семью, простился со всеми и проглотил пилюлю с ядом.

В «Столичном вестнике» появился указ богдыхана, в котором он хвалил «верного сына народа» за доблестный поступок. В Пекине состоялись торжественные похороны, оплаченные казной. Об этом не преминула сообщить правительственная газета, но ушедшим из жизни газеты не нужны.

Монах Бао, принимавший участие в похоронах, позже поведал, что любимый брат богдыхана принц И Цин «не намерен повторять ошибок старших»: Китаю надо развиваться с помощью сильных держав. Молодое поколение очень уважает драконов, но ещё больше ценит скорострельные винтовки и дальнобойную артиллерию. Правда, он признался, что ни в грош не ставит военный дух «белых чертей», даже отметил полное его отсутствие.

– «Варвары» хороши, когда на бастионы вместо них идут наемники, индусы и корейцы, идут и гибнут, а они пользуются их отвагой и одержанной победой. «Белые черти» трусливы, – сделал свой вывод принц И Цин, – этим все сказано.

Похороны и связанные со всей этой историей слухи требовали осмысления. Ещё монах Бао сказал, что среди пекинской молодежи все меньше находится тех, кто говорит об им-

ператоре Сянь Фэне с чувством гордости или волнения. Подрастающему поколению всё безразлично, кроме собственной выгоды. Молодые люди не желали служить в армии, работать на государственных фабриках и подчиняться законам.

«Расчётливые бунтари, – охарактеризовал их Игнатьев. – Потенциальные предатели».

Понимая, что его послания складывают под сукно, он ещё раз написал богдыхану и подчеркнул: «У Сына Неба может возникнуть нужда в русском посланнике, который знает нечто, не позволяющее ему быть равнодушным к судьбе цинской династии. Если соизволите, то я приду на помощь». Предвидя продолжение войны союзников с Китаем, он намекал на вероятное свое посредничество.

Стрела летящая должна поразить цель.

Глава X

– Вам не кажется, – спросил секретаря Вульфа капитан Баллюзек, – что мы погрязли в быту? – Он был боевым офицером и теперь никак не мог приноровиться к оседлому образу жизни.

– Много хуже, – ответил Вульф и отложил гитару. – Я задыхаюсь в этом пекинском болоте.

Пройдясь по комнате, Лев Фёдорович присел к столу.

– Слышал, вы настаивали на возвращении в Петербург?

– А в этом есть что-то постыдное? – вопросом на вопрос откликнулся Вульф и зажал щеки руками. – Служить бы рад, да дела нет! – У него был вид человека, над которым жестоко посмеялась судьба. – Господи, – воскликнул он с обидой, – сколько я сил потратил на то, чтобы уговорить нашего Николая Павловича внять голосу разума, и всё – псу под хвост! Он настаивает на том, чтобы сидеть и ждать удобного момента. Он, видите ли, так чувствует! Как будто он поэт!

Вульф не стал говорить о том, сколько сил приложено для того, чтобы его самого протежировали и утвердили в должности секретаря военной миссии, и всё ради чего? Ради решения хозяйственных и прочих, столь же ничего не значащих вопросов? Жутко неприятная история.

Он побарабанил пальцами по столу, тоскливо уставился в пол, крашенный охрой, и вскинул свои блеклые глаза на

капитана.

– Ещё чуть-чуть, и паутиной зарастем. Мухи на лету дохнут от скуки…

– Уже сдохли, – усмехнулся Баллюзек, показывая на двойные оконные рамы, между стеклами которых, на желто-бурых клочках ваты, валялись вперемешку осы, бабочки и мухи, заснувшие ли, помертвевшие ли…

– …ни беготни по присутствиям, ни личной жизни, ничего… Тоска-а!..

Словно в подтверждение этих слов, со стороны китайского базарчика раздался голос нищего, напоминающий крик ишака:

– Ян-Инь, Ян-Инь, Ян-Инь…

Нищий был безумен и весь день орал одно и то же. От одних его воплей можно было «съехать с глузду», по выражению хорунжего Чурилина.

– Не зря в Пекине курят опиум, не зря, – покачал головой секретарь и досадливо поморщился. – Нет сил. Все лето трещали цикады, всю осень выл ветер, теперь этот дурень орет! – Он брезгливо смахнул на газету черного жука, лежавшего на подоконнике, и, открыв заслонку, отправил его в печь. Пахнуло жаром догорающих углей. – Кстати, вы не знаете, как его курят?

– Зачем это вам?

– Да так, – смутился Вульф. – Пришло на ум.

– Настойку опия дают от болей, от поносов, – скучным го-

лосом ответил капитан. – Это я ещё по Севастополю помню. По восемь капель на кусочке сахара.

– И что? – с жадным любопытством спросил секретарь.

– Боль утихает, снимаются спазмы.

– Человек блаженствует?

– Когда боль отпускает, это всегда блаженство.

– А как опий курят?

– Не знаю. Говорят, курильщики этого зелья начинают видеть то, чего нет в реальной жизни. Воображение уносит их в эмпиреи.

– В райские кущи, – вяло ухмыльнулся Вульф. – Туда, где нет тоски.

Баллюзек пожал плечами:

– Во время Крымской войны, в Севастополе, я видел нескольких солдат с Кавказа, курильщиков опиума: худые, измождённые, живые трупы. На них мне указал мой боевой товарищ поручик граф Толстой.

– И эту войну союзников с Китаем уже прозвали «опиумной», – со свойственным ему апломбом заявил Вульф. – Богдыхан запрещает торговать им в Китае, а Лондон и Париж настаивают на обратном.

– Теперь понятно, отчего они пристали с ножом к горлу к нему.

Вульф погрел руки у печи, закрыл чугунную дверцу.

– На рейде Вусуна, – сказал он, выпрямляясь, – небольшого портового городка в окрестностях Шанхая, сосредото-

чено столько опиумных судов, что их хватило бы на добрую флотилию.

– А почему не в Шанхае?

– Вусун удобней. Там перевалочный пункт: горы тюков с этой отравой…

– Привозят? Сгружают?

– Сбывают, – вернулся к своему столу Вульф и уселся в бамбуковое кресло. – Набивают мошну.

– А пограничники? Таможня? – удивился Баллюзек. – Они куда смотрят?

Вульф усмехнулся и придвинул к себе канцелярскую книгу.

– Туда, куда и все, в сторону денег.

На улице рвотно-безудержно икал безумный нищий.

– Ян-Инь, Ян-Инь, Ян-Инь…

Узнав, что Игнатьев намерен весной перебраться в Шанхай, о чем он уведомил Петербург, секретарь Вульф, наверно, часа три не мог прийти в себя от этой новости. Глупость несусветная! Если уж в Пекине ничего не удалось сделать, что можно предпринять, находясь за тридевять земель от столицы? Козе понятно: ничего! Чтобы настроить струны, их надо натянуть. А Игнатьев рвёт их, обрывает связи с пекинским правительством, пусть даже едва ощутимые…

Татаринов прошелся по комнате, остановился возле печки. От неё пахло сухой известью и нагревшимися кирпича-

ми.

– Николай Павлович что-то замыслил, ждёт наши корабли. Эскадра для него что свет в окошке: не сходит с языка.

– Стратег, – ехидно скривил губы Вульф. – Мыслитель. Рассуждать на тему он умеет: не уймёшь. – Его взгляд ужалил, и драгоман подумал, что секретарь чувствителен, как рептилия. Болезненно воспринимает мир.

В сочельник монах Бао привез ёлку, а на Рождество Игнатьев поехал в Северное подворье, в церковь. Летел густой пушистый снег, валил с небес такими хлопьями, словно кто-то, стоя высоко на крыше, отряхал черемуховый цвет.

В храме жгли свечи, курили ладан, пели молитвы.

Загадывали радость.

«Рождество Твое, Христе, Боже наш», – пел праздничный тропарь отец Гурий, и ему вторили на клиросе.

После литургии, когда прозвучал благодарственный молебен Господу за избавление России от нашествия французов в двенадцатом году, Николай вышел на каменные ступени церковной паперти и… остолбенел. Такую красоту не то что увидеть, помыслить невозможно. Он невольно зажмурился, словно избавляя себя от наваждения, и вновь открыл глаза. Что-то ангельское, неземное сквозило во всем облике довольно юной китаянки, которую он раньше никогда не видел в Северном подворье. Она прошла мимо, слегка опустив голову, и её ускользающий профиль чудным образом запечатлелся в памяти. Николай как остановился на ступе-

нях, так и продолжал стоять, следя за ней, в каком-то дивном столбняке. Он узнал ту, которая ему приснилась в Кяхте. Приснилась, а теперь вот прошла мимо – скрылась за чугунными воротами.

Глава XI

Душа смутилась и затосковала. Николай стряхнул с шинели снег и решил узнать, кто эта юная особа и что привело её в русскую церковь. Он понимал, что в чужой стране, да ещё во время войны, на всякую женщину надо смотреть как на шпионку.

Отец Гурий его успокоил:

– Му Лань не шпионка. Она принадлежит к древнему знатному роду. Её отец – известный пекинский художник, а брат – студент Русского училища, недавно крестился и намерен продолжать учение в России.

– Её зовут Му Лань? – повторил имя китаянки Николай, и оно показалось ему восхитительным, напоминающим русское имя Меланья.

– Му Лань, – утвердительно кивнул архимандрит. – Как говорит её брат, «Му Лань у нас – цельная яшма».

– Сколько ей лет?

– Семнадцать.

– Она знает русский язык?

– Прилежно изучает.

Уяснив для себя, что Му Лань ни в коей мере не шпионка, а сестра молодого православного студента, который собирается стать переводчиком и продолжить учебу в Петербурге, Игнатьеву стало легко и даже радостно. Теперь он будет ви-

деть её чаще. А может статься, вскоре познакомится.

– Передайте ей, – сказал он отцу Гурию, – раз мы увидели друг друга, зачем прятаться? Сочту за честь принять её в посольстве.

– В посольстве ей появляться нельзя, – предостерёг священник. – Могут обвинить в государственной измене, а здесь, на территории духовной миссии, я вас непременно познакомлю.

Очарованный красотой девушки, Николай с нетерпением стал ждать встречи с ней и зачастил на Северное подворье. Он уже отдавал себе отчет в том, что Му Лань вошла в его жизнь, запала в сердце, неслучайно и, как ему верилось, к счастью. Сами собой в его голове стали рождаться всевозможные планы, один фантастичнее другого, как выразить и передать ей свои чувства, как сделать так, чтоб и она в него влюбилась, полюбила, не смогла без него жить, как он уже не может позабыть ее. Он нанял оркестр музыкантов, лихо управлявшихся со своими многочисленными трубами и барабанами, переодевал знакомых албазинцев – выходцев из России в русские одежды, и его теперь сопровождала пышная шумная свита. Все его выходы-выезды в город собирали множество зевак, которые дивились знатности и роскоши русского посла. Зная, что китайцы очень любят яркие, величественные зрелища, он не скупился на ленты, флаги и разноцветные фонарики. На китайский Новый год он устроил у себя в посольстве фейерверк и велел раздать детям конфеты,

что не могло не радовать любопытных и падких на сюрпризы горожан.

– Неразумно, – укорил его Вульф. – Они нашей любви не понимают.

– Любовь Христова выше всяческого разумения, – словами отца Гурия ответил секретарю Игнатьев. «И всяческая любовь», – мысленно добавил он и произнес вслух: – И всяческая.

– Что «всяческая»? – недоуменно спросил его Вульф.

Николай смутился:

– Я говорю, что сердце наше и рассудок наш слабее любви, испытываемой нами и переполняющей нас.

Секретарь криво усмехнулся:

– Полюбить иноверца – это выше моих сил. Китай – земля бесовских наваждений. Я понял, что китайцы живут словно видят сны. Язычество первостатейное. Неистребимое.

Игнатьев долго ничего не говорил, потом сказал:

– Нет ничего любви превыше, да святится Имя Его. Боящийся – несовершенен в любви. Надо идти и верить, любить и всё. Не думая, как нас поймут и как оценят наши чувства.

Что с ним будет завтра, он не знал. Думал о прекрасной китаянке. Уже отцвели абрикосы, зацветали сливы, а она не появлялась. Её брат сказал Попову, что Му Лань уехала в деревню, на север страны, помочь бабушке побелить в саду деревья и засеять огород. «Неужели я до своего отъезда из Пекина так и не увижу ее? – панически думал Николай, оста-

ваясь наедине с самим собой, и тут же корил себя за «посторонние мысли». – Прельщаться женской красотой – удел поэтов, живописцев, а я всего-навсего военный дипломат, чиновник государственного ведомства».

Перебирая на столе бумаги, он подошел к окну. Белее облаков сады цветущих слив. Белее облаков…

Утром выпал снег и тотчас начал таять – выглянуло солнце.

«Господи, – мучился неопределенностью своего положения Игнатьев, – как тяжко на душе!» Предчувствия были гнетущими, недобрыми. Для себя он решил, что, как только в Печелийский залив придет русский корабль, он покинет Пекин. Отчаяние и надежда – страшные качели! Расшатывают нервы, убивают душу, мутят разум. Ничего-то он не высидел в Пекине! Надо уезжать.

На Радуницу, после Пасхи, отец Гурий отслужил молебен на русском кладбище, члены духовной миссии и сотрудники посольства помянули усопших, обиходили могилки.

В черёмушнике цвенькал соловей, дружно трещали скворцы.

В Северное подворье Игнатьев вернулся в сопровождении Попова.

…Му Лань стояла на крыльце монастырской гостиницы, и он изумленно подумал: «Так не бывает!» Только что думал о ней, вспоминал её радужный взгляд, а тут – она сама идёт навстречу.

Решив не упускать случая, он первый поклонился ей и улыбнулся.

– День добрый, восхитительная Му Лань, – произнёс он заученную по-китайски фразу. – Я рад видеть вас.

– Зыдырасуйте, – мило коверкая русские слова, с изящным поклоном, ответила девушка. – Вы меня знать?

Половину слов Николай не понял, но смысл фразы уловил.

– Не знать, как зовут самую красивую девушку Пекина, значит, не знать, зачем живёшь, – быстро проговорил он, переходя на русский язык. Попов принялся переводить.

Му Лань кротко улыбнулась. В её глазах зеленым солнцем лучилась юность, радость жизни, чистота души.

– Раз уж я знаю ваше имя, а вы моё, вероятно, нет, – набрался храбрости Николай, – я считаю необходимым представиться вам, и, таким образом, мы познакомимся. – Проговорив это, он осекся и посмотрел на Попова: не слишком ли он дерзок и не оскорбляет ли его напор юную красавицу?

Попов показал глазами, мол, «всё нормально», и перевёл его фразу:

– Николай Игнатьев. Николай – имя, Игнатьев – фамилия.

– Игэна-чефу, – по слогам произнесла Му Лань и снова улыбнулась. – И-но-лай.

Игнатьев понял, что погиб; пропал: влюбился. Она услышала зов его сердца. Конечно, на встречу с ним Му Лань пришла с братом, таким же стройным и высоким, как она са-

ма; понятно, брат привел сестру в русскую церковь, никак не иначе, но он-то, Николай, первый увидел её и, в сущности, никого больше не хотел видеть. Только её. Её глаза, её лицо, её улыбку. Волосы у Му Лань были уложены такой дивной волной, что земля поплыла под ногами. На ней было лёгкое платье из бело-розового шёлка, расшитого цветочными узорами, и чудные сафьяновые туфли нежно-лилового цвета.

Уловив его движение, она протянула свою руку, и он пожал её. Пальцы были трепетными, тёплыми. При этом она смотрела на него с таким радушием, с таким живым и неподдельным интересом, что он надолго умолк и не сводил с нее глаз.

Он чрезмерно обрадовался знакомству. Жены у него не было, невесты – тоже. Он был свободен, молод и честолюбив. А вот теперь, оказывается, он ещё пленён, восхищён и очарован. Она подала ему руку с такой обворожительной робостью, что его сердце исполнилось благоговения и нежности. Скажи ему какой-нибудь умник, что большие беды ходят в женском облике, он бы немедля вызвал его на дуэль. Николай знал, что он человек пылкий, но не знал, что до такой степени.

С этого дня они стали встречаться. Он был счастлив. Вдыхал пьянящий аромат весны и чувствовал, как зыбится, уходит из-под ног земля, а вместе с ней – тревоги и заботы. Деревья, люди и дома казались радужно-возвышенными, чудными. Каждый день приносил радость. Его душа стала неж-

ней, возвышенней. В ней поселилась ласковая боль, и эта боль была мучительно-желанной. Она окрыляла, поднимала над землей, делала его великодушным. Теперь он многое прощал противным людям и даже радовался, что Су Шунь такой упрямец! Будь он посговорчивей, Игнатьев давно бы уехал домой и не встретил Му Лань. Одна эта мысль примиряла его со всесильным фаворитом богдыхана.

Чтобы чаще видеть полюбившуюся ему девушку, он перебрался в Северное подворье и жил в комнате, выделенной ему отцом Гурием. Охваченный пламенем чувств, он уже не представлял своей жизни без Му Лань. Её характер, как ему казалось, был выше всяческих похвал. Просыпался он теперь с одной мыслью: сегодня я её увижу! Или – нет, сегодня она не придёт. Когда она уходила, он принимался читать, и видел лишь глаза Му Лань, когда она улыбалась, они светились неизъяснимой лаской. Садился за стол поработать – всё валилось из рук. Да какая уж тут работа! Он думал о том, что мог не встретить Му Лань, уехать месяцем раньше. Выходит, что сама судьба послала ее, значит, так надо, так на роду ему написано. По чувству он принадлежал той, которую любил, а по долгу чести – царю и отечеству. Хотел письмецо написать – и не смог. Не смог связать двух слов, не знал, о чем писать… Лицо горит, в голове – гуд, а мыслей – никаких, всё чушь и вздор, и если он ещё способен говорить о чём-то внятно, так это о своей любви… с самим собой. Наедине.

Рыба речная знать не должна,
Как высоко ходит в небе луна,
А человек должен многое знать,
Чтоб посетила его благодать.

Это четверостишие написала и подарила ему Му Лань три дня тому назад, и теперь он повторял эти стихи сто раз на дню. Он чувствовал, что нравится ей, видел, как она украдкой обменивалась с ним неизъяснимо-лучистыми взглядами, но это всё не то: он жаждет быть любимым, он ведь любит… Это ужасно, это глупо, это радостно до жути, но что он может сделать, если он и вправду сам не свой, и та душа, которую ещё вчера считал своею, ему отныне не принадлежит? Он понял, что убьёт любого за Му Лань, убьёт и глазом не моргнёт. И это было страшно. Мы помним о сущности вещей, а надо ещё помнить об их превращениях. Что он знал о девушках? Да ничего. О женщинах – и того меньше. У него были сёстры, он их обожал, особенно младшую Ольгу, они его тоже любили. Что ещё? Он был восторжен, целомудрен, чист. Любовь он понимал, как дуновение бессмертия, как святость, божественное слияние душ, а не расхожую, физическую близость. Идти на поводу у плоти – губить душу. А этого он не хотел, крепил себя молитвой и постом, чрезмерною работой. Он берёг себя для той, которую полюбит.

Полюбил.

Читая вдохновенные стихи Му Лань, глядя на её живые акварели, полные света и воздуха, он внутренне досадовал на

свою бездарность. Всё, что он знал и умел, – это исполнять распоряжения да писать отчётные записки. Ничего другого. Да и когда было учиться? И чему? Сын военного он тоже стал военным. Вот и всё. Никаких особенных талантов, ничего. Мундир, присяга да приказ царя. Пешка в игре. Пешкой легко пожертвуют, легко забудут, выбросят через плечо, даже не сплюнут. Размышляя таким образом, он ловил себя на невольном страхе, что ни за что и никогда не осмелится признаться своей возлюбленной в любви. И что он, собственно, об этом чувстве знает? Ровным счетом ничего. Он никогда не влюблялся серьезно, а детские влюбленности – забава, да и только. Если он признается в любви, об этом завтра станет известно не то что родителям Му Лань, весь Пекин заговорит об этом. А богдыхан узнает его слабое место. На Айгунском трактате можно тогда ставить крест. Признаться в любви значит просить руки, жениться, а без родительского благословения ни он, ни она не решатся соединить свои судьбы, создать семью. Опять же сказывалась его подневольность: пока офицер служит, тем более офицер свиты его величества, он себе не принадлежит: надо испрашивать дозволения на брак у государя.

В очередной раз, проводив Му Лань с братом до ворот духовной миссии, Николай печально подумал о том, что он и в самом деле не принадлежит себе. Он присягал на верность царю и Отечеству. Вот им он жизнь свою и посвящает, а любовь… любовное чувство к иностранке… это сугубо личное,

эгоистическое дело, далекое от долга.

Вот и отец Гурий говорит: «Где долг, там святость». Всё остальное суета сует и томление духа. Томление духа… как это верно и точно. А еще, конечно же, бунт крови… «Надо сдержать себя, сдержать во что бы то ни стало, – приказывал себе Николай, когда видел улыбку Му Лань. – Скрепить сердце, наложить оковы на уста. Безмолствовать, но помнить. Помнить, что люблю… люблю, как брат, чисто, светло. Кротко, тихо, нежно, с молитвой о благе её».

И чем больше он убеждал себя в необходимости молчать и помнить, любить, что называется, вприглядку, тем безотчетнее хотелось говорить восторженно и страстно, терять рассудок и касаться, касаться её… целовать. Это как чудо, как возвращение в рай. Теперь он знает, что это такое: преображение души.

Он вспоминал, как шёл рядом с Му Лань и сердце его ликовало. Он был счастлив. Вдыхал пьянящий аромат весны и чувствовал, как зыбится, уходит из-под ног земля, а вместе с ней – тревоги и заботы. Деревья, люди и дома казались радужно-возвышенными, чудными.

Вчера Игнатьев и Му Лань пили чай в покоях отца Гурия и не сводили глаз с друг друга.

– Я радуюсь любой минуте нашего общения, – дрогнувшим голосом сказал Николай и осекся. Когда сердце охвачено страстью, пылает, любой костер покажется сугробом, ледяной глыбой, а язык не подчиняется рассудку.

– Я чувствую, – пролепетала Му Лань, испуганно кося глаза с зелёной искрой. – Но я не знаю, хорошо ли это?

– Хорошо, – проговорил он. – Что же тут плохого? – Они уже довольно легко понимали друг друга. – Вы меня знаете, я человек публичный. Обиды вам не причиню. Прошу вас навещать меня почаще. Может статься так, что я скоро уеду.

– Хорошо, – согласилась она, – девушка может быть глупой, но юноша должен быть с сердцем.

Николай улыбнулся. Он давно уже не чувствовал себя юнцом.

– Вы дороги мне и приятны.

– Я вам верю, – по-прежнему не поднимая глаз, ответила Му Лань. – Мне кажется, я знаю вас всю жизнь.

Услышав это робкое признание, он едва не воскликнул: это чудо! Она призналась в том, в чем должен был признаться он, уже на второй день их знакомства поймавший себя на мысли, что ничего, в сущности, не зная о Му Лань, он знал о ней всё: он её любил. Сказала так, словно прочитала его мысли.

Восторг и нежность переполняли его, и он улыбался даже тогда, когда её не было рядом. Вспоминал её и улыбался.

Каждый день приносил радость. Но сегодня… сегодня пришла почта из Петербурга. Инструкция Горчакова предписывала Игнатьеву исполнить то, что он задумал: перебраться на русский корабль и поселиться в Шанхае. Сойтись с посланниками Англии и Франции. Прочитав должностные

бумаги, он велел собирать и упаковывать вещи.

– Лев Фёдорович, – сказал он капитану Баллюзеку, – купите лошадей для казаков и две повозки. В Печелийском заливе нас ждёт клипер «Джигит».

– МИД одобрил ваши планы?

– Одобрил. И даже позволил принять звание посланника.

Больше всех обрадовался отъезду секретарь Вульф. Он распахнул створки окна и жадно вдохнул аромат медоносных цветов.

Месяц начинался прекрасно!

А Игнатьев нахмурился: предстояла разлука с Му Лань.

Глава XII

Ночью во сне он увидел отца, который писал к нему, сидя в своем кабинете. Чтобы узнать содержание письма, Николаю пришлось стать у отца за спиной и прочесть: «Отступи, когда упрёшься. Окольные пути тоже приводят к цели».

Надо сказать, отец не баловал его, был строг и даже суховат, снился за всю жизнь от силы раза два, а вот письмами они обменивались часто: любили побеседовать на расстоянии. Каково же было удивление Николая, когда утром доставили почту и в ней он обнаружил послание отца! Самое поразительное было то, что в конце письма через знаки P.S. отец подчеркнул слова: «Отступи, когда упрёшься». Выходит, он во сне прочел мысли отца – подобное с ним раньше не случалось. Возбужденный и обескураженный таким чудесным совпадением, Николай подумал, что природа сна божественно загадочна и не ему о ней судить. Дух дышит, где хочет. Главное, слова отца напутственно верны. Надо пойти по окольной стезе. Вот уже скоро год, как посольство томится в Пекине, а толку, если честно, с гулькин нос. Он написал бесчисленное множество презренных жалоб, получил несколько отписок, да к тому же ещё и влюбился. Ни о чем не может думать, кроме как о Му Лань – смотреть в её глаза, касаться её рук…

Узнав о прибытии русских судов в Печелийский залив,

Игнатьев тотчас написал в Верховный Совет Китая о своем намерении покинуть Пекин вместе с посольством, но богдыхан категорически запретил выезд к морю не только русскому посланнику, но и его порученцу. Николай хмыкнул и заявил в своем повторном обращении к китайскому правительству, что «не может ослушаться своего государя и вынужден выполнить то, что ему предписано: добраться до Бейцана и пересесть на русский корабль». Китайцы были озадачены. Русский посланник официально выказывал своё несогласие с распоряжениями Сына Неба! Отозвать предписанное ему запрещение сановники не могли, но и настаивать на его исполнении было опасно: это могло поссорить Россию с Китаем. Придворные чинуши решили отмолчаться, сделать вид, что никакого письма не было. Наряду с этим маньчжуры прибегли к акции устрашения: вокруг Южного подворья расставили жандармов с допотопными мушкетами. Баллюзек переглянулся с хорунжим, и казаки на глазах у ретивых полицейских стали точить шашки и заряжать винтовки: дескать, такой мы весёлый народ!

– Будем уезжать? – спросил Вульф, глядя на кордон «почётной жандармерии», и услышал от Игнатьева:

– Конечно. Пусть попробуют остановить.

Высоко в небе проплыл коршун, и его распластанная тень скользнула по земле. В мелкой, прогретой солнцем луже шныряли головастики и крохотные, презабавные лягушата.

Собираясь в дорогу и не сомневаясь больше в правоте то-

го, что он намерен сделать, Николай вернулся в свою комнату, сел за письменный стол, придвинул к себе чистый лист бумаги и вывел на нем красной тушью иероглиф «взаимность». Вышло хорошо, и он залюбовался: какая притягательная сила в том, что может составлять загадку и в загадке этой содержать желаемый ответ! Какая радость познавать неведомое, новое, исполненное таинств бытия, людских поверий и пророчеств.

Баллюзек нанял строителей, и камин в кабинете Игнатьева срочно заложили кирпичом, чтобы никто за время отъезда посольства не забрался в дом через трубу.

– По представлению китайцев, – сказал Попов, подавший мысль замуровать камин, – у печных труб и тех есть божество, и называется оно духом печных труб и дыма.

– А духа лошадиного навоза у них нет? – съязвил Вульф и, не дожидаясь ответа, вышел из комнаты, всем своим видом показывая, что он чертовски устал от многобожия и беспросветного язычества.

Попов усмехнулся и сообщил Игнатьеву, что завёл знакомство с мелким письмоводителем в городской управе и тот свёл его с купцом, имевшим конный завод.

– Купец запросил четыре тысячи рублей за пятнадцать лошадей, прошедших выбраковку, но я сбил цену до двух тысяч.

– Дорого, – вздохнул Николай и тут же сказал, что выбирать не приходится. – Езжайте с Баллюзеком и выкупайте

коней.

Во дворе посольства вновь запахло дёгтем, конской упряжью и лошадиным потом.

– Где Шарпанов? – слышался вопрос хорунжего, и ему тут же отвечали:

– Купает коней.

– А Беззубец?

– Овёс припасает.

– Смотрите у меня, – кашлял в кулак Чурилин. – Отъезд на носу.

После полудня казаки забрались в седла, стали приноравливаться к лошадям.

– Во, грызь мозговая! – дёргал повод Курихин, укрощая вороного жеребца, сильного и своевольного. – Я те, хвороба проклятая! – Он умел объезжать лошадей.

– Гыть, прищепа! – отмахивался от своей рыжей кобылы Савельев, и его конопатое лицо светилось лаской. – Обсалишь слюнями.

Видя, что особой нужды в его присутствии нет, Николай поехал проститься с Му Лань. Ему страшно было разлучаться с ней, но ещё страшнее было потерять себя. Какое это всё же испытание – любовь! И как она увязана с надеждою и верой.

Узнав о том, что Игнатьев не отказался от своего намерения выехать из Пекина: закупил лошадей и нанял повозки, показывая тем самым, что его отъезд в сторону моря пред-

решен, а запрет богдыхана для него не более чем шелест камыша в безветренную тишь, министр налогов всесильный господин Су Шунь, обладатель всех мыслимых и немыслимых чинов и привилегий, со свистом втянул в себя воздух и приказал уволить со службы «жалких недоумков», которые не смогли донести волю богдыхана до сознания «тупого русского», не постарались воздействовать на него должным образом и не заставили трепетать перед маньчжурским правительством. Несмотря на то что одуревших от страха чиновников тотчас вытолкали из присутствия, где они протирали штаны, разгневанный Су Шунь долго ещё не мог успокоиться и вслух сожалел о добром старом времени, когда нерадивого или строптивого чиновника можно было публично избить палками и заключить в специальную тюрьму для провинившихся. В конце концов, порядок есть порядок, как бы вы к нему ни относились. У каждой вещи свое имя: назови свирель стрелою, и она захочет убивать. «Захочет убивать», – мысленно повторил Су Шунь и надолго задумался: как сохранить спокойствие в порыве гнева? как усмирить бесноватого русского? как сделать так, чтобы тот пострадал из-за собственной глупости? План, который начал зарождаться в его голове, требовал тайны и верных людей. Иначе все его намерения могли пойти прахом.

Людей, готовых услужить Су Шуню, было много, больше, чем нужно, но ни к кому из них он не испытывал, да и не мог испытывать доверия. Прежде чем доверять человеку, надо

его испытать. Испытанных людей тоже хватало, но и они могли предать в любой момент. Там, где все построено на выгоде, на крайнем себялюбии и алчности, предательство считается делом чести. Верно сказано: кто стремится к власти, знает, что такое одиночество. Терзаемый маниакальной подозрительностью, доводившей его до бешенства и понуждавшей совершать жестокие поступки, Су Шунь встал из-за стола и сказал секретарю, чтобы тот вызвал к нему родственника тяньцзиньского купца Хай Чжан Ву, тридцатилетнего оболтуса, служившего в палате уголовных наказаний начальником девятой канцелярии.

– Мое великодушие скоро станет объектом насмешек, – добавил он со вздохом и предупредил, что прогуляется во внутреннем дворике министерства – Надо кое-что обдумать.

Секретарь тотчас протянул ему баночку с кормом для рыбок. Господин Су Шунь любил речную живность.

В министерском пруду с перекинутым через него мраморным мостиком плавали черепахи и пышнохвостые оранжевые рыбки. В зеленоватой воде отражались плакучие ивы.

Ярко светило солнце, приятно жгло плечи.

Сизым золотом сверкнул в воде сазан, пугливой стайкой метнулись пескари, над желтым ирисом зависла стрекоза.

Су Шунь захватил щепоть подсолнечного жмыха, смешанного с кукурузною мукой и яйцами лесных муравьев, и принялся кормить рыб. Через какое-то мгновение он заметил, что облака перевернулись и тонут в воде. Значит, все,

что он задумал, исполнится. Примета была давняя и верная. «Китай кишит разбойниками, – думал Су Шунь, – но всё надо устроить так, чтобы никто не заподозрил официальные власти в гибели русского строптивца». Он намеренно не называл его посланником, будучи уверенным, что Игнатьев присвоил себе это звание обманным путем, незаконно и за это он, конечно же, поплатится. Су Шунь запрокинул голову, зажмурил глаза; сквозь плотно сжатые веки солнце казалось алым, цвета крови. Он любил этот цвет и плотоядно облизнул губы. У каждого игрока в карты припрятан свой «туз в рукаве».

Мордастый, сытый, налитой жизненной силой родственник тяньцзиньского купца не раз выполнял особые поручения дашэня и, уяснив, что от него требуется, почтительно согнулся в поклоне: «Да воссияет над бессмертным Сыном Неба венец величия и славы». Как и большинство ему подобных, он искренно считал, что все действия господина Су Шуня направлены на процветание Китая и согласованы с любимым богдыханом. Кто одинаково одет, тот одинаково мыслит. У Су Шуня и Сянь Фэна были желтые одежды, а люди в желтом – люди власти, люди Неба. Люди цвета Ян.

– Этот русский не посланник, проходимец, – презрительно скривил губы Су Шунь, характеризуя Игнатьева, и закрыл крышку банки с кормом. – Будет лучше, если он сгорит или утонет.

– Или поест плохой пищи, – ухмыльнулся порученец. Его

удлиненный грубой лепки череп, большие надбровные дуги и широкий нос с мясистыми крыльями, в сочетании с выпирающей вперед нижней губой придавали ему вид человека с довольно мрачной биографией.

– Или поест плохой пищи, – согласился Су Шунь и наступил на свою тень. – Хороший яд уже хороший лекарь. – Он хотел добавить, что «жить – значит хоронить», но потом решил, что порученец и так прекрасно его понял. Приятна молчаливая беседа.

Приехав в Северное подворье, Игнатьев оставил отцу Гурию подробную инструкцию о действиях, которые надлежало предпринять в его отсутствие и, видя, что Му Лань задерживается, поделился с ним своей дипломатической задумкой: сойтись с послами Англии и Франции и при первой же возможности выступить в роли посредника в их переговорах с китайцами. Говоря языком шахматистов, он неудачно разыграл дебют и теперь собирался произвести рокировку «в длинную сторону» – нужно было обезопасить своего «короля» от возможных неприятностей: министр налогов и сборов – человек злопамятный.

– Я не обладаю даром предвидения, – сказал Николай, – но прекрасно понимаю ход мыслей Су Шуня.

– Если исходить из китайского присловья, что «жизнь – это зеркало смерти», – отозвался священник, – то Су Шунь запросто может прибегнуть к крайней мере.

– Подошлёт наёмного убийцу?

– Да, – ответил отец Гурий. – Он резко настроен против вас. Попову удалось узнать, что не далее как вчера Су Шунь вновь поднимал вопрос о том, чтобы под конвоем доставить вас в пограничную Кяхту, препроводив домой через Монголию.

– А я поеду к морю, – усмехнулся Игнатьев. – Сто двадцать вёрст – не расстояние.

– Можно загнать лошадей.

– Цель оправдывает средства. К тому же их все равно придется отдать за бесценок: на клипере конюшни нет.

– А как выберетесь из Пекина? Может статься так, что вас не выпустят.

– Есть один план.

Заслышав в коридоре легкие шаги Му Лань, Николай пошёл ей навстречу. Отец Гурий оставил их вдвоём.

Вместе с Му Лань в комнату ворвался свежий аромат весны, благостно-чудный запах чабреца. Одета она была в платье из лёгкого шелка, а в волосах – веточка цветущего жасмина.

Они сидели за столом друг против друга, и ему хотелось, чтобы чаепитие их не кончалось никогда. Он смотрел на нее и смотрел. Одёргивал себя и вновь не сводил глаз. Не мог налюбоваться. Ловил взор. Ум её казался удивительным, характер необыкновенным. В ней всё прельщало, радовало, оделяло счастьем.

«Как я ей скажу, что уезжаю?» – с болью в сердце думал он и всячески оттягивал час расставания. Несмотря на собственные уговоры, чувствовал он себя скверно. Искал точку опоры и не находил. Жизнь его словно зависла между небом и землей, и он не знал, как быть. Спускаться на грешную землю или навсегда забыть о ней, остаться в эмпиреях? Поверить сердцу, плюнуть на рассудок?

Измученный нерадостными думами о предстоящей разлуке, он в который раз приходил к мысли, что ни одна петербургская барышня, вращающаяся в высшем свете, ни в коей мере не может сравниться прелестью и миловидностью с Му Лань. Утром он написал письмо родителям и сообщил, что жив, здоров, исполнен сил. Готов добиться своего во что бы то ни стало. Хотел признаться, что влюбился, но слово «влюбился» показалось ему легковесным, от него пахнуло праздностью и блажью, а сказать прямо, что он «любит», не посмел: на расстоянии слова приобретают иной смысл, и матушка может представить невесть что, да и отец расстроится всерьез. «Как сердцу высказать себя? «– мысленно цитировал стихи Тютчева Игнатьев и улыбался Му Лань. Она была прелесть: ангел сияющий.

Словно почувствовав всё, что творится у него в душе, Му Лань осторожно протянула руку и коснулась пальцами его щеки. Медленно и зябко провела.

«Словно слепая, – подумал Николай и устыдился этого сравнения. – Все мы, наверное, слепы, а уж в любви и подав-

но».

Чтобы избавиться от уколовшего его стыда, он повернул голову и вжался в её узкую ладонь горячими губами. На бегущую воду можно смотреть бесконечно. Он это знает. Имел возможность убедиться. Неужели и Му Лань – бегущая вода? Чарующие струи наваждения? Господи! Наставь и вразуми, ведь Ты сама Любовь! Сама Любовь. Он чувствовал, как его сердце замирает, а затем обливается кровью: горячей до сладкой истомы. В жизни он такого не испытывал.

– Я уезжаю, Му Лань…

Он взял её руки в свои и посмотрел с пронзительной печалью.

– Люблю и уезжаю. Далеко.

В висках стучало, губы пересохли.

Он выбрался из-за стола и, не выпуская её рук, приблизился к Му Лань.

– Кого люблю? – потупив взор, тихо спросила она, и пальцы её мелко-мелко задрожали.

Николай медленно поднес её руку к губам и нежно, коротко поцеловал.

– Тебя, Му Лань, тебя.

Она вздрогнула и зажмурилась:

– О!

Её шея с завитком волос была так близка, так нежна и открыта, что он не удержался, поцеловал её.

Му Лань тотчас отпрянула, прижала ладони к щекам. Её

глаза заволокли слезы.

– И… я, – от волнения и муки, что не знает русских слов, которые были нужны, она качнулась в его сторону и протянула руки, – Лю-билю, Нико-лай, си-ли-на лю-би-лю…

– И я тебя очень, и я тебя сильно, – шептал он, обцеловывая пальцы, пахнущие чабрецом. – И никого я так любить не буду… Чудная, душа моя, люблю…

Он перемежал свои слова китайскими, и целовал, целовал, целовал: её прекрасный лоб, и переносицу, и брови, и горячие, солоновато-влажные скулы… гладил её голову и прижимал к себе, и чувствовал, что она тоже гладит его волосы, целует его руки; и всё пытается сквозь слезы улыбнуться.

Восторг признания и нежности лишили его слов. Трепетность её касаний, её ласковая осторожность перехватывали его горло дивной спазмой. Когда её нос коснулся его подбородка, Николая бросило в жар, а сердце… сердце облилось горячей кровью. Стало большим и гулким, не помещалось в груди. Он не чувствовал его биения, он только знал, что оно есть, что ему жутко, отчаянно-весело, томительно и сладостно одновременно, что оно любит, что оно горит огнем, ликует и славит любимую.

– Единственная, жизнь моя, Му Лань…

Его иступленная нежность и боль предстоящей разлуки сами собою облеклись в слова, помимо его воли, как будто он и был рождён лишь для того, чтобы узнать в лицо свою любовь, узнать и тотчас же закрыть глаза и так, с закрытыми

глазами, прошептать: «До встречи, милая моя», страшась, что сердце, переполненное хмелем счастья, не выдержит напора чувств и разорвётся.

Договорившись с Му Лань о том, что свои письма к нему она станет пересылать через отца Гурия вместе с дипломатической почтой, он наломал во дворе охапку душистой сирени, вручил ей букет и проводил за ворота.

Казаки конвоя деликатно придерживали шашки, чтобы те не громыхали.

– Слышь, Сёмк, – шёпотом сказал Курихин, – сердце млеет.

– А чиво ж, – так же тихо ответил Шарпанов. – Видать, приятство промеж них.

Глава XIII

«Чудо мое чудное, прощай», – в последний раз оглянулся Николай на удаляющиеся стены Пекина и стиснул зубы, сдерживая слезы. Он любил сестер, любил родителей и брата, но эта ровная привычная любовь не шла ни в какое сравнение с тем чувством, которое переродило его душу. Его душа слилась с душой Му Лань, его единственной, желанной, ненаглядной, чьи пальцы, словно мотыльки, а губы… нет, нельзя! Не вспоминать! Иначе он не выдержит, он повернет назад, сойдет с ума, станет пустым, как всякий эгоист. Он должен сделать то, ради чего его направили в Китай, а там… там будет видно. Он упросит мать, уговорит отца – ему помогут в этом сестры, испросит дозволения на брак у государя, вернется в Пекин за Му Лань: два месяца туда, два месяца обратно – благослови меня, Боже!

– Ваше превосходительство, – услыхал он голос камердинера, – чтой-то вы бесперечь отдуваетесь?! Никак, заболели?

– Нет-нет, – поспешил успокоить его Николай и сам не заметил, как снова вздохнул. – Мысли гложут.

– Об чем?

– Не знаю, как быть, что нас ждёт?

– А ништо! – приободрился Дмитрий, испугавшийся за здоровье своего барина. – Бог не выдаст, китайцы пропустят.

Зная, что за ним постоянно следят, фиксируют все его пе-

редвижения по городу в раззолочённых сановных носилках, Игнатьев выехал верхом, а паланкин, в котором сидел переводчик Попов, задержала в воротах полиция. Пока разбирались, что к чему, Игнатьева, как говорят, и след простыл. Перед мостом Балицяо его встретили двое чиновников военного ведомства в грязных обтёрханных халатах. Узнав, что он русский посланник, они в один голос потребовали вернуться в Пекин.

– Вне Пекина вам грозит опасность, – с напускной заботой в тоне проговорил тщедушный офицер с обвислыми усами.

– А может, и мучительная смерть, – мрачно пригрозил второй. При этом он так глянул, так многозначительно взялся за меч, висевший у него на поясе, сомневаться в искренности его слов не приходилось.

– Кстати, – сказал он, преграждая дорогу на мост, – к морю вас вряд ли пропустят: вы чужеземец.

– Согласно второй статье Тяньцзиньского договора, заключенного между Россией и Китаем в позапрошлом году, русский посланник имеет право на свободу передвижения между Пекином и морем, – не моргнув глазом ответил Игнатьев и принял грозный вид. – Имею право! – После этой громкой фразы, маньчжурам ничего не оставалось, как только развести руками.

– Воля ваша.

В прибрежном лозняке тосковала кукушка, в камышах возились рыбаки. Утреннее солнце зажигало облака, золотой

живицей стекало по стволам могучих сосен.

Ехали «встречь моря» – вдоль Великого канала.

Рессоры коляски малость поскрипывали, новые оси нагревались, их приходилось часто смазывать, но лошади, отдохнувшие за ночь и взнузданные без мундштуков, на трензелях, бежали ходко.

«Теперь за мной будут следить ещё упорнее, – прикрывая глаза от слепящего света, думал Николай. – И вредить станут куда настойчивее, нежели раньше».

Перед Бэйцаном, не доезжая Тяньцзиня, свернули на боковую дорогу: не хотелось встречаться с маньчжурскими конными разъездами и главной квартирой Сэн Вана – главнокомандующего правительственной армией.

К утру следующего дня запахло водорослями, рыбой и смрадом бедняцких лачуг.

Когда посольство подъехало к морю, оно было встречено лейтенантом Мусиным-Пушкиным – молодым голубоглазым моряком.

– К сожалению, – сказал он, козырнув, – Иван Фёдорович сможет прибыть на берег не раньше полудня.

– Ничего, – ответил Игнатьев, понимая, что речь идёт о командире русской эскадры капитане 1-го ранга Лихачёве, – нам всё равно придётся задержаться: надо продать лошадей и повозки.

Под ногами поскрипывала галька. Накатные волны перемывали песок. Дул легкий ветер, и прихотливые отблески

солнца трепетали на шумной воде в игривой дружной пляске.

Чтобы убедить богдыхана в том, что он действует независимо от англичан и французов, Николай отправил в Верховный Совет письмо, в котором уверил маньчжурских сановников в своем скором возвращении в Пекин.

В три часа пополудни к берегу приткнулся паровой катер. Прибыл командир эскадры Лихачёв. Рослый, статный, с красивым загорелым лицом.

Они перебрались на катер и направились в море, где в восьми милях от берега стоял русский транспорт «Японец» и рядом с ним красовался винтовой клипер «Джигит» в полной боевой готовности.

Вечером, разместив посольство на «Японце», Лихачёв рассказал Игнатьеву, что в присланной ему из Петербурга бумаге Министерство иностранных дел рекомендует поднять флаг посольства на фрегате «Светлана».

– И действовать совместно с американским посланником, – без видимого удовольствия добавил Николай.

– Я вас понимаю, – сказал Лихачёв. – Но на Певческом мосту привыкли жить с оглядкой.

Во время ужина он рассказал, что посланное Игнатьевым письмо о предстоящем отъезде из Пекина попало ему в руки в Шанхае, и он тотчас нанял частный японский пароход и пошёл на нём в Нагасаки формировать Тихоокеанскую эскадру.

– Восьмого апреля я зашел в Хакодате, застал там транспорт «Японец» и клипер «Джигит», потрёпанный штормом, распорядился погрузить на пароход «Рени» запас угля и отправил на нем лейтенанта Казнакова с корреспонденцией для вас в Печелийский залив.

– Никакой почты в апреле я не получал, – сказал Николай, – отчего, признаюсь, страшно нервничал. Подозревал китайцев в злом умысле.

– Напрасно, – ответил Лихачев. – Чем дальше от Пекина, тем китайцы любезнее. Просто пароход «Рени» не дошел до Бэйцана: ночью он разбился о камни близ японских берегов.

– Экипаж погиб?

– Чудом остался жив. Пароход столь стремительно пошел на дно, что Казнакову не удалось спасти письма и посылки, предназначенные для вас.

– Жаль, – протянул Игнатьев. – Я ждал из Петербурга летний парадный мундир, да и фуражку надо заменить.

– Это поправимо, – сказал Лихачев. – В Шанхае можно будет заказать, сошьют по образцу. А хотите, – он слегка замялся, – обратимся к моему судовому врачу. Он у нас «золотошвейка». Хирург милостью Божьей, но за неимением практики, не расстается с иголкой и ниткой: порет и режет, режет и шьет.

Игнатьев улыбнулся, сказал, что «время терпит», и Лихачев продолжил свой рассказ.

– Узнав о гибели парохода «Рени» и утрате почты, я на

транспорте «Японец» вышел в море и, войдя в залив Посьета, встал на якорь в Новгородской гавани. Там я высадил десант из двух офицеров и двадцати пяти матросов при одном полевом орудии.

– Когда это было?

– Двенадцатого апреля. Командиром десанта я назначил лейтенанта Назимова.

– А что заставило вас это сделать?

– Насущная потребность в топливе.

– Заготовка дров?

– Разведка каменного угля для создаваемой эскадры. А в случае появления английских кораблей десанту вменялось в обязанность поднять русский флаг и превратиться в пограничный гарнизон.

– Сильный ход. Просто гроссмейстерский.

– А что нам остаётся делать? – риторически воскликнул Лихачев. – Жизнь заставляет. – Он помолчал и усмехнулся. – Тринадцатого апреля «Японец» отвалил от берега и через две недели подошел к Бэйцану. На другой день к нему присоединился «Джигит», и я сообщил вам в Пекин о готовности эскадры взять посольство на борт.

– Это послание я получил, – сказал Игнатьев и поблагодарил Лихачева за оперативность. – Сразу видно, что вы боевой офицер.

– Имел честь защищать Севастополь, служил флаг-офицером при контр-адмирале Корнилове, – не без гордости от-

ветил Лихачев, – а после войны был назначен адъютантом к великому князю Константину Николаевичу. – Капитан эскадры, первой тихоокеанской когорты русский военных кораблей, собранных под одним командованием во славу царя и Отечества, был на шесть лет старше Игнатьева, и в уголках его глаз уже появились первые морщинки. – Вот уже полтора года принимаю участие в разработке всех начатых при нём реорганизаций по морскому ведомству и очень рад, что мне поручено сформировать отдельную эскадру на Дальнем Востоке. Это моя давняя мечта. – Он подкрутил усы и добавил: – Придет время, у России будет мощный Тихоокеанский флот. Осталось лишь преодолеть рутину, господствующую в организации военно-морского дела.

– В равной мере это относится и к дипломатии, – тоном единомышленника заметил Николай. – Слишком трусим, лебезим перед Европой, предательски идем ей на уступки.

– Они всю жизнь используют Россию в своих целях.

– Всему виной наше извечное желание прийти кому-нибудь на помощь, наша православная отзывчивость, – сказал Игнатьев. – А Европа – это голый практицизм и никаких иллюзий.

– Кроме одной, – солидарно усмехнулся Лихачев, – иллюзии насчет своей исключительности.

– Самообман – давний недуг Европы. Французы, а особенно парижане, считают, что они всё знают и нет такого явления, которого они бы не сумели объяснить. При этом,

они на редкость поверхностны, впрочем, как всякие самонадеянные люди, которым ни до чего нет дела, кроме как до собственного остроумия или, если удается, красноречия. Но красноречие их, – сказал Игнатьев, – пустопорожнее, чем-то напоминающее рождественские хлопушки и ёлочные шары: праздник миновал и все о них забыли. – Он раздраженно хмыкнул и какое-то время молчал, сосредоточив своё внимание на ламповом огне, затем продолжил: – Жить сейчас, сию минуту – это всё, что требует от вас Париж. Не стоит труда думать; главное, уметь пользоваться общедоступными мнениями и социальными законами.

– Я слышал, жители предместий ненавидят парижан с момента своего рождения.

– Это роднит все столицы. Голодный мастер никогда не будет думать так, как сытый слуга, а сытый лакей всю жизнь испытывает зависть к пресыщенному аристократу.

– Чем чаще меняются блюда на столе у господ, тем привередливее в еде прислуга? – с вопросительной интонацией проговорил Лихачев и внимательно посмотрел на собеседника, словно хотел уловить выражение его глаз. Игнатьев согласно кивнул и задумчиво потер висок. – Это также верно, как и то, что нужда всегда реальна. «Возле кормушки царит толчея» – так говорят китайцы.

– Мудрый народ, – заметил Лихачев, – но я не понимаю, отчего они отказались от оружия и не желают утвердить границы?

– Я думаю, это происки Англии: она вполне могла потребовать от Китая не иметь дела с нами до тех пор, пока её дипломаты не добьются поставленной перед собой цели. – Он сказал об Англии, но почему-то вспомнилось лицо Су Шуня: голый шишковатый череп, густые низко нависающие брови, затенявшие и без того глубоко сидящие глаза, что придавало им угрюмо-настороженное выражение, и неприятно широкие скулы. Вспомнилось и то, что он интуитивно угадал слабую струнку Су Шуня, но сыграть на ней ему не удалось. Ему даже показалось, что Су Шунь догадался об этом и намеренно держал его на расстоянии, не подпускал к себе. Игнатьев много раз пытался завязать знакомство, но старый хитрый лис выскальзывал из рук или кусался.

– Надеюсь, за то время, пока вас не будет в Пекине, правый берег Амура не станет длиннее левого, – шутливо произнес Лихачев и слегка склонил голову набок.

– Я постараюсь сделать всё, чтоб этого не произошло, – так же шутливо ответил Игнатьев. – Хотя китайцы поклоняются дракону, а дракон – повелитель воды. – Его лицо вновь стало серьезным, и Лихачев облокотился о стол. – Николай Павлович, ваш самовольный отъезд из Пекина сильно осложнит переговоры? Или всё ещё можно исправить?

Николай нахмурился.

– Честно говоря, дело ужасно затянулось; неизвестно, чем и кончится, но, полагаю, богдыхан простит мне моё самовольство: он ведь знает, что нанёс мне обиду, запретил сесть

на русский корабль, да и не мне – кто я такой? Всего лишь посланник. Богдыхан нанес обиду русскому царю, который не то что недоброго слова, недоброго взора не кинул в его сторону.

– А с какого года маньчжуры правят Китаем?

– С одна тысяча шестьсот сорок четвертого года, с тех пор, как династия Цин завоевала Китай и создала Богдойское царство.

– Больше двухсот лет, – подсчитал Лихачев.

– И все это время мы живем в добрососедстве, не считая мелких ссор. Вернее, жили, пока в наши дела не стала вмешиваться Англия. Ни дна ей, ни покрышки!

– Это так. Англия ведь чем плоха? – задался вопросом Игнатьев и сам же на него ответил: – Она в лицо не смотрит, смотрит в руки: кто что несёт. И приступом стремится отобрать.

– Пиратствует и грабит.

– Сеет смуту.

Видя, что Игнатьев озабочен своим будущим общением с послами Англии и Франции и не скрывает своих неприязненных чувств к воинственным союзникам, сделавших всё для поражения России в Крымскую кампанию, участником которой был он сам, Лихачёв оторвал локоть от стола и откинулся на спинку кресла.

– У нас, у моряков, есть такое понятие: поворотная сила руля. Чем больше скорость корабля, тем эта сила меньше.

Одна надежда на точный расчет капитана и глазомер рулевого. Сейчас, Николай Павлович, Англия и Франция активно готовятся к войне, ждут не дождутся прихода транспортов с войсками и боевых кораблей с их мощной артиллерией. Как только союзники объединят свои силы и навалятся на маньчжуров, события начнут стремительно меняться, возрастет скорость передвижения противоборствующих сил. Соответственно, увеличится напряжение всех участвующих в конфликте сторон и появится риск не справиться с этим напряжением. Говоря нашим, морским языком, снизится маневренность флотов, эскадр и кораблей, появится опасность налететь на рифы или на прибрежные утёсы. – Лихачев слегка прищурился и подался вперёд. – Вот тут-то вы и должны будете представить себя капитаном вашей миссии, вашего дипломатического крейсера. – Он улыбнулся. – Одним словом, начинайте работать, чуточку опережая время, с упреждением. Как стреляют по летящей или быстро движущейся цели.

– Спасибо, Иван Фёдорович, – поблагодарил его Игнатьев. – Мне кажется, я начинаю понимать, что нужно делать.

Склянки пробили полночь.

Глава XIV

Мирно, покойно сияла над морем луна – серебрила свое отражение. Тихо, еле слышно поплескивала за бортом вода. Ночь была тёплой, безветренной.

Клипер «Джигит», на который пересел Игнатьев, рассчитывая на его быстроходность, надежд не оправдал. Нехватка угля заставляла идти под парусами, но ветер был настолько слаб, что паруса обвисли тряпками.

Николаю не спалось, и он вышел на палубу.

Двадцатого мая, как раз перед отплытием в Шанхай, на клипер привезли почту. Наряду с пекинскими газетами, Попов передал Игнатьеву письмо из МИДа и протянул послание Му Лань.

Горчаков сообщил, что за то время, пока Игнатьев препирался с китайскими уполномоченными, между Португалией и Китаем состоялось заключение торгового договора.

«Вот ведь проныры, – огорчился Николай, улавливая в письме светлейшего упрёк в свой адрес, – на ходу подметки режут». В этом же письме Горчаков предупредил, что военные действия англичан и французов против Пекина могут начаться в любой день. Получалось, что в Шанхай надо было идти как можно скорее. Необходимо познакомиться с европейскими послами, и прежде всего с министром-резидентом США Уардом, с которым так и не удалось встретиться в Пе-

кине. В послании Му Лань было всего две строчки:

Ночью цикады не спят:
Ждут не дождутся рассвета.

Он прочёл – и к горлу подкатил горячий ком: сердце просилось в Пекин.

Увлечённый прелестью Му Лань, Николай испытывал к ней такие затаённо-ласковые чувства, что порой останавливался возле письменного стола и целовал те книги, к которым прикасались её пальцы. А теперь он целовал четвертушку листа со стихами и, стоя на корме, смотрел в зелёное ночное небо. Разговаривал с самим собой. Убеждал себя в том, что на русском корабле, в окружении соотечественников, ему легче будет собраться с мыслями, укрепиться духом, поверить в то, что «и последние станут первыми», что и ему удастся подписать договоры с Китаем, удастся «оседлать тигра» – сделать невозможное. Он нетерпелив, а Господь словно испытывает его: приучает к терпению, даёт то, чего у него нет…

Николай аккуратно сложил листок бумаги со стихами и спрятал в нагрудный карман.

Вместо четырех дней, обещанных командиром клипера, «Джигит» добирался до Шанхая десять суток. Шел морем, «аки посуху». Казаки сблизились с матросами, шутили, зубоскалили. Рассказывали про Пекин, про службу при по-

сольстве.

– У нас переводчик, – рассказывал Курихин о Попове, – вот те крест! – гипнотизер. Ты перед ним, што муха по зиме: не хочешь, а заснешь. И камнем станешь, и деньгу, какая есть, отдашь – ни ай, да ну!

– Это как же? – крутили головами матросы. – Стало быть, он с чёртом заодно?

– Да с каким там чёртом! – отмахивался Курихин. – Сила в ём такая: много знает. Он, если што, зацепит кулаком, считай – мертвяк.

– Скажи, Ероха?

Урядник Ерофей Стрижеусов согласно кивал:

– Учился, стало быть. Китайцы – народ мудрый.

– Шибаи, – сказал матрос в штанах из белой парусины и заговорил о наболевшем. – Ахвицерам, чо? Особливо в порту? Всех и делов-то: в ресторации кутнуть, а нашему брату тяжельше: на нем трудов на семь потов, да опосля стоко же. – Он помял лицо рукой, словно с похмелья, и злобно ругнулся. – Язви ево в душу, энтое море!

Тент, натянутый на баке, спасал от палящего солнца. Надраенная корабельная медь слепила глаза.

– Одначе, станишные, чую, не скоро мы взад возвернёмся, – вздохнул хорунжий, расстёгивая на груди чекмень. – Ежели чиво, то чиво, а ежели, конешно, што и говорить. – Короб со своими поделками он оставил у Попова, в монастырской гостинице, но всё равно тревожился за его сохран-

ность.

Со стороны камбуза несло кислой капустой и подгорающим маслом.

– Во сне девки веселье, – ухмыльнулся Курихин, принявшийся разглядывать предложенные ему конопатым вестовым матросом бесстыдные открытки с изображением обнажённых японок в откровенно-непристойных позах. У многих в волосах были розы, а на шеях – банты. Одни из них сосали собственный палец, другие умильно строили глазки, а третьи…

Впрочем, рассматривать было некогда, надо было двигаться вперёд, сходить на берег – клипер «Джигит» вошел в устье реки Янцзы и бросил якорь рядом с фрегатом «Светлана», пришедшим из Средиземного моря. По левому и правому бортам раскинулся город Шанхай. Причалы, набережная, разновеликие складские помещения. Всё как во всех портовых городах. Таверны, лавчонки, постоялые дворы, причём один из них расположен напротив тюрьмы, из которой по ночам раздавались душераздирающие крики.

Командир фрегата капитан 1-го ранга Чихачёв весело сообщил, что шёл из Вилла-Франки без остановки, ведя на буксире больше тысячи миль корвет «Посадник» и клипер «Наездник», чьи машины вышли из строя и требовали капитального ремонта.

Познакомившись с радушным и деловитым Чихачёвым, оказавшимся к тому же его тёзкой, старшим на два года,

Игнатьев тотчас перебрался на фрегат, велел поднять посольский флаг и отправился к американскому консулу Гарду, недавно принявшего на себя обязанности представителя России. Высокий, худощавый, очень симпатичный человек с живыми карими глазами, он сразу предложил остановиться в его доме:

– Места хватит всем.

Его предложение было принято Игнатьевым с радостью: в этом же доме остановился и министр-резидент Соединенных Штатов Америки Уард. Знакомство с ним могло способствовать сближению Игнатьева с послами других государств, и в первую очередь Англии и Франции. Россия и Америка заняли позицию строгого нейтралитета в предстоящей войне англо-французского десанта с китайцами, и это уравнивало Игнатьева с Уардом. Уравнивало, но Игнатьев никогда не забывал о том, что метаморфозы «Золотого осла» Апулея не идут ни в какое сравнение с теми, какие претерпевают политики и дипломаты, а что касается их нравственности, то герои «Декамерона» выглядят на их фоне прямо-таки святошами.

Дворец, в котором расположилось русское посольство, пользуясь гостеприимством консула Гарда, представлял собой красивое, лёгкое по формам сооружение, радующее глаз лазурной черепицей своей кровли на фоне гор, поросших лесом. Возле дворца – по обе стороны – был устроен небольшой уютный парк, в центре которого находился широко рас-

крытый партер с газонами и цветниками.

Вдоль набережной, на которую смотрел фасад дворца, красовались веерные пальмы и крупноцветные магнолии. День был жарким, по-южному солнечным. Над морем голубела высь. Поодаль от дворца, в котором проживали американцы, тянулся ряд фешенебельных дач.

– Вот не думал, что доберусь аж до самого Шанхая! – обустраиваясь на новом месте, цокал языком хорунжий и поглядывал из-под руки в сторону набережной, над которой висел разноязыкий гомон женских голосов и крики чаек. – Скажу кому в станице, не поверят.

Вульф осторожно нёс перед собой большую стеклянную банку с лупоглазыми рыбками красно-морковного цвета.

Прапорщик Шимкович вертел головой: искал точку съемки местности – Шанхая и его гавани.

Капитан Баллюзек разместился в изящной дворцовой пристройке, специально выделенной для гостей. Вместе с ним поселились хорунжий и несколько конвойных казаков.

Антип Курихин рассовал по углам казачий скарб, опустился на ступеньку и стал сворачивать цигарку.

– Не жизня у нас – санатория…

– Курорт, – присел напротив Стрижеусов и начал сдавать карты.

Министр-резидент Уард оказался рослым широкоплечим брюнетом с рукопожатием молотобойца. Прямые брови, прямой нос, холодный и вежливый взгляд. А улыбка радуш-

ная, добрая.

Игнатьева приятно удивило, что Уард его ждал. Встреча была не пышной, но деловитой, а это радовало больше, чем любой дежурный церемониал. Американец сразу усадил его за стол и забросал вопросами: какова цель прибытия в Китай? Что творится в Пекине? Отчего маньчжуры столь упрямы: не видят прямой выгоды от развития торговли с европейскими державами?

– Когда государство торгует, оно выигрывает при любой погоде, – с жаром предприимчивого человека то и дело восклицал Уард и вскоре распорядился подать виски, вино и жаркое.

– Ввиду отсутствия всякого движения в мертвую пору моего пребывания в Пекине я самым серьезным образом испугался, что эта мертвечина отразится на моем сознании, и никакие потом праздные вакации не восстановят живости моей натуры. – Игнатьев добродушно усмехнулся и откинулся на спинку стула. – Дела мои пока что удручающие. Су Шунь упрям, капризен, беспокоен.

– Он вёл переговоры?

– Да. Вернее, делал всё, чтобы они не состоялись. В итоге пригрозил отправить меня в Кяхту под конвоем и всячески мешал отъезду из Пекина. А до этого он запретил мне посетить вас, когда вы приехали в столицу. Очень жаль, что вы тогда не пожелали встретиться со мной, не настояли на свидании. Уехали, не повидавшись.

– Я был настолько занят, – принялся было оправдываться американец.

– Это явный промах, – посетовал Игнатьев. – Сойдись мы с вами тогда, мы многое успели бы сделать.

– А что вас привело в Пекин? – полюбопытствовал Уард.

– Нужно утвердить Тяньцзиньский договор. А заодно сообщить маньчжурам, что Россия в своих действиях будет солидарна с Северо-Американскими Штатами.

Это явно удивило Уарда, и он замолчал, не зная, что сказать по поводу услышанного. Используя его заминку, Николай предложил ему дать взаимное обязательство не брать на себя роль посредника без взаимного согласия. Сказал и испугался: а вдруг американец даст «добро», примет его условия? Однако Уард уклонился от обязательства.

– Честно говоря, – проговорил он, расправляясь с куском жареного мяса, – я по горло сыт Китаем и мечтаю как можно скорее вернуться в Америку. – Этим он как бы ограничил сферу своих планов.

– А мне ещё в Китае загорать и загорать! – живо откликнулся Игнатьев.

– А с кем бы вы хотели иметь дело? – приступая к десерту, поинтересовался американец.

– С принцем И Цином. Он ратует за укрепление Китая, за серьезные реформы в экономике страны. Честно говоря, наши затянувшиеся отношения по части обмена грамотами начисто лишены какой бы то ни было практической пользы и

представляются мне дрянным спектаклем, скучным и пошлым до тошноты. Возможно, я не прав и перестал воспринимать переговоры в свете должной занимательности, но чувство тупиковой безысходности пока преобладает. – Сказав это, Николай поморщился, как от зубной боли. – Таково моё пребывание в Пекине. Оно разительно ничтожно в отношении порученного дела и совершенно напрасно для меня, как человека сугубо военного. Будь я этнографом или хотя бы литератором средней руки, тогда, может, счёл бы скуку моей жизни философическим уединением, но… – он вздохнул, – не дано. Надеюсь, вы поможете мне расширить круг моих знакомств в Шанхае.

– Непременно, – кратко пообещал Уард и, памятуя о том, что Россия первой из великих держав признала суверенитет Североамериканской республики, граждане которой с большим воодушевлением сражались за независимость и свободу самоуправления, предложил выпить за дружбу двух государств.

Окна в сад были открыты, пахло розами и морем. В зарослях лимонника чивикала неведомая птаха, но трещавшие, как заведённые, цикады, неожиданно умолкли.

– Перед бурей, – сказал американец. – Цикада чует ветер.

Глава XV

Всю ночь бушевал ливень, гремел гром, и яростно ревело море. Природа словно давала понять, что ни о какой передышке и речи быть не может. Игнатьеву предстояла борьба, нелегкая борьба за свое право представлять Россию: он вступал в тот круг людских взаимоотношений, где вежливостью прикрывают подлость, а предательство считают делом чести. Молятся на политическую выгоду. «Ну что ж, – подбадривал он себя, прислушиваясь к шуму ветра и дождя, – делать нечего, надо приноравливаться к обстоятельствам. Нет легкой службы, нет пути назад. Любая служба обременительна, а государева и подавно». Он знал, что на попятную не пойдёт: бегущий от трудностей – вечный беглец. Нет, он станет биться один против всех. «В конце концов, – думалось ему, – самые большие препятствия на нашем пути возводит страх. Человек – это та птица, которая сама себе подрезает крылья, и всё оттого, что мы идем на поводу своих амбиций. Это так же верно, как и то, что многие дипломаты – прекрасные люди, в отличие от той политики, которую они проводят. Изъяны ремесла. Тяжкая доля отстаивать чуждое мнение. А я, – продолжал он размышлять, – собираюсь отстаивать интересы близких мне людей и прежде всего интересы родины. Если помнить о том, что из рук моей судьбы меня никто не вырвет, даже смерть, нет той силы, которую бы я не одолел». –

Придя к этой мысли, он улыбнулся и, мысленно поцеловав Му Лань, вскоре заснул.

На левом боку хорошо засыпать, на правом – просыпаться.

Утром от ближних гор, чьи склоны уходили в воду, после грозы шёл белый пар.

Вульф принес целую кипу свежих газет, наперебой вопивших о походе англо-французского десанта на Пекин. Лондонская газета «Дейли телеграф» громогласно заявляла: «Великобритания должна развернуть наступление на всё морское побережье Китая, занять столицу, выгнать императора из его дворца… Так или иначе, нужно пустить в ход устрашение, довольно поблажек… Китайцев надо научить ценить англичан, которые выше их и которые должны стать их господами… Мы должны по меньшей мере захватить Пекин, а если держаться более смелой политики, то за этим должен последовать захват Кантона навсегда…»

Николай отложил газету и задумался. Он знал, что Цины едва держатся на троне, но то, что Англия намерена свергнуть династию, было для него открытием. Ведь ещё в прошлом году Уайтхолл официально утверждал, что военные действия против Китая носят не захватнический, а «воспитательный» характер и ни о каком свержении правящей маньчжурской династии в министерстве иностранных дел Соединенного Королевства никто всерьез не думает. Наоборот, уступчивость Цинов, видящих свою главную задачу в

подавлении мятежников на юге, позволяла надеяться на благоприятный исход предстоящей военной кампании и удовлетворение насущных интересов Англии без «оперативного вмешательства» во внутриполитическое устройство Поднебесной.

«Мы сильно отстаём от Англии в своих претензиях к маньчжурам, – встал из-за стола Игнатьев и подошел к окну. – Они привыкли видеть в нас соседей, воспитанных, немногословных, и не считают нужным идти нам навстречу, а британцы бьют их почем зря и нагло диктуют условия. Интригу плетут так, как рыбаки сеть: чтоб порвалась, но не распустилась».

Лёгкий сквозняк вздувал шёлковые занавеси, приятно холодил лицо. Море катило пенные валы, и высоко-высоко в небе, на незримых качелях ветров, стремительно взмывали к солнцу чайки. Красивый парк, окружавший дворец, был ярко озарён небесным светом; магнолии и пальмы, смыкая свои кроны, превращали центральную аллею в тёмно-зелёный туннель, в конце которого были чугунные ворота, охраняемые двумя конвойными казаками. Сейчас в карауле стояли Беззубец и Шарпанов. Первого он узнал по лихо заломленной фуражке, а второго – по волнистому чубу цвета вороньего крыла.

Вдоль набережной благоухали розы, орхидеи и вовсе незнакомые цветы. Николай потянул носом воздух и явственно припомнил, как удивителен и благостен был запах

Му Мань: запах чабреца и липового меда!

Чтобы не предаваться любовной тоске, он решил прогуляться по городу: купить хорошего вина, приобрести столовые приборы (желательно из серебра) – для будущих приемов, да и вообще поближе познакомиться с Шанхаем.

Он уже выходил из комнаты, когда налетевший порыв ветра с треском захлопнул фрамугу, и на подоконник кусками посыпалась замазка.

От неожиданности Николай вздрогнул и задержался в дверях: сердце летуче пронзила тревожная боль. Какое-то недоброе предчувствие. Он машинально глянул на часы: было без четверти двенадцать, затем нарочно глубоко вдохнул, медленно выдохнул, чтоб успокоить дрогнувшее сердце, и велел Дмитрию сопровождать его.

Зайдя к консулу Гарду, он узнал, что полномочные послы: английский – лорд Эльджин и француз барон Гро, с чьим именем было связано насильственное подписание Тяньцзиньских договоров, задерживаются в пути из-за гибели парохода, на котором они собирались плыть вместе. Эта отсрочка их прибытия позволила Игнатьеву нанести визиты главнокомандующим союзническими армиями генералу Хоупу Гранту и Кузену де Монтобану, представиться английскому послу Фредерику Брюсу и его коллеге, французу Бурбулону. Фредерик Брюс, двоюродный брат лорда Эльджина, сухощавый блондин с тонкими губами и настороженностью во взгляде, сухо пожал протянутую ему руку и раздраженно

сказал, что слишком загружен работой.

– К сожалению, я не имею времени для светской болтовни. Не далее как две недели назад мы пережили осаду города и до сих пор разбираем завалы скопившихся бумаг. Вы даже не представляете себе, что здесь творилось!

– Буду рад узнать подробности из ваших уст, – пропустил мимо ушей обидное замечание насчёт «светской болтовни» Игнатьев и слегка склонил голову, давая понять англичанину, что готов выслушать всё, что он скажет.

– О! – воскликнул Фредерик Брюс, не ожидавший такой кротости от русского посланника, и закатил глаза под лоб. – Охваченный паникой Шанхай спешно вооружался, но прежде запасался провизией.

Цены на рис и крупу росли столь стремительно, что в принципе уже никто не торговался. Чиновники, имевшие возможность, выехать из города, торговцы, давно распродавшие товары, их жены, наложницы, слуги – все устремились в порт, на корабли: торопились вывезти сокровища и деньги, спасти свою жизнь. За ними толпами бежали проститутки: страшились повстанцев, отъявленных головорезов, убивавших любого на месте. Кокотки всех мастей молили в один голос: «Возьмите нас с собой! Мы честно отработаем билет, любую стоимость проезда!» Матросы прятали их в трюмах, в угольных складах, потом носили им туда еду и воду – полными тазами. Златотелые бонзы в кумирнях замазывались глиной, дёгтем и смолой. Драгоценности монастырей маски-

ровали, замуровывали в ниши, растаскивали по домам.

– И как же вы отбились? – с самым живым участием поинтересовался Николай, всем своим видом показывая, что вполне понимает тот ужас, который пришлось пережить иностранным дипломатам, до последнего не покидавшим город.

– Создали отряды самообороны, перегородили улицы, забаррикадировали посольства, а главное, – воодушевился Фредерик Брюс, – американцы и французы быстро организовали сотни наёмных солдат, вооружили их и двинули навстречу тайпинам.

Китайский болванчик, стоявший на столе, бессмысленно взирал на Игнатьева и кивал, как только англичанин затрагивал его. Трудно было представить, что здесь, в Шанхае, среди зелени и света, среди благоухающих цветов, под мерный, ровный плеск накатных волн, женщины панически заламывали руки и молили небо о спасении. Плакали дети, и тряслись от страха старики. Вспомнились слова командира эскадры Лихачева: «Важно сохранить остойчивость судна при любой погоде». Судя по рассказу Брюса, союзникам это удалось: они отстояли Шанхай для себя. Сохранили «остойчивость судна».

– Вы совершили подвиг, – с восторгом одобрения заметил Николай.

– К сожалению, – ответил англичанин и страдальчески поморщился, – мы потеряли много средств и времени: хуже всего – нехватка людей. Дела требуют постоянного моего

присутствия. Я уже забыл, когда тщательно взвешивал все за и против, мы давно перешли с китайцами на язык ультиматумов, и я не имею ни малейшей возможности отвлечься хотя бы на день или два, избавиться от всех этих убийственных забот и отдохнуть. В этом смысле я чистосердечно завидую вам: Россия не воюет с Китаем…

– У нас нет серьёзных разногласий, – ответил Николай и выразил надежду, что с прибытием в Шанхай лорда Эльджина у его предшественника появится время для отдыха и «светской болтовни». Так и сказал: «для светской болтовни». А что? Пусть в следующий раз не забывается и знает: память у русского посланника отличная.

Фредерик Брюс насупился. Его враждебность не была наигранной, и он теперь не знал: скрывать её или прикинуться обиженным?

– Я думаю, – помедлив, сказал он, – лорд Эльджин объяснит вам вашу роль.

Расстались они более чем сухо.

Господин Бурбулон, посол Франции в Китае, ведший вместе с Фредериком Брюсом переговоры по утверждению Тяньцзиньских договоров с китайскими уполномоченными, принял Игнатьева намного любезнее, нежели англичанин, но показался самым заурядным чиновником, не столько думающем о деле, сколько довольствующимся своим должностным местом и королевским жалованьем. У него были приятные манеры, но говорил он медленно и как бы неохотно, с

простудной, гнусавой растяжкой.

– Маньчжуры прислали в Шанхай своего уполномоченного Си Ваня. Он явно намерен добиться отмены многих статей договора. Во-первых, – возмущенно сказал Бурбулон, – он склонен к тому, чтобы лишить нас права появляться в Пекине, а во-вторых, объявил о запрещении консулам и торговцам углубляться внутрь страны.

– Это ультиматум.

– Ультиматум, – согласился Бурбулон. – В случае нашего отказа принять его условия Си Вань заявил о своем праве отказаться от Тяньцзиньских договоров.

– Это уже слишком, – заметил Игнатьев, начиная понимать озлобленность Су Шуня. – Я ведь тоже не сумел в Пекине подписать Тяньцзиньский договор.

Бурбулон кивнул.

– Си Вань ссылается на то, что уполномоченные, подписавшие договора, были так запуганы французами… что сами не знали, что подписывают.

– Один из них недавно отравился, – сообщил Игнатьев. – Принял яд.

– Ну вот, – развел руками Бурбулон, – если ещё и верховный комиссар Гуй Лян преставится, отдаст Богу душу, мы вообще оказываемся в тупике.

– Придётся снова воевать.

– Придётся, – подтвердил француз и шевельнулся в кресле, усаживаясь поудобнее. – И знаете, о чём ещё Си Вань всё

время говорит? – Его взгляд пытливо вонзился в Игнатьева. – Он похваляется тем, что Россия не смогла добиться от Китая территориальных уступок и теперь вы намерены просить «белых варваров», стало быть, нас, посодействовать в этом щекотливом вопросе.

Игнатьев едва сдержался, чтобы не выругаться вслух. Су Шунь его опередил. То, что он держал в тайне, в одночасье становилось известно многим. Теперь нужно было срочно что-нибудь придумать, опровергнуть столь унизительное для России толкование его прибытия в Шанхай. Официально заявить, что у России с Китаем разногласий нет.

Вернувшись во дворец, он сразу же зашел к Уарду. В его манерах была открытость и естественность. «Мне кажется, – думал Игнатьев, пожимая руку гостеприимному американцу, – он способен глубоко чувствовать».

Расположившись в кресле, он рассказал Уарду о нелепых слухах, которые распространяет маньчжурский сановник, и передал ему текст своего обращения к союзническим послам.

– Вы давно знаете лорда Эльджина? – спросил Николай американца, когда тот ознакомился с текстом письма и отложил его в сторону.

– Его не любят, – уклонился от прямого ответа Уард, верно угадав, что интересует Игнатьева. – Всем отвратительно его высокомерие.

– Спесь умной не бывает, – заметил Николай.

– Лорд Эльджин слишком нервен, – откинувшись на спинку дивана, вытянул ноги Уард. – Так и готов вцепиться в глотку всякому, кто не согласен с ним и говорит не так, как ему хочется.

– Диктатор.

– Самодур.

– В его жилах течёт королевская кровь, – усмехнулся Игнатьев.

– Не знаю, – ответил Уард. – Самонадеянность кичлива, и отвратна.

– В таком случае он захлебнется собственной гордыней.

– Всё возможно, – усталым голосом сказал Уард. – Но я не собираюсь прерывать с ним отношения. Моя ситуация не такая плохая, чтобы ссориться по пустякам.

Он выглядел спокойным, дружелюбным, безобидным. Несмотря на свой высокий рост и узкие плечи, худым или костлявым он не казался. Белая сорочка с закатанными рукавами обнажала крепкие жилистые предплечья и широкие могучие запястья. Это были руки кузнеца, молотобойца, а уж никоим образом не чиновника дипломатического ведомства.

«В сущности, – думал Игнатьев, возвращаясь к себе, – Вашингтон и Лондон очень близки между собой, несмотря на в общем-то изрядную дистанцию между двумя столицами. Освободившись от диктата Англии, североамериканцы тотчас приняли её модель внешней политики, сделав упор на

усиление своей финансовой экспансии. Он уже знал, что в руках деловых представителей Нового Света на территории одного только Шанхая находился Амойский судостроительный завод, завод «Хоукинс и Ко» и «Шанхай – ремонт судов». Николай передёрнул плечами. Ему и в голову бы не пришло заняться обустройством прибыльного дела в Шанхае или же в Пекине, а вот у того же Уарда две мануфактурные фабрики, а у Фредерика Брюса – акции завода «Сяньшунь» и три ювелирных лавки в Гонконге. Об этом ему по секрету сообщил Бурбулон, сам имевший в Макао несколько больших и респектабельных гостиниц. Адмирал Хоп, прибывший недавно на своем флагмане «Возмездие» из Кантона, который даже не пришлось брать штурмом: тайпины откупились и покинули город, честно признался, что «служба службой, а личный интерес ещё никем не упразднён». В конце концов, и королева правит так, что у её семейства прибавилось золота и бриллиантов, а ничуть не убыло. И, кроме всего этого, она ещё кичится богатством, не стесняется жить в роскоши: ей принадлежат почти все банки и ссудные конторы, алмазные копи и судостроительные верфи, бесчисленные острова в Индийском океане и угольные шахты в разных уголках Земли. Легче назвать, что ей пока не принадлежит, нежели перечислять те сферы человеческой деятельности, в которых она властвует без всяких церемоний. Имея всё, она стремится отобрать последнее. И в этом ей потворствует парламент – первый попуститель казнокрадства. Бо-

гата не Англия, не государство, не народ, а ряд аристократических фамилий. Вот уж и впрямь: умение править, это умение обратить в свою пользу даже победы врага. Но как ни мудри, несметные сокровища и неисчислимые богатства могут со временем оскудевать, и это волнует их владельцев гораздо больше, чем сознание своей недолговечности. «Живи хоть тысячу лет, покажется мгновением», – говорит Библия. Но смысл жизни баснословно богатых людей состоит в том, чтобы управлять будущим из прошлого, из собственной могилы, демонстрируя потомству всесилие денег и свой эгоизм: как я задумал, так всё и вершится. Потомки живут под гипнозом вчерашних идей.

После обеда он сел за стол и составил циркулярное письмо, с которым обратился к каждому посланнику. В письме он разъяснял свое нейтральное миролюбивое положение стороннего наблюдателя, «вполне совместимое, однако, с искренним сочувствием к видам английского и французского кабинетов, стремящихся внушить маньчжурскому правительству уважение к трактатам, распространению христианства и развитию торговых сношений с этим государством».

Брюс и Бурбулон обещали передать письмо новым уполномоченным послам, как только они прибудут в Шанхай.

Когда дневная жара спала, Игнатьев предложил Вульфу и Баллюзеку составить ему компанию: пройтись по набережной, спуститься к морю. К ним присоединились драгоман Татаринов и прапорщик Шимкович, успевший загореть до чер-

ноты – настоящий военный топограф.

Спустившись по лестнице, они попали на аллею, с которой открывался чудный вид на гавань и окрестности Шанхая. Вплотную к морю подходили горы с мягкими контурами, сплошь одетые густым зеленым лесом. Деревья спускались к самой воде.

Пройдя берегом пруда, укрепленного бамбуковым плетнем, Игнатьев со спутниками обогнули фонтан с золотистыми лилиями и, полюбовавшись пламенно-яркими розами одной из цветочных клумб, свернули на дорожку, ведущую к морю. Удушливо пахло магнолиями, терпентинным деревом и хвоей.

– Флот её величества – это сокровище Британии, – возвращаясь к прерванному разговору, сказал Вульф и посмотрел на прапорщика Шимковича взглядом человека, знающего себе цену. – С его помощью они прибрали к рукам множество земель, колонизировали чуть ли не полмира.

– В Америке много французских колоний, – поддержал разговор Баллюзек.

– Мы это знаем, но все время держим в уме Англию, – довольно сухо заметил Вульф. – В нашей русской голове бродит множество идей, но нужна одна, благодаря которой все остальные можно будет применить на практике. Это также бесспорно, как и то, что стоит выбросить из головы женщину и наши дела тотчас начинают идти в гору.

Игнатьев стиснул зубы, как от оплеухи. Кровь бросилась

ему в лицо, и он еле сдержался, чтобы не ответить секретарю мстительной грубостью. Ему показалось, что тот нарочно прибегнул к столь сильному сравнению, обидно отозвавшемуся в сердце. Какие бы люди ни окружали Николая, какое бы событие ни произошло, всё, что было связано с Му Лань, ясно сохранялось в его памяти, нисколько не тускнело и не изменяло облик. Ни самой Му Лань, ни времени их встреч. Он любовался ею издали, на расстоянии разлуки, мысленно, во сне, наедине с собой. Любовался так, как в детстве любовался утренней зарей или цветущей вишней, испытывая нежность и неизъяснимую печаль. Как будто согревал в своих руках окоченевшую от холода пичугу, которую обязан был – незнамо почему! – через какое-то мгновенье отпустить – во тьму кромешной ночи. Волна блаженной нежности отхлынула и обнажила боль, как прибойная волна, откатываясь, обнажает подводные камни. Эта боль давила и теснила изнутри, переполняла тоской и скручивала нить воспоминаний в тревожную звенящую струну. Он слышал мелодичный голос Му Лань, её счастливый смех, чувствовал прикосновение милых рук и ничего не мог поделать со своим желанием немедля, тотчас видеть её и говорить с ней; говорить нежнейшие, идущие из глубины души слова: о своих чувствах и о том, какое она чудо! На ласковый взгляд отвечать ласковым словом, трепетным и долгим поцелуем… Не было ещё ни у кого такой любви и, видимо, не будет.

Глава XVI

– Обожествлять женщину – великий грех, – продолжать разглагольствовать Вульф, увлекаясь своим красноречием и не замечая молчаливой угрюмости Игнатьева. – Великий.

– Всё так, но иной раз голову легче снять с плеч, нежели забыть свою прелестницу, – прямодушно заявил капитан Баллюзек, а драгоман Татаринов, быстро уловивший перемену в настроении Игнатьева, пылко заговорил о поэзии любовных чувств.

– Божественное в женщине требует возвышенного отношения к ней. И коль уж вы заговорили о грехе, то я позволю себе сказать так: грех разлучать сердца, рожденные друг другу на радость. – Сказал он это таким тоном, что не было никакого повода сомневаться в его искренности.

Николай благодарно посмотрел на него. Оказывается, драгоман посольства очень чуткий человек. Он и раньше отмечал, что Александр Алексеевич Татаринов разумен, хорошо воспитан, не любит поспешности в суждениях и опрометчивых действий, а со временем понял, что он к тому же ещё тонкий психолог и верный товарищ. Радушный, искренний, надёжный, не раз помогавший Игнатьеву правильно вести переговоры. Это он внушил ему мысль, что не надо бояться быть откровенным. Правда в том, что никто правды не знает. Все ориентированы на правдоподобие. «Мы чаще герой-

ствуем наедине с собой, нежели за столом переговоров. Мы помним, что в нашей недосказанности успех, но при этом забываем, что в нашей ясности – наш подвиг. И потом, – любил повторять Татаринов, – как мы увидим, что впереди, если станем смотреть в сторону?» Успех того, кто знает должное, непреходящ. Честность – это смелость.

– В основе людских отношений, – сварливо вступая в полемику с поэтически настроенным переводчиком посольства, продолжал витийствовать секретарь Вульф, – лежат низменные инстинкты, и никакой, как вы изволили заметить, поэзии чувств. Влечение полов играет далеко не последнюю роль. – Он заметил, что молодые китаянки, попадавшиеся им навстречу, бросают на них откровенные взоры, и обратил внимание драгомана на стайку девушек и иностранных моряков, весело болтавших в беседке, увитой плющом. Оттуда доносился женский сдавленный смешок и жеребячий гогот ухажеров: – Вы знаете, что их сейчас заботит?

Татаринов улыбнулся.

– Если перевести их диалоги, то я должен сразу предупредить вас, что они невероятно пикантны.

– Да-с! – радостно воскликнул Вульф. – Жизнь подтверждает мою правоту. Влечение полов и жажда обладания – вот тайная пружина самых утончённых чувств.

– Хорошенькие женщины могут позволить себе вольности, – миролюбиво заметил Баллюзек и тут же высказал мысль, что девушки смешливы по природе. – Им ещё при-

дёт время печалиться: заботиться о детях. Природой предусмотрено, что каждая женщина должна родить как минимум десятерых детей. Трёх дочерей и семь сыновей.

– Согласен, – ответил Татаринов, не напоминая Вульфу о том, что сам же познакомил секретаря посольства с одним из древних китайских постулатов, посвящённых медицине.

– Почему сыновей больше? – спросил прапорщик Шимкович, время от времени оглядываясь на хихикающих девиц.

– Да потому, что мальчики не приспособлены к жизни, – тоном посвященного ответил Вульф.

– Часто гибнут на войне, – предположил Игнатьев.

– Да и сердца у них слабее, чем у женщин, – добавил Татаринов.

– Это ещё и оттого, что барышням плевать на чувство, их волнует обеспеченность замужества, – презрительно добавил секретарь.

– Чересчур общо, – нахмурился Николай, решивший поддержать беседу, чтобы не выглядеть надменным. – Несть числа примерам женской жертвенной любви.

– В морской воде тоже есть золото, да сколько её надо выпарить, чтобы на дне хоть малая крупиночка блеснула, – отозвался Вульф. – Наша беда в том, что, желая обладать женщиной, любимой, разумеется, любимой, – поспешил он уточнить, – мы соглашаемся на всё: отказываемся от себя. И это грех. Вот я о чем хотел сказать, только об этом.

– Женщина не знает нас, и надо мужественно объяснить,

каковы мы, – сказал Игнатьев. Он сам ловил себя на том, что, влюбившись в Му Лань, стал податлив, как воск. Было както странно и дико думать, что и до него вот так же мучились, грустили и сходили с ума по своим возлюбленным в далёком и недавнем прошлом. Он ведь не один такой на свете: молодой, влюблённый, страстный.

– Женщина в теле, мужчина в деле, – афористично заметил Баллюзек и, похоже, смутился назидательности тона.

– Чем обольстительнее и циничнее женщина, – не унимался Вульф, коснувшийся любимой темы, – тем успешнее её дела, чего нельзя сказать о её встречных-поперечных компаньонах и их финансовом здоровье. – Он помолчал и, не услышав возражений, негодующе воскликнул: – Удивительное дело! Ещё никто не знает о вашем финансовом благополучии, а около вас уже вертится прелестная и обаятельная скромница.

Игнатьев отнёс бы эту реплику на свой счет, да вот только ни о каком «финансовом благополучии» и речи не могло быть. За время своего пребывания в Китае он истратил уйму денег, но и не тратить не мог: надо было «сохранять лицо».

– А вы заметили, – весело заговорил Татаринов, когда они через городской сад вышли на набережную, заполненную гуляющей публикой, – даже в том случае, когда женщин в собрании много, но среди них нет мужчин, достойных их внимания, они чувствуют себя в одиночестве.

– Женщинам нужно зеркало, – мрачно усмехнулся Вульф,

словно зеркало, в котором остро нуждалась лучшая половина человечества вкупе с фланирующими по набережной Шанхая дамами, было его единственной собственностью и представляло историческую ценность.

– Или хороший огранщик, – добавил Татаринов. – Чтобы алмаз засиял, нужно искусство ювелира.

Они миновали ажурную беседку, спустились по лестнице к морю и пошли по берегу. Вдоль прибойной полосы ходили чайки, важно переваливаясь с боку на бок. Цветные камешки, сверкавшие на солнце, золотистый песок и перламутровые ракушки, перемываемые шумной водой прилива, голубые горбы дальних гор и залитый июньским светом горизонт лучше всяких слов говорили о том, что настоящее бывает скучным и незапоминающимся. Нужно, чтобы прошло время, и тогда оно предстанет в искрометном одеянии воспоминаний, и всё, что мнится живым и ярким, не оставит после себя никакого мало-мальского следа, словно его и не было – ощущения реальности, праздника жизни. Страшная загадка – повседневность! Неповторимы очертания бытия! Может, поэтому люди любят дорогу, пускаются в странствия?

На рейде Шанхая стояли корабли союзников. Матросы на реях увязывали паруса, в сторону берега отчаливали шлюпки.

Капитан Баллюзек уважительно хмыкнул:

– Внушительный флот у союзников…

– Целая армада, – отшвырнув ногой консервную банку из-

под бристольской тушёнки, проговорил Шимкович и, подняв плоский камень, с силой пустил его по воде. Глаза его блестели удалью. Шлёпнув раза три по её зыбкой поверхности, камень скрылся из вида: нырнул под волну. – Теперь Пекин откроется, как табакерка, и богдыханчик затрясёт своей башкой.

Все рассмеялись. Юный топограф говорил редко, но образно.

Пока они шли по набережной, спускались к морю и шли вдоль берега, никто не заметил, как за ними увязался коренастый китаец с перебитым носом. Правую руку он держал в кармане. За его спиной висела дорожная торба из толстой буйволиной кожи, а на ногах были крепкие солдатские ботинки. В таких ботинках щеголяли пираты и головорезы флота её величества: десантники и штурмовики.

– Адмирал Хоп сказал, что союзный десант готов к штурму китайских крепостей, и прежде всего форта Дагу, запирающего вход в устье реки Бэйхэ, по которой можно дойти до Пекина, – сказал Игнатьев. – Уже подошли транспорты с полками, укомплектованными из индусов, африканцев и южноазиатского сброда, вплоть до корейцев.

– Среди наёмников есть и китайцы, – выказал свою осведомленность Вульф, внимательно читавший все газеты, которые можно было раздобыть в Шанхае. Многие из них издавались в Гонконге, давно и прочно оккупированном англичанами.

– Если британцы уже сто лет назад считали Восточную Азию территорией своих интересов, то что мешает им теперь считать Китай сферой своего влияния и нанимать местных жителей для своих неблаговидных целей? – задался вопросом Татаринов и пожал плечами. – Ничего. Они давно прибрали Гонконг к своим рукам. Их там целая колония во главе с губернатором.

– Это их черта. Будь на острове даже один-единственный британец, он тут же назовет себя губернатором и станет требовать ежегодного жалованья от своего правительства. – Игнатьев усмехнулся и заложил руки за спину, глядя на теряющийся в морской дымке горизонт. Китаец с перебитым носом тенью скользнул за рыбачью лачугу, затаился и потянул руку из кармана. Стайка грязных оборвышей перепархивала от одной прибрежной лавчонки к другой, от торговца жареной рыбой к продавцу морской капусты, от раскаленного противня к глиняной миске, с веселой непосредственностью никогда не унывающего детства, успевая клянчить милостыню, шпынять друг дружку и задевать прохожих. При этом самые отчаянные нагло обворовывали тех, кто зазевался. Встретится разносчик пирожков, заговорят ему зубы. Покажут фокус. Сунут в один карман куриное яйцо, а из другого вытащат пригоршню табаку. Пройдутся на руках, подрыгают ногами, кувыркнутся через голову, смахнут с коленей пыль и рванут во все лопатки, гогоча и прихлопывая себя по ляжкам, зная, что у одного из них за пазухой пригрелись

пирожки со сладкой тыквенной начинкой, а может быть, и с мясом. Ноги в цыпках, руки в ссадинах, а тело – в непроходящих болячках, заскорузлых струпьях.

– Исповедуй Китай христианство, в нём не было бы сирот, – нарушил молчание Татаринов и проводил ребячью ватагу грустным взглядом. Дмитрий Скачков, камердинер и телохранитель Игнатьева, единственный, кто не вступал в разговор и постоянно был начеку, бесцеремонно погрозил побирушке, неизвестно как отставшему от сверстников и присевшему на корточки с вытянутой рукой.

– Пшёл, сопля бесстыжая! – гаркнул он на него так, что тот от страха упал на спину. – Пристаёшь к благородным, холера!

– Дмитрий! – осуждающе воскликнул Николай и резко повернулся, желая распечь его за недостойное христианина поведение, и в тот же миг стальное лезвие ножа, брошенного из-за укрытия, вонзилось в парадный погон, разорвало золочёные шнуры. Не повернись Игнатьев, не сделай движения в сторону с лёгким наклоном плеча, клинок вошел бы точно под лопатку. Дмитрий тотчас сбил его на землю, прикрыл собой и выхватил револьвер. Баллюзек и Шимкович что есть мочи побежали за удиравшим китайцем, на спине которого болталась торба из буйволиной кожи. Как ни быстро бегали офицеры, но догнать прыткого, словно заяц, шпиона так и не смогли. А стрелять ему вслед не решились: на берегу было много людей. Сказали бы, что русские перепились и откры-

ли огонь по туземцам.

– М-да, – поднимаясь с земли и отряхиваясь, проговорил Игнатьев. – Господин Су Шунь действительно злопамятен.

– Редкая сволочь, – выругался Баллюзек, переводя дыхание.

– А злыдень-то шустёр, – продолжая держать револьвер наготове и загораживая собой Игнатьева, сплюнул Скачков и только сейчас заметил, что малолетний нищеброд до сих пор боится шелохнуться. – Сгинь, огрызок! – притопнул он ногой и скорчил свирепую рожу.

Повторять пришлось Татаринову, по-китайски. Он хорошо знал пекинский диалект и не упускал случая поговорить на кантонском наречии. Мальчишка понял и попятился к воде, не сводя глаз с револьвера, поблескивавшего воронёной сталью в руке Дмитрия.

Игнатьев потеребил разорванный погон и поднял с земли нож, наточенный, как бритва. Лезвие было в крови: клинок рассёк кожу плеча. Он передал его Скачкову и зашагал в сторону набережной, изредка морщась от боли.

За спиной, за лесом, вдалеке сгорало солнце, а впереди, идя навстречу, широко раскрывала объятия глухая шанхайская мгла.

Вернувшись в посольство и усадив Игнатьева в простенок между широкими окнами, предварительно закрыв их шёлковыми шторами, Дмитрий с величайшей осторожностью помог Игнатьеву снять испачканный кровью мундир, оголил

его плечо и обработал резаную рану йодоформом. Затем начал усердно бинтовать, часто вздыхая: переживал по поводу случившегося – это его вина, не уберёг.

– Чего это ты завздыхал? – бодрым голосом спросил Игнатьев, зная, что рана пустяковая и быстро заживёт.

– Да так, – уклончиво ответил Скачков. – В Петербурге-то, поди, белые ночи, заря с зарёй целуются.

– Соскучился?

– А то. – Голос камердинера был грустным.

После ужина Николай собрал членов посольства, рассказал о покушении и строго-настрого запретил касаться этой темы в разговоре:

– Плохо, если тебе угрожает сосед, но ещё хуже, если грозится прохожий. Так говорят китайцы, и они правы. Нам лучше умолчать о происшедшем. Европейские правительства умеют экзальтировать публику и всячески подогревать её корыстный интерес. Я не желаю будить в союзниках азарт погони, травли. Азарт мутит рассудок. Я нарвался на грубость пекинских чинуш, получил от ворот поворот и не хочу осложнений с послами Англии и Франции. Задача чрезвычайно сложна: необходимо тесно сойтись с союзниками и сохранить при этом свой нейтралитет. В будущем нас ждут переговоры с Цинами, но и союзникам от них не отвертеться. Легко пересаживаться с осла на лошадь, а вот с лошади на осла – всегда мучительно. – Он хотел улыбнуться, но лицо Вульфа раздвоилось и поплыло куда-то вбок. Ему стало дур-

но. Язык онемел, по телу поползли мурашки, а настольная лампа стала испускать зелёный свет. Его внезапно вырвало, и он потерял сознание.

Баллюзек подхватил его на руки, кликнул камердинера, и они вдвоём перенесли задыхающегося Игнатьева на диван, чувствуя, как он слабеет.

Татаринов взял вялую руку и нащупал пульс. Затем приник ухом к груди, послушал сердце – перебои. «Плохо дело», – испуганно подумал он и попросил Дмитрия принести злополучный нож.

– Только осторожно! – крикнул вслед. – Нож может быть отравлен.

Игнатьеву промыли желудок и по каплям стали вливать через нос целебную смесь, которую быстро составил Татаринов из имевшихся у него средств. В основном лечебных трав Китая, в которых он неплохо разбирался.

– Похоже на корейский корень, – сказал Александр Алексеевич, когда осторожно, через тряпку, взял в руки злополучный нож и понюхал лезвие. Пахло травяным ядом. – Так называемый «пёстрый глазок» – зеркало смерти, – пояснил Александр Алексеевич Вульфу, в глазах которого застыл вопрос: ну что? – Войди нож глубже, сердце бы остановилось. Никто так быстро не рубит головы, как маньчжуры, никто так не любит казнить, как Су Шунь, – вспомнил он слова Попова и впервые пожалел, что тот остался в Пекине. Его «китайский» опыт сейчас бы пригодился, был бы весьма кстати.

Вскоре щёки Игнатьева перестали дёргаться, а пульс пришел в норму.

– Да, – пробормотал Вульф, – искать своё в неведомом – тяжёлая работа, не из лёгких…

– А главное, опасная для жизни, – сокрушённо вздохнул Баллюзек и уставился в пол.

Так, без сна, они и дождались рассвета.

Глава XVII

Игнатьев бредил. Никого не узнавал. Татаринов поехал к Лихачёву – командиру эскадры. Сообщил о несчастье, о том, что они вынуждены никому не говорить о покушении: сохраняли строжайшую тайну.

Лихачёв немедленно отправился на фрегат «Светлана» и вернулся с судовым врачом, который осмотрел Игнатьева и, сосчитав удары его сердца, задумался.

– Одна надежда на молодость и сильный организм, – сказал он после длительного размышления и стал раскладывать аптечку. – По всей видимости, – обратился он к Татаринову, взявшему на себя роль «народного целителя», – состав яда очень сложный. Только этим можно объяснить внезапный бред.

– Какова обязанность стрелы? – в пятый или шестой раз приподнимался на локтях Игнатьев и невидяще смотрел на Вульфа. – Лететь! – уже привычно отвечал он комнатному потолку и в изнеможении падал на подушку. – А какова обязанность стрелы, выпущенной в цель? – Его трясло, губы синели, и он с трудом ворочал языком. – Попасть в неё, попасть! – Голос его срывался, и он надолго умолкал, чтобы вновь заговорить: – Вот этой стрелой вы и являетесь. Вам нужно достичь цели. Поразить её. Сосредоточьтесь.

– Плетёт из ветра шляпу, – неодобрительно покачал голо-

вой судовой врач и со свойственным многим армейским эскулапам цинизмом криво усмехнулся. – Это называется: покойник страшно возбудился, когда недооценили тяжесть его состояния.

– Типун вам на язык! – не на шутку осердился Вульф. – Несёте чепуху!

– Простите, – извинился медик, поняв, что сморозил глупость.

Татаринов поднялся с кресла и распахнул створки окна. В комнату ворвался свежий воздух, принесший с собой аромат магнолий и омытой росою травы. «Мелкая рыба любит тёплую воду, а крупная ищет холодную», – подумал он и выглянул в окно. Солнце ещё не поднялось над морем, но верхушки облаков уже окрасились в нежно-золотистые тона. Быстро-быстро, со свистом в крыльях, пролетели дикие утки, за ними потянулись чайки. Во дворе расставлял караул хорунжий Чурилин. Слышен был его хриплый, начальственный голос. Тихо, еле слышно, шелестел бамбук. Сосны кадили хвоей, горячим терпким духом шелушащейся коры, смолистой накипью стволов, зелёных шишек. Они радостно тянулись ввысь, славили утро, праздновали лето. Хотелось жить, работать, знать, что счастье рядом, но… не тут-то было.

Судовой врач отмерил несколько склянок микстур, смешал их с жёлтым порошком, скатал пилюли. Не без гордости сказал:

– Я ещё способен отличить понос от золотухи.

Он и Татаринов не отходили от постели больного ровно двое суток, и на третий день Игнатьеву стало лучше: лицо его порозовело, он пришел в себя.

– Союзные послы приехали? – первым делом спросил он у Вульфа, и тот внезапно понял, окончательно уверился в том, что Николай Павлович Игнатьев – человек долга, что государева служба для него не пустой звук. И хотя речь его стала медленней, говорил он ещё с трудом, но в глазах вновь угадывался молодой блеск.

– Ещё в пути, – успокоил его Вульф, и с этого дня Игнатьев пошёл на поправку.

Казаки, узнавшие о его выздоровлении, на радостях «сообразили по чуть-чуть».

– Генерал у нас задорный.

– Боевой!

– Ежели чиво, то чиво, а ежлить ничего, то извиняйте, доведись такое дело, вот те и пожалуйста, – философски размышлял хорунжий, касаясь вековечной темы жизни на земле, святой и грешной.

– Ковырнёшь? – указал он на бутылку местной водки сменившемуся с караула Курихину, и тот, отмахнувшись, замотал головой: – Ни ай, да ну. – Потом вздохнул и стал моститься к застолью:

– Разве что лафитничек за их превосходительство.

Солнце уже садилось, когда на горизонте прорезались силуэты союзнических кораблей.

Пятнадцатого июня тысяча восемьсот шестидесятого года в Шанхай прибыли Джеймс Брюс, лорд Эльджин и Жан-Баптист Луи, барон Гро, уполномоченные своими правительствами для утверждения Тяньцзиньских договоров.

Николай принял ванну, взял приготовленное Дмитрием полотенце, хранившее жар утюга, и сухо-насухо обтёрся, изредка поглядывая в зеркало. Он собирался нанести визит французскому посланнику и критически оценивал свой вид. «Богу лица не нужны, – думал он, подкручивая усы и расчёсывая волосы. – Богу нужны души. Ясные, чистые, верные».

Он плеснул в ладонь одеколон, похлопал ею по свежевыбритым щекам. Кожу приятно защипало.

Дмитрий помог ему одеться и кликнул казаков.

Собираясь к французу, Игнатьев уже знал, что барон Гро получил прекрасное воспитание, был отлично образован, имел связи в высшем свете. Дипломатическое поприще было ему не в тягость, и, если верить английскому послу Фредерику Брюсу, двоюродному брату лорда Эльджина, китайцы боялись его, как огня.

Барон Гро встретил посланника России довольно любезно и сразу усадил за стол, предложив выпить за знакомство.

– Это отличный мюскадель, – поднял он свой бокал с золотистым вином. – Люблю его запах.

Николаю вино показалось чуточку горьким. Возможно, это было связано с его недавним отравлением. Первые дни своего возвращения к сознательной и в меру бодрой жизни

он не мог даже притронуться к еде. Сейчас барон угощал его жареной уткой, вымоченной в винном уксусе, и китайской лапшой. Роста он был среднего, недурен собой, щеголеват, несмотря на то что явно разменял пятый десяток, при разговоре смотрел в переносицу собеседника, изысканно жестикулировал, относясь к себе, как бы с иронией, но это – для людей, игра на публику. После выпитого вина и ознакомительных ничего не значащих фраз он обращался уже к Игнатьеву по-свойски, говорил «мой дорогой», пересыпал свою речь остротами, любил «поджаристые» анекдоты, к месту и не к месту уточнял, что «это надо принять во внимание», и обижался, если с ним не соглашались. Николай уловил, что, как только француз начинал сердиться или был чем-то недоволен, он принимался крутить на своем безымянном пальце массивный бриллиантовый перстень. При этом он избегал резких суждений, голоса почти не повышал, но недовольно кривил рот и скашивал глаза.

Уже через час стало ясно, что барон самолюбив до неприличия. О таких в России говорят: «Поднял бы гору, да плечи узки». И как всякий самолюбивый человек, не к чести меркантилен.

– Новая война с Китаем поможет мне озолотиться, – самодовольно потёр он руки и благодушно рассмеялся.

Он не скрывал жажды наживы.

Но не это, разумеется, заботило сейчас Игнатьева. Он понимал, что чем больше союзники узнают о нем, о цели его

прибытия в Китай, тем больше будут стремиться всячески противодействовать его намерениям занять нейтральное положение в сложившейся конфликтной ситуации. Это логично, он бы делал то же самое, окажись на их месте в столь затруднительное время. Вместе с тем он всерьез начинал беспокоиться, как бы союзники не наломали дров в своем желании наказать китайцев и показать Цинам, кто первая скрипка в политическом оркестре мира и кто – черт возьми! – управляет этим оркестром. Первая скрипка в Европе конечно же Франция, но дирижирует всей гоп-компанией, пиликающей разудалые концерты, как дома, так и на гастролях, не кто-нибудь, а королевская Англия, владычица морей и умопомрачительных богатств. Великая Британия – посланник которой, лорд Эльджин, так и не ответил на циркулярное письмо Игнатьева и тем самым выказал свое неудовольствие по поводу его прибытия в Шанхай.

– Вы не боитесь заболеть здесь малярией? – с ложной заботой в голосе поинтересовался барон и посмотрел на Игнатьева, как на редкий экземпляр китайской флоры. – Термин взят из латыни, означает «гнилой воздух».

– Боюсь, конечно, – ответил Николай. – В устье Амударьи у меня заболел ею доктор, сам себя лечил хинином и нам давал противные облатки. Горечь несусветная, но помогает. Тьфу-тьфу, больше никто не пострадал. – О том, что сам он перенёс брюшной тиф, а недавно на его жизнь покушались, он счёл уместным промолчать. Было и прошло. Он молод и

здоров, как бык. Таким он и намерен оставаться. – Я не могу отрицать того, что невозможно подтвердить, поэтому я верю в Провидение. – Он нарочно уклонился в сторону от темы: барон Гро больше любил анекдоты, нежели серьезный разговор, а ему хотелось показать французу, что он не любит светской болтовни. Их беседа касалась торговли и политики, петербургских нравов и парижских непристойностей, театральных имен, старых истин и новых умонастроений, былых кумиров и зыбкости конституционных прав, гарантированных своим гражданам их парламентами. Барон словно испытывал своего гостя на светскость и аристократизм мышления. Но больше всего он был озабочен прогнозами на рост ценных бумаг и акций металлургических компаний, отмечая стремительный рост цен на нефть и уголь.

– Жизнь цивилизаций всё время меняется, и неизменно лишь золото, – улыбнулся посланник королевской Франции, давая понять, что он не равнодушен к чистогану. – Мы скоро станем жёлтыми, как это море и как это небо.

Что он хотел этим сказать, Николай так и не понял. То ли он имел в виду длительность своего пребывания Китае, куда впервые приехал два года назад, то ли намекал на скорое обогащение после выплаты Китаем контрибуции, наложенной на него Англией и Францией за гибель одной канонерки, пятисот солдат и сломанную руку адмирала Хопа при штурме крепости Дагу.

Тем не менее Игнатьев отшутился:

– Глазные щели сузятся, и лица округлятся.

– И мы научимся обмахиваться веерами и заплетать косички, – расхохотался барон Гро, – как это делают китайцы. Кстати, – предупредил он, – в Китае надо чаще мыться, особенно летом.

– Иначе заедят вши и тело покроется чирьями. Вы не были здесь в женской бане? Очень эротично.

Николай скривился.

– Приятно смотреть на обнажённую красотку, особенно если она сбросила платье ради тебя, недурно посмотреть на двух-трех танцовщиц, прикрытых одним воздухом, сидя в гареме у знакомого султана, но когда от обнажённых женских тел в глазах рябит – увольте. – Он взял в руку бокал и посмотрел в глаза барону. – Баня она и есть баня, средоточие гигиенических процедур: пахнет потом, мылом, а никакой не эротикой. – Сказал, слегка наклонил голову, дескать, вот такой я, другим не буду, и ещё выше поднял бокал: – Ваше здоровье, монсьёр.

Они выпили, и француз сказал, что «у китаянок маленькие груди».

– В отличие, скажем, от немок или ваших московских купчих.

– Вы были в Москве?

– Нет, я был в Ницце. Так вот, их там больше, чем местных рыбачек. – Барон Гро рассмеялся. Смеялся он заразительно, легко, почти на одной ноте: ровно, беззвучно, беззa-

ботно. Щурился и как будто отмахивал что-то от себя. Глаза лучились. Черные, живые. Одет он был бесподобно: можно сказать, не отставал от моды ни на шаг. Портные у него, а их, по-видимому, было много, отлично знали своё дело и понимали, чего от них хотят. Вкус у него безупречный. Библиотека избранных томов, которую барон возил с собой, насчитывала пять или шесть сотен томов и была представлена обилием замечательных имен, с чьим творчеством Игнатьев если и был знаком, то бегло или понаслышке. В Пажеском корпусе он увлекался фехтованием и верховой ездой, а в Академии Генерального штаба – учебников до потолка и ни минуты свободного времени. Кто философствовал или писал стихи, всех в скором времени отчислили, отправили в полки. Генштаб – мозг армии, и этот мозг должен работать, как часы, причём швейцарские: без намёка на возможность сбоя или досадную поломку. Чётко, точно, деловито. «Пришёл. Увидел. Победил». Глядя на развеселившегося барона, Николай не без гордости подумал, что тот не выдержал бы ни одного диктанта, читаемого на двух языках одновременно: часть текста писалась по-французски, часть – по-русски, но с обязательным построчным переводом на английский, и чтобы ни помарки, ни ошибки! Учили думать одному за троих! Думать на трех языках и оставаться русским. Нет, мысленно усмехался Николай, не выдержал бы Жан-Баптист Луи, барон Гро, такой муштры, каким бы он ни был начитанным. Но чего нельзя было отнять у него, так это дара общения с

людьми.

Игнатьев поблагодарил своего нового знакомца за гостеприимство и просил бывать у него запросто.

– Буду рад видеть вас у себя в любое время дня. Я остановился у американцев, в доме консула Гарда.

– О! – обрадовался барон Гро. – Я там уже бывал.

Вскоре он сделал обратный визит и сообщил, что его коллега, английский посланник, собирается дать бал в честь своего прибытия в Шанхай.

– Я думаю, вас тоже пригласят, – сказал он в дружеской беседе и тут же предупредил, что лорд Эльджин человек заносчивый, высокомерный. – Вы для него третий лишний.

– Посмотрим, – сдержанно ответил Николай и, высказав удовлетворение по поводу только что полученных известий из Петербурга об улучшении отношений между правительствами России и Франции, выразил надежду, что они с бароном, как представители своих стран на Востоке, последуют благому примеру и станут лояльны в своих отношениях. – Вас это вряд ли удивит, – сказал он французу, – но скудость моих интересов в Китае угнетает даже меня самого. Я здесь совершенно захандрил. Мне казалось, то разумение, к коему я расположен, позволит найти прелесть в прозябании и ничегонеделании на Востоке, но теперь я откровенно считаю излишним выражать такую уверенность. Я человек столичный, мне тоскливо в захолустье. Вот я и истребовал в своё распоряжение хоть маленькую, но эскадру. Всё-таки среди

своих уютней, чем в Пекине.

– Вам не удалось заключить договор? – вскользь спросил барон Гро, хотя они коснулись этого вопроса в первую же встречу.

– Право слово, нет! Маньчжуры неприступны.

– Когда мне доложили, что в Шанхае кипит жизнь, что здесь живут послы великих государств, цвет европейской знати, ух как я позавидовал всем вам, любимчикам судьбы, всем тем, кто понимает цену жизни, её смысл, её волшебный аромат. – Игнатьев заметил, что чем напыщеннее и бестолковее, бессвязнее и запальчивее он в своих речах, тем дружественнее атмосфера совместных застолий, откровеннее и проще. Дружелюбнее. – За вас, барон, за ваш успех, в который верю! – Он залпом выпил шампанское и молодецки хряснул бокал об пол.

Барон Гро был вне себя от счастья.

– Покажите, покажите ещё раз! Я восхищён.

Николай развернул плечи, приосанился, поставил наполненный вином фужер на локоть правой руки, поднес его к губам, выпил – непременно с локтя! – до дна и швырнул хрустальную посудину за спину: через левый эполет.

– Так пьют гусары!

– Ах! – воскликнул барон Гро. – Как хорошо, что в Шанхае нет театра или оперы. Иначе мы встречались бы лишь у актёрок.

Распрощались они по-приятельски.

– Кто бы и чем бы ни торговал, – говорил барон хмельным голосом, выходя на улицу, – государство от этого только выигрывает. Оно проигрывает, лишь воюя. Спекулянт – герой нашего времени. По крайней мере, в Европе. А в дипломатии, – наставлял он Игнатьева, слегка пошатываясь и вцепившись в его руку, – главное что? Угадать время переговоров. А затем в нужный момент задать решающий вопрос. Кто прав, кто виноват, рассудит время. Или не станет рассуждать, – тряхнул он головой, как бы соглашаясь с произволом времени, – возьмёт и сбросит в бездну лет, как сбрасывают в пропасть камень.

За то время, пока они прощались, Николай постарался внушить ему мысль, что для желанного успеха в Пекине при переговорах следует добиться встречи с богдыханом.

Глава XVIII

С утра Шанхай был охвачен известием: посланник её величества королевы Англии даёт бал в честь своего прибытия в Китай!

Игнатьев узнал об этом от посыльного английской миссии, который в десятом часу принёс визитную карточку лорда.

Понимая, что ему во что бы то ни стало надо смягчить враждебное отношение к себе заносчивого англичанина, Николай принял приглашение. Не ответив на циркулярное письмо, как это сделал барон Гро и как требует того долг вежливости, лорд Эльджин тем самым показал, что он ни во что не ставит русского посланника. Ему, видимо, хотелось, чтобы за иллюзию возможного сближения с ним Игнатьев начал откровенно пресмыкаться, приносить «в клюве» информацию о дипломатических планах России в отношении Китая, да и всей Восточной Азии. Как говорит барон Гро, легче плюнуть себе в душу, вывернуться наизнанку и показывать себя бесплатно в цирке, нежели сохранить искренность в дипломатии, чистоту сердца и непредвзятость. «Это так же верно, – сказал он, – как и то, что жена, рожающая сыновей, всегда моложе выглядит: дочери её не затмевают». Не далее как вчера француз поведал, что лорд Эльджин непростительно богат, что ни один из европейских дипломатов, не

говоря уже о местных мандаринах, не может соперничать с ним в роскоши и блеске. «Такого количества слуг, – вертел он на своем пальце перстень, – я не видел ни в одном французском замке. Одних поваров у него три суточных бригады по двенадцать человек в каждой, и все как один превосходны! У него есть даже камерный оркестр для услаждения слуха. Примите это к сведению. Насколько я его знаю, он вряд ли приблизит вас к себе. Чтобы роман был пылким, любовь должна быть лёгкой».

Игнатьев, помнится, ответил тогда так: «Не приблизит и не надо. Когда учитель фехтования повышает плату за уроки вдвое, я это понимаю: жизнь есть жизнь и её надо защищать, но вот когда учитель пения желает драть с меня три шкуры, простите, мне и петь уже невмочь! Сухота, знаете ли, дерёт горло». Сказал, а сам расстроился. Видно, он и вправду обречён ждать и надеяться. Ждать обещанного и надеяться на лучшее. Испытывать томительную неизвестность. Неопределенность.

Сегодня утром он с трудом нашёл в себе силы подняться, одеться, выйти на улицу. Проснулся он с тяжелой головой и долго не открывал глаз. Снова снился тигр. Затем приснилось, будто он стал тигром и чувствует себя в его зверином облике свободно и легко, как будто тигром был с рождения и никем не хотел быть, как только им. Когда осознал эту мысль, испугался: не сходит ли с ума? Слишком большая нагрузка выпала на его психику за последние два года.

Сперва поход в Хиву и Бухару, где он чудом ушёл от грозившей ему гибели, затем китайские мытарства, влюблённость в Му Лань, невыносимая разлука с ней, отъезд из Пекина и прибытие в Шанхай, отягчённые внезапным покушением на его жизнь и сопряжённые с постоянным ощущением меча, нависшего над головой.

Разлука с любимой лишала его чувства жизни.

«Разве я думал, что влюблюсь, что полюблю? А вот случилось…»

Хандра лишала его сил, не оставляла никаких желаний. Мучила его и укоряла; зачем, зачем он покинул Пекин? В Шанхае он никто. Пустое место. А он по своей сути, при его пылкой натуре, не терпел бездействия. Покой и тишина нагоняли на него смертную тоску, но, с другой стороны, он понимал, что надо иметь смелость оставаться в тени в то время, когда все толпятся на припёке, оттирают для себя место под солнцем. И ему в Шанхае нужно быть терпимым и сговорчивым. Не спорить, не критиковать. Нужно помнить: у тебя всё хорошо. Не ждать помощи ни от кого, но самому помогать. И улыбаться. Кто улыбается, вне подозрений. Этому учат китайцы: «Безмолствуй, но помни». Молчи, но делай всё, чтоб о тебе заговорили, и заговорили после того, как ты добился своей цели. В Пажеском корпусе он научился ценить дружбу, понимать стихи, но главное – он научился владеть шпагой. Почувствовал себя бойцом. Выбить из его руки клинок не удавалось никому. «И не удастся», – подвыдернул саблю

Николай и с силой вогнал её в ножны. И как только рука его легла на эфес, ему показалось, что он как бы взмывает, летит и поднимается незримо высоко на ярком воздушном драконе с разноцветным ленточным хвостом – парит и ничего ему не страшно. Вот такой могучий китайский дракон из рисовой бумаги на бесконечно длинной бечеве.

Взяв с собой охрану, Вульфа и Татаринова, Игнатьев отправился в английское посольство, располагавшееся по соседству с французским. В посольстве ему сказали, что званый ужин и праздничный бал состоятся в английском клубе, где имеется просторный светлый зал. Клуб располагался за углом американского консульства в величественном здании с арочными окнами и полукруглым фонтаном в огромном вестибюле, неподалеку от универсального магазина со сплошными стёклами витрин, опоясавших первый этаж.

И в английском посольстве, и в близлежащих кварталах, да, наверное, во всём Шанхае, все будто с ума посходили: посланник её величества королевы Англии устраивает бал! Все непонятно чему радовались и если чего не делали, так это не вертелись, как белки в колесе, и не скакали на одной ножке. Разве что мальчишки бегали по улицам и запускали змеев. И всё оттого, что из Англии прибыла военная эскадра и транспортные суда, битком набитые пехотой, конницей и артиллерией. Мятежники разбиты, отряды их разрознены, в Шанхае – бал!

Толпа гудела. Восточный народ любопытен. Зеваки при-

поднимались на носки, тянули шеи, напирали на передних. Передние теснились, упирались в кордон англичан – в бараньи шапки и красные мундиры.

День выдался жаркий, и пока добрались до клуба, Игнатьев взмок и проклинал себя за верность этикету. Рубаха прилипла, между лопаток текло, до рукояти сабли было не дотронуться – нагрелась.

– Народищу-то… жуть, – подивился хорунжий Чурилин.

– Што вшей у цыган, – уточнил Шарпанов.

Один за другим прибывали экипажи гостей, но вот, наконец, подъехала та карета, которую все ждали, – с геральдическими львами и короной на дверцах. Она играла солнечными бликами роскошной позолоты, зеркальными стёклами, отражающими разнаряженную толпу местной знати, праздную публику и сопровождавших карету лакеев в парадных фраках из тёмного сукна с широкими галунами. Форейтор возвышался на козлах, обтянутых красным сукном с кистями, и, натягивая длинные красные вожжи, удерживал четверку лошадей, запряжённых попарно. В правой руке он сжимал длинный пурпурный хлыст с витой золотящейся плетью. За его спиной, на крыше кареты четыре позолоченных женских фигурки поддерживали корону Британской империи.

По толпе пронёсся ропот восхищения.

– Виват королева! – закричали англичане, хотя из кареты показалось одно лишь самодовольное лицо лорда Эльджина. Это был высокий дородный человек с большими тёмными

глазами, с бледным холёным лицом и прямым носом, слегка сдвинутым набок, сдвинутым так, что идущие к уголкам рта складки казались глубже и резче. Возможно, это впечатление усиливалось острым проницательным взглядом и плотно сжатыми губами, говорившими о крайнем самолюбии того, кто стал виновником людского торжества. На нём были богатый английский сюртук, тёмно-фиолетовые брюки и ослепительно-белая, туго накрахмаленная сорочка с таким же сияюще-белым атласным галстуком. Всё новенькое: только от портного – с иголочки. На руках – белые перчатки. В руке – трость с золотым набалдашником.

«Постаревший Байрон, – тотчас подумал Игнатьев. – Денди, искалеченный гордыней. А точнее, – сказал он сам себе, – накрахмаленный волк».

Его отношение к лорду определилось сразу.

Вслед за англичанином подъехал барон Гро.

Уже по одному тому, как он щёгольски вынес себя из кареты, дав возможность лакеям помочь ему ступить на землю, было видно, что он любит мишуру высшего света, шумные балы и праздную толпу. Сам Игнатьев этого терпеть не мог, смеялся в лейб-гусарах над зазнайством и напыщенностью петербургских богачей, но – воистину! – над чем посмеешься, тому и послужишь: теперь он вынужден был проводить почти всё свое время в кичливом обществе аристократов.

Произошло то, о чём он раньше не мог и подумать: он стал дипломатом. Его сосредоточенная энергия искала выход в

действии, а он обязан был плести слова.

Величественные манеры лорда Эльджина и аристократически-небрежная вальяжность барона Гро подсказали ему, как вести себя на званом ужине, как держаться перед европейской знатью и местными аристократами.

Распрямив плечи, он гордо ступил на красную ковровую дорожку, по которой только что прошли две дамы, одна из которых двумя пальцами придерживала отлетающий край платья.

Среди гостей лорда Эльджина – почти все именитые жители Шанхая, друзья его брата Фредерика Брюса, друзья барона Гро, американца Уарда, приветственно пожавшего руку Игнатьеву, и родственники приглашенных. Лорд Эльджин издали обводил глазами собравшихся и, наткнувшись взглядом на Игнатьева со свитой, почувствовал, что ему душно: напомнил о себе тугой узел галстука. Вот уж кого он не хотел видеть, так это настырного русского, успевшего сойтись с бароном Гро и приблизиться к американцу. Если бы не дипломатическая корректность и давняя привычка использовать людей в своих целях, он бы его не пригласил ни за какие коврижки. Но так как он считал себя жестким прагматиком, то велел своему секретарю Олифанту отправить «этому русскому» приглашение, и сейчас Игнатьев должен был почувствовать всю значимость того, кто представляет могущество и величие Соединенного Королевства в Китае.

Николай встретился с ним взглядом, отвесил вежливый

поклон, но тот остался неподвижным. «Ладно, – подумал Игнатьев, хотя краска бросилась ему в лицо, – стерплю и это». Придя на торжество, он хотел лично убедиться в том, о чём его предупреждал князь Горчаков: Англия использует любую возможность, чтобы настроить китайцев против русских.

Убедиться и сделать всё прямо противоположное закулисным инициативам англичан, внушить китайцам искреннее уважение к их северному соседу, раскрыть им глаза на респектабельную и чудовищно корыстную политику британцев. Естественно, об этих его мыслях, если кто и знал, так это секретарь посольства Вульф, драгоман Татаринов и отец Гурий. Все остальные могли лишь догадываться относительно его истинных намерений. Глядя на высокомерного лорда Эльджина и блистательно-галантного барона Гро, обменивающихся между собой оживленными фразами и рассыпающимися в любезностях перед сонмом элегантных дам, Игнатьеву вдруг показалось, что политический, да и чисто человеческий альянс этих двух дипломатов непрочен. Слишком уж себялюбивым и вместе с тем довольно благодушным виделся ему француз Жан-Баптист Луи, барон Гро, и непростительно высокомерным представлялся англичанин. Но и слишком многое в их глазах было против него – молодого, неопытного, никому не известного и, вследствие этого, никому не нужного представителя России, прибывшего в Шанхай с непонятными целями. Они, видимо, полагали, что,

побывав на приеме столь высокого уровня, он сам поймёт всю нелепость своего положения и добровольно откажется от своих необоснованных притязаний на пусть не радушное, но в общем-то терпимое отношение к своей особе. Отказать человеку в общении – это невежливо, а дать понять, где находится выход, вполне пристойно. В какой-то степени даже гуманно. Не выталкивать же человека взашей. С порога.

Представляя свои будущие отношения с русским «наблюдателем», как барон Гро и лорд Эльджин окрестили его про себя, они видели в нём провинциального зрителя, впервые попавшего в оперу или в театр. Они не переставали играть роль могущественных политиков, прекрасно образованных и поднаторевших в плетении словесных кружев, с помощью которых уже не раз достигали поставленных перед собой целей. Их успешное подыгрывание друг другу повышало не только дипломатический статус их государств, но и собственное материальное благосостояние, что отнюдь не маловажно: большие деньги – это ещё и большое влияние при дворе. Одним словом, они те, кто снисходит до вежливых бесед с профанами. Если русский посланник об этом не догадывается, тем хуже для него – пусть тешит самолюбие возле чужих столов. Возможно, что его удастся приручить, сделать своим; угодливо-послушным. Если им правильно руководить, он сможет воспринять внушаемые ему взгляды на жизнь и – чем черт не шутит! – невольно втянет Россию в вооружённый конфликт с Поднебесной. А это, что ни гово-

ри, крайне уместно. Англия тогда погреет руки.

Лорд Эльджин посмотрел на оживлённо разговаривавшего с его секретарём Игнатьева и оценил безмятежность гостя, как свойство недалекого ума. Сказать по совести, ему бы хотелось видеть представителя России унылым и подавленным, осознавшим свою роль третьего лишнего, но… быть может, это и неплохо: жизнерадостный кретин всегда понятен. Управляем.

Вскоре к Игнатьеву подошёл посол Франции в Китае господин Бурбулон с женой – миловидной глазастой шатенкой, державшей свою голову так, что все невольно любовались её статью и причёской, украшенной чудесной диадемой – бриллиант на бриллианте. Игнатьев, со своей безукоризненной осанкой и богатырским разворотом плеч, в парадной генеральской форме с орденами, был почти на голову выше всех и выглядел от этого ещё моложе. Было видно, что госпоже Бурбулон льстит внимание молодого русского посланника. Молодость прекрасна сама по себе, а молодость дипломата всегда обворожительна. Жена французского посла протянула ему руку для поцелуя и смешливо заметила, что на фоне лорда Эльджина все дамы меркнут.

– Сколько я его знаю, – весело защебетала она, слегка жеманясь и отвечая на приветствия знакомых, – он всегда был поразительно умён, хорош собой и вёл себя, хотите этого иль нет, как откровенный баловень судьбы.

– Причём безнравственность его могла шокировать и да-

же восхищать натуры слабые или же явно склонные к пороку, – с ревнивой неприязнью в голосе заметил Бурбулон. – А коль уж так устроен мир, что худшее всегда скорее находит отклик в душах и сердцах, нежели чувство добродетельное, отбоя от поклонниц всех возрастов у него не было.

– Он пользовался этим беззастенчиво, – сочла нужным заметить жена Бурбулона и отчего-то погрозила пальцем мужу.

– Да и чего стыдиться, – мрачно оказал тот и недовольно покосился на супругу, явно заигрывавшую с молодым посланником России. – Лорд Эльджин всегда хорошо знал цену всем, с кем приходилось знаться, вольно или же цинично уступая обстоятельствам.

– Да, да! – поправила на своей открытой шее бриллиантовое ожерелье госпожа Бурбулон. – Лорду Эльджину приписывают слова, известные в дипломатических кругах. – Она стыдливо прикрылась рукой и вполуоборот к Игнатьеву сказала: – Прежде чем заниматься политикой, научитесь заводить любовниц или любовников, если вы стремитесь к более успешному развитию своих насущных или далекоидущих дел…

– … а может, и своих естественных наклонностей, – многозначительно подмигнул Бурбулон и повлёк супругу за собой.

– Это не я сказала, – засмеялась госпожа Бурбулон и пошевелила пальцами в воздухе, как бы давая знать, что они ещё встретятся и поговорят откровенней. – Это лорд Эльд-

жин сказал.

Николай почувствовал, что покраснел. Лицо заполыхало.

– Я рад: нас замечают, – шепнул Вульф. – Это удача.

– Чтоб стать любимцем короля, надо сначала добиться у него аудиенции, – сказал Игнатьев и жестом показал адмиралу Хопу, что приветствует его. Жесткое обветренное лицо старого моряка просветлело. – Как говорит барон Гро, – продолжил он, обращаясь к Вульфу, – чтобы стать любовником влиятельной маркизы или фаворитки короля, надо уже быть любимцем всех, уже прослыть угодником и ловеласом. Другими словами, иметь заглазное ручательство своей неординарности.

– Ну что ж, – приосанился Вульф. – Постараемся всех обольстить.

Татаринов щелкнул крышкой карманных часов. Спешить было некуда, и он рассеянно взглянул на циферблат: поинтересовался временем чисто машинально.

Лорд Эльджин и барон Гро поджидали китайцев: уполномоченного Си Ваня и генерал-губернатора Шанхая, чьё имя ни тот ни другой не удосужились запомнить. Вокруг них толпились белокурые англичанки и черноглазые француженки. Лондонская роскошь, парижский лоск. Съехались, сочли за честь прибыть на бал, засвидетельствовать своё почтение, познакомиться и представиться, протежировать и шельмовать, доносить и сплетничать, строить прогнозы и разрушать иллюзии, возводить напраслину и с упоением интриговать.

Вся история мировой дипломатии – одна нескончаемая интрига. Помпезность и пышность нарядов поражали взор. Когда на званом вечере много красивых женщин, это говорит о том, что жизнь чудесна, и тот, кто пригласил к себе весь этот шумный рой красавиц, понимает, для чего живет. Молодые сотрудники посольств, морские и сухопутные офицеры сразу же столпились в бальной зале. Каждый выбирал глазами ту, которую нашёл самой красивой. Пусть в одном месте сойдётся хоть тысяча пленительных жеманниц, всё равно захочется отыскать среди них ту, которой вы бы с легким сердцем и без колебаний отдали пальму первенства.

Барон Гро покручивал на пальце перстень. Его раздражало, что к мнению лорда Эльджина прислушиваются буквально все: и ветреные хохотушки, и люди серьезные. А ведь ничего сверхъестественного он им не говорил. Обычный набор фраз, как у цыганок. Главное, смотреть в глаза, не отпускать руку и сообщать доверительным тоном, под видом страшной тайны, какую-нибудь благоглупость, сродни той, которую обычно говорят мамаши своим взрослым дочерям: «Я могла бы умолчать о многом, но ради твоего душевного спокойствия, родная, вынуждена сказать правду». «Правда» всякий раз была одной: сиюминутно-устаревшей.

Несомненно, в свое время Жан Баптист-Луи, барон Гро, был одним из самых блистательных молодых дипломатов Франции, но и теперь, когда прошло немало лет, он держался с той снисходительной величественностью, какая свойствен-

на лишь избранным аристократам.

Рядом с ним стоял аббат Де ля Марр – католический священник с тяжёлым двойным подбородком, терпеливо перебирающий чётки и бросающий исподлобья взгляды на оголённые плечи красавиц, делавших вид, что им душно, и вынужденных беспрестанно обмахиваться веерами, входившими в моду.

Локоть к локтю со священником заметно смущался выпавшим ему соседством бледный и напряженный секретарь французского посольства барон Меритенс, с которым Игнатьев успел познакомиться в день своего первого визита к французам. Высокий, стройный, аристократичного вида, он произвел хорошее впечатление приятной доброжелательностью в разговоре.

Когда прибыли китайцы, Николай демонстративно направился к Уарду – он знал, что маньчжуры поощряют действия американца по формированию отрядов самообороны среди жителей Шанхая и, восхищаясь тем, что он вооружает наёмников для борьбы с повстанцами за собственные деньги, постоянно напоминают европейцам о благородстве американцев, об их бескорыстном мужестве. Уард крепко пожал руку Игнатьеву и вернулся к прерванному разговору с каким-то португальцем.

– Мы готовы, – говорил он, – относиться ко всем с равной мерой уважения, но, поскольку у Соединенных Штатов самые дружественные отношения с Китаем, мы намерены об-

судить финансовые вопросы и всемерно развивать торговлю и промышленность в Шанхае, чтобы насытить жизнь других территорий.

«Молодцы, – мысленно похвалил американцев Николай, – не теряют времени зря».

Уард не оставил без внимания и грядущие контрибуции, которыми союзники обременили Пекин. Здесь он напомнил угрозу англичан.

– Лорд Эльджин лично заинтересован в скорейшем получении пяти-шести миллионов лянов серебром. По неписаным законам Соединенного Королевства человек, увеличивающий благосостояние государственной казны, получает свою долю в виде единовременного вознаграждения или всевозможных привилегий, способствующих многократному увеличению имеющегося капитала. Главное, считает английский парламент, чтобы исчезла никому не нужная «разобщенность в обществе» и все его члены работали на достижение единого результата: могущества Англии.

Звучало красиво.

Глава XIX

Привыкший к царским балам со времён своей пажеской юности, Игнатьев сразу выделил главные фигуры сегодняшнего торжества. Глаза у него не разбегались, пульс не частил, и слышал он отчётливо и ясно. Чувствовал он себя в атмосфере спесивой помпезности, как рыба в воде, в отличие от секретаря Вульфа, который был оглушен и ослеплён происходящим. Зеркала вдоль стен отражали многоликое собрание, множили число сапфировых колье и драгоценных украшений, алмазные россыпи заколок, жемчуга, сияние и блеск.

Дамское общество напоминало собой живой калейдоскоп ювелирных изделий, где преобладали белые и золотистые тона, самым чудесным образом сочетавшиеся с нежно-голубым и бледно-розовым соцветием тех, кто демонстрировал своё великолепие и красоту в одном и том же месте.

Вульф всеми силами старался скрыть свою нервозность. Он чувствовал себя неловко и теснее прижимал локти к груди, боясь кого-нибудь задеть и вызвать явное неудовольствие. Ему казалось, что он всем мешает, он и норовил идти не рядом с Игнатьевым, как это делал драгоман Татаринов, а чуть поодаль, как бы прячась за их спинами.

Все блуждали в большой зале, невольно теснились и окидывали друг друга любопытно-вежливыми взглядами, ожидая начала торжеств.

Как-то так вышло, что Игнатьев со своими спутниками оказался если не в первых рядах, то очень близко к тем дверям, из которых должен был выйти в залу исчезнувший на время лорд Эльджин. Когда Николай продвигался в толпе, он чувствовал, как многие невольно расступались перед ним, а дамы не таили одобрения во взорах.

Высокий, статный, широкий в плечах, он заметно выделялся из своего окружения, и его мужественные черты лица, открытый чистый лоб и умный взгляд красивых тёмных глаз с едва заметным ласковым прищуром сразу привлекли к себе всеобщее внимание. Мужчины почувствовали в нём соперника, а женщины – некую тайну, возможность завязать «особенные отношения».

– Кто он, этот Аполлон? – любопытно зашептались дамы и принялись донимать своих ревнивых спутников расспросами. Те уязвлённо фыркали:

– Так… русский наблюдатель.

– Ладно, узнаем, – не соглашались с такой уничижительной оценкой любопытствующие, и вскоре несколько экстравагантных дам с наигранными ахами принялись расспрашивать Игнатьева о погоде в Петербурге и о том, какие цены на соболий мех.

Николай расточал улыбки, кланялся, целовал ручки и покаянным тоном сожалел, что не был в Петербурге больше года.

– Безвылазно сидел в Пекине, как в плену.

– Чудовищно!

– Ужасно!

– Боже! – всплёскивали руками дамы. – Обладать такой завидной внешностью и не иметь возможности быть в свете! Право, нам неловко сознавать сию безумную несправедливость! Ах, оставьте! Да при чём же здесь дела? – отмахивались они от его возражений и ссылок на служебную необходимость. – В молодости надо жить! И радоваться жизни! Надеемся, в Шанхае вы не будете скучать! – При этом каждая невольно опустила взор, чтобы скрыть своё кокетство, но скрыть так, чтоб он заметил, оценил и, разумеется, прельстился. А как ещё иначе показать длину ресниц и глянуть из-под них с надеждой?

Но вот появился лорд Эльджин со свитой, всех пригласили к банкетным столам, и барон Гро предоставил слово своему коллеге.

Возбужденный говор стих. Все замолчали, повернувшись в его сторону и забыв на время о своих знакомцах, спутниках и веерах. Зрелые дамы поднесли к глазам лорнеты.

– Леди и джентльмены, – держа в руке бокал с шампанским, обратился лорд Эльджин к собравшимся и встретился взглядом с каждым, кто, по его мнению, должен был сыграть главную или вспомогательную роль в задуманном им фарсе под рабочим названием «церемониал коленопреклонения, или поход на Пекин». И если его взгляд задержался на американце, то Игнатьева он просто не заметил. Вернее, посмот-

рел так, как смотрят на афишную тумбу: пристально и безучастно. Зато он дважды помянул в своём праздничном спиче генерал-губернатора Шанхая, усадив того между двумя адмиралами: британцем Хопом и французом Шарнэ. Пусть почувствует их дружеские локти. При этом, давя усмешку, он заговорил быстрее, чем обычно, страстно и взволнованно. Заговорил так, чтобы каждый уяснил: он, лорд Эльджин, – опытный и дерзкий дипломат, фаворит палаты пэров, много лет служит короне и лучше многих знает, кто, на что способен из господ, одетых во фраки и непременно в белоснежные манишки. О, его не проведешь! Пусть образование у него не музыкальное, зато слух абсолютный, позволяющий улавливать любую фальшь, да что там фальшь – тончайшие оттенки в игре того или иного оркестранта. И в данное время никому иному, как ему была доверена дирижерская палочка, и дерзновенное право стоять спиной к сильным мира сего, к монархам и членам правительства, к ложам, партеру – ко всем, кто так или иначе захотел услышать старую английскую увертюру, исполняемую сейчас на гнилых подмостках дикого Китая. Увертюру древнюю, как мир: «Горе побежденным!»

Коснувшись внешней политики Англии, лорд Эльджин подчеркнул её открытость, гуманность и бескорыстие. Судя по его напыщенным фразам, единственное правительство, которое могло и может управлять миром в «условиях нового времени» это правительство её величества королевы Виктории, в честь которой он – её посланник – и предлагает вы-

пить всех присутствующих стоя.

Военно-морской оркестр бодро грянул гимн «Боже, храни королеву!» и присутствующие чинно подняли бокалы, встав со своих мест. Черные сюртуки, белые морские кители и многоцветье женских платьев – весь бомонд и знать Шанхая. Его блеск.

В середине залы между столами был оставлен широкий проход. Множество цветов на столах, роскошные наряды и ослепительные украшения, великолепный интерьер клуба и широкие окна, сквозь стекла которых виднелось яркое безоблачное небо и голубело в летней дымке море, делали торжество необычайно пышным, а его атмосферу – удивительно праздничной.

Напротив Игнатьева, за дальним столом у противоположной стены, сидела девушка в нарядном легком платье, и, когда лорд Эльджин предложил всем выпить, она послала ему воздушный поцелуй и многозначительно приподняла свой бокал, словно приглашая англичанина отведать вина с ней наедине. Воздушное платье, отделанное кружевом и крохотными бриллиантами, придавали её фигуре особую стройность. Николай отвел от неё взгляд и печально вздохнул. Вспомнил Му Лань. Она была бы в этом обществе ослепительно хороша, как бывает дивно прелестна и чарующе нежна полураскрывшаяся роза в утреннем саду на фоне зелени, обрызганной росой. В любом народе есть свои святые, есть явленные людям чудеса и красота, внушающие мысль о пре-

лести и тайне жизни. Он прикрыл глаза рукой, и со стороны могло показаться, что он глубоко прочувствовал и теперь пытается осмыслить проникновенную речь лорда Эльджина. Разве что побелевшие скулы да еле заметное подрагивание пальцев могли говорить об иной причине его отрешённости. Спустя какое-то время к нему пробрался секретарь французского посольства барон Меритенс и попросил подойти к английскому консулу Парису. С дипломатической точки зрения это, конечно, было унижением. Консул сам должен был подойти к русскому посланнику или к его секретарю Вульфу, засвидетельствовать своё почтение и передать всё, что намеревался сообщить. Игнатьев кивнул и виду не подал, что самолюбие его уязвлено: он кроток, очень кроток, и к тому же глуп, как пробка. Ничего не понимает в этом мире. Ничего.

Английский консул Парис, недавно и прочно обосновавшийся в Шанхае, крепко сбитый господин с ледяным взглядом и выпирающей вперёд нижней губой, свидетельствующей о его крайнем самолюбии и выдававшей в нём натуру страстную, амбициозную, по слухам, был любимцем лорда Эльджина. Его деловая репутация могла отразиться в одной фразе: «Честолюбив, жесток и меркантилен». Нельзя не признать, что он прекрасно разбирался в дипломатических тонкостях и кичился своим знанием китайцев.

Обменявшись рукопожатием и несколькими вежливыми фразами с пожелавшим увидеть его Парисом, Игнатьев сразу же отметил про себя, что приятные манеры англичанина

имели ли бы больший эффект, не храни его глаза высокомерного и сумрачного выражения. Он распознал в нем опытного лицемера и решился подыграть ему немедля.

– Я не открою никакую тайну, если признаюсь, что вижу в вашем лице подлинного знатока Китая и всегда буду рад составить вам общество вкупе с лордом Эльджином.

– Вы ещё не знакомы? – со скрытой издёвкой в голосе спросил Парис и сообщил, что имеет честь представить русского генерала виновнику сегодняшнего торжества. Проговорив это со свойственным ему апломбом, он сделал приглашающий жест и, слегка склонив голову, направился к лорду Эльджину, лицо которого приняло глубокомысленное выражение, и сам он как бы приготовился поразить идущего к нему Игнатьева изощренностью своего пылкого ума, тончайшей наблюдательностью и дальновидностью пророка. Николай интуитивно почувствовал, что основной фигурой в предстоящей дипломатической игре выступит именно этот джентльмен, сэр Джеймс Брюс, лорд Эльджин, в жилах которого текла кровь шотландских королей. В России тоже были «свои» Брюсы, известные давней верной службой русскому трону. Их пращур, Вильям Брюс, потомок королей Роберта I и Давида II (Брюсов), правивших в Шотландии в четырнадцатом столетии, известен русской истории по заслугам сына и внуков. В России он появился в семнадцатом веке, вынужденный покинуть родину во время правления Кромвеля. Царь Алексей Михайлович принял его на службу и назна-

чил полковником одного из регулярных полков, стоявших в Пскове. Первый его сын Роман Вильямович стал первым обер-комендантом Петербурга, а второй Яков Вильямович дослужился до генеральского чина и пожалован был в графское Российской империи достоинство, составил знаменитый Брюсов календарь. Игнатьев был любопытным, и это помогало ему быстро сходиться с людьми. Сошедшись, не теряя времени, он приучал их считаться со своими обширными знаниями и мнением, как правило, довольно безошибочным. Краем глаза он заметил, что госпожа Бурбулон стояла неподалеку от лорда Эльджина в окружении нарядно одетых дам. По их жестам было видно, что они обсуждают новое платье той, которая всё время вертится на месте и непрестанно охорашивается, поправляя то бант на груди, то рюшечки на рукавах. В большой двусветной зале стоял гул голосов, шелест нарядов и было слышно шарканье сотен подошв. Сияющие люстры отражались на блестящем паркете. Николай подошел к английскому посланнику с твёрдым намерением дать понять тому, что Россия небезразлична к судьбе своего юго-восточного соседа. Он, посланник русского царя, имеет честь быть связанным обязательством перед своим правительством содействовать Китаю в мирном разрешении военного конфликта, возникшего на пустом месте. По совести сказать, конфликт не стоит выеденного яйца: подумаешь, нарушен этикет: маньчжуры не сочли нужным извиниться за произведённый ими арест китайских пиратов, прятавшихся

на английском судне под видом моряков. За это даже по лицу не бьют, не говоря уже о том, чтобы идти войной; об этом лишний раз стараются не вспоминать по крайности благовоспитанные люди. О причине конфликта ему рассказал барон Гро, а сейчас подтвердил Парис, подчеркнувший, что последней каплей, переполнившей чашу терпения, стало заявление Пекина о необходимости соблюсти дурацкий церемониал «коу-тоу» при аудиенции у богдыхана, церемониал с девятью коленопреклонениями. «Южные китайцы шустрые, помозговитее северных, – счёл нужным заметить Парис. – Живут торговлей, вроде турецких армян, и всячески содействуют её развитию. Пожив в Гонконге, я понял, что Китаю нужен поводырь, и таким поводырем станет английский парламент». С этими словами он приблизился к лорду Эльджину и сделал шаг в сторону, как бы давая Игнатьеву возможность самому заявить о себе.

В эту минуту министр налогов и сборов Су Шунь заканчивал свои приготовления к задуманной интриге. Его пособники в одинаковых бледно-лиловых одеждах молча выслушали последние наставления, дважды поклонились, и неслышно притворили за собой дверь – ушли потайным ходом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.